

антология
пермской
литературы

Олег
ЧЕРНЯК

НЕНАПИСАННЫЙ ПОРТРЕТ

рассказы

18+

Серия «Антология пермской литературы» —
лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства
(номинация «Литература») за 2013 год

Издание сборника рассказов Олега Ароновича Черняка «Ненаписанный портрет» и подготовка его электронной версии осуществлены при поддержке Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru) и при содействии Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России.

В оформлении книги использованы работы художника Наталии Лежнёвой.
На обложке, титульном листе: «Ненаписанный портрет». 2020 г., холст, масло, 30х40.
На форзаце: Триптих «Рецепт счастья». 2020 г., холст, масло.
На стр. 39: «Привкус мёда», 2020 г., бумага, карандаш.
На стр. 211: «Майская гроза», 2020 г., бумага, карандаш.

том тридцать третий

Олег
ЧЕРНЯК

НЕНАПИСАННЫЙ ПОРТРЕТ

рассказы

«Пермский писатель»
Пермь • 2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ч 49

антология пермской литературы • том 33

Олег Аронович Черняк.
Ненаписанный портрет
рассказы

Черняк О. А.

Ч 49 **Ненаписанный портрет: Рассказы.** — Пермь: Пермский писатель, 2020. — 240 с. — (Антология пермской литературы; т. 33). ISBN 978-5-6042008-8-9

Автор Олег Аронович Черняк хорошо знаком российскому и зарубежному читателю. Но, что ожидаемо, писатель особенно популярен у себя на родине — в Пермском крае, где издание его книг никогда не проходит без немедленного прямого отклика и живого общения с людьми.

Книга рассказов «Ненаписанный портрет» составлена из ярких, эмоционально насыщенных новелл, впечатляющих в сконцентрированных сюжетах чистыми, с валёрными оттенками, нежными или едва намеченными чувствами героев, погружённых волею жизни в растерянность, обиду, страх, надежду... В безнадежность отчаянья. Или в беззащитное счастье. Писатель традиционно, по-русски погружен в пучину человеческого бытия: на сердечную боль всегда откликнется другое сердце. Человеку всегда поможет человек. И ещё неизвестно, для кого из них это важнее...

Издание адресовано широкому кругу читателей старше 18 лет.

ISBN 978-5-6042008-8-9

9 785604 200889

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© О. А. Черняк, текст, 2020
© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2020
© ПКОО «Пермский писатель», 2020

Наша Юляша

Через шесть лет, прожитых вместе, Юля и Глеб наконец решились, что теперь, проверив себя в различных жизненных ситуациях, они готовы завести ребёнка. Но все попытки заканчивались неудачей.

Заключение врачей звучало как приговор Божьего суда: родить Юля не сможет никогда. Первое время они продолжали жить как раньше, делая вид, что ничего не произошло, но трагическое известие наполнило отношения постоянными недо молвками и взаимными упрёками. Юля корила во всём себя, хотя именно Глеб три раза настаивал на абортах, убеждая, что обзаводиться детьми ещё не пришло время. Она покорно соглашалась и шла в больницу. Сейчас же он обвинил её во всём и категорически отказывался от любых медицинских новшеств, дарующих семье долгожданного малыша, а об усыновлении чужого ребёнка даже и слышать не хотел. Юля нисколько не удивилась, когда примерно через год Глеб собрал свои вещи и ушёл. Ей на секунду показалось, что она не только была готова к такому повороту, но и хотела этого сама. Тепло домашнего уюта давно сменилось промозглостью охладевших душ. Юля не могла понять, почему Глеб ушёл к женщине с двумя детьми, дважды побывавшей замужем.

«Как так? — недоумевала она. — Из детского дома брать не хотел, а тут воспитывать чужих не побоялся. Значит, не в детях дело, а во мне».

Первое время Юля жила воспоминаниями о счастливом прошлом, затем были попытки влюбиться, но все мужчины не дотягивали до образа идеального мужа. Планку снижать

не хотелось, и вскоре Юля поняла, что шансы устроить личную жизнь съехали до нуля. Тогда она махнула рукой и решила подарить себе на день рождения котёнка.

В обеденный перерыв Юля накрыла коллегам стол и отпросилась домой. Накинула плащ, вышла на улицу, села в трамвай и поехала на птичий рынок. Юля бродила по рядам, где продавали кошек, прислушиваясь к шороху, доносившемуся из потрепанных коробок.

«Чего я тут разгуливаю? — подумала Юля. — Всё равно ничего не понимаю. Возьму не раздумывая — того, кто на меня посмотрит».

Она остановилась около первого попавшегося торговца и заглянула в коробку.

— Бери, за сотню отдам. Один остался — махонький, но мужик. А не возьмёшь — сдохнет скоро от тоски, — буркнул продавец и вытащил из коробки серого котёнка.

— Сдохнет от тоски, — повторила Юля. — Прямо как про меня.

Она отдала сто рублей и сунула котёнка за пазуху.

— Подожди, — торговец ухватил её за рукав. — На вот тряпку — заверни. А то оконфузится по дороге, а тебе потом плащ стирать.

Всю дорогу до дома котёнок спал. Иногда он открывал глаза, лениво озираясь по сторонам, елозил и потягивался, высвобождая из тряпки тоненькие лапки с крошечными коготками.

Юля подошла к дому. У подъезда стояла пожилая соседка с третьего этажа. Опираясь на стену, она озиралась по сторонам.

Юля часто встречала эту соседку, они всегда здоровались,

но никогда не разговаривали. Одежда её была небогата, но всегда чистая и ухоженная.

— Здравствуйте, — сказала Юля. — Вам помочь? Вы что-то потеряли?

— Здравствуйте, — улыбнулась соседка. — Да уж, оказия приключилась. Не могу дверь открыть. Домофон пищит, а дверь не открывается. Откроете?

— Конечно, — ответила Юля.

— Ой! А это кто у вас там? — вскрикнула старушка и ткнула пальцем в высунувшего мордочку котёнка. — Ёжик?

— Что вы! — засмеялась Юля. — Это котёнок.

— Славный. Как зовут?

— Ещё не придумала. Хотя, может, назвать его Ёжик?

— Весело получится, и необычно, — согласилась соседка.

— Опять лифт не работает, — раздражённо сказала Юля и, увидев грустное лицо соседки, добавила:

— Не переживайте, вдвоём тихонечко дойдём. На каждом этаже будем останавливаться и набираться сил.

— Спасибо, — ответила старушка и неожиданно перешла на «ты».

— Тебя вроде Юля зовут? — продолжила она.

— Да. А вы откуда знаете?

— А я всё про всех знаю. Телевизор с их проклятыми новостями не смотрю, а в окно поглазеть люблю. Да и когда во двор выхожу, от соседских старух всё узнать можно. Ты не подумай, что я сплетни собираю. Разговаривать-то с кем-то надо. Тоскливо одной.

Они поднялись на площадку между первым и вторым этажами.

— А вас как зовут? — спросила Юля, расстегнула верхнюю пуговицу плаща, и оттуда сразу появилась голова котёнка.

— Зови просто — тётя Ася, — ответила соседка и облокотилась на обшарпанный подоконник.

Она прищурилась, вглядываясь Юле в лицо.

— Ты какая-то не такая сегодня.

— Какая? — удивилась Юля.

— Яркая, что ли. Я когда тебя в окно вижу, то всегда думаю: вроде молодая девка, а ни косметики, ни причёсочки. Неправильно это.

— Так не для кого причепуриваться, тётя Ася! — засмеялась Юля. — Мужика-то рядом нет.

— Ну ты дурёха! Разве мы для кого-то живём? Для себя же! А мужики — это дело преходящее. Себя любить надо. Будешь себя любить — и все будут. А для кого-то жить — только силы понапрасну тратить. Всем не угодить... Пойдём. Отдышалась я.

Женщины поднялись ещё на пролёт. Котёнок хорошо выспался и полностью освоился на новом месте. Он крутил головой и постоянно цеплялся когтями за ворот плаща. Недовольно фыркал, чихал и тихонько мурлыкал, высвобождая лапы.

— Вот почти и дошли, — сказала тётя Ася, взглянув наверх. — Знаешь, Юля, а приходи-ка ты вечером ко мне. Часов в шесть. У меня ведь день рождения сегодня, семьдесят три стукнуло.

— Не может быть! Поздравляю!

— Что не может быть? — удивилась тётя Ася. — Старше выгляжу?

— Нет, что вы! Просто у меня тоже сегодня день рождения — тридцать пять исполнилось.

— Ух ты, значит судьба! Поздравляю! Тем более приходи. Посидим. Сын мой приедет. Он разведён. Познакомлю вас.

Тётя Ася выжидающе посмотрела на Юлю.

— Хотя ты, наверное, отмечать будешь с друзьями? — она обиженно нахмурилась.

— Нет. Не планировала. Да и друзей вроде у меня нет. Так, подружки, по телефону поболтать.

— Теперь у тебя будет друг, — улыбнулась тётя Ася. — Это я. Если хочешь, конечно. Можешь у меня, когда надо, котёнка оставлять. Я за ним присмотрю. Приходи вечером. Я такой «Оливье» делаю — никто такого не делает. А курочку зажарю — ум отъешь и пальчики оближешь! Придёшь?

— Ум отъешь! — хмыкнула Юля и ответила: — Приду.

Она помогла тётке Асе открыть дверь, поднялась на свой этаж и зашла в квартиру. Поставила котёнка на пол, тихонько подтолкнула его ладошкой и сказала:

— Ну что, Ёжик, осваивайся!

Котёнок осмотрелся и аккуратно шагнул. Лапы заскользили по линолеуму, и он плюхнулся на брюхо. Поднялся, мяргнул и в один прыжок оказался в комнате. Впился когтями в обивку кресла и повис. Юле показалось, что он улыбнулся.

«Вот и пришёл конец креслу», — подумала она, сняла плащ и бросилась на помощь.

Юля отцепила Ёжика, взяла его на руки, села в кресло и задумалась. «А почему бы и не сходить? Приятная тётка, добрая. Только что-то надо подарить».

Она принесла с кухни табуретку, забралась на неё и открыла дверку антресоли. Достала шуршащий свёрток и спрыгнула на пол.

«...То, что надо», — подумала она и вытащила из пакета лёгкую, в ярких цветах косынку, которую купила в Испании четыре года назад, но так ни разу и не надела.

— Вот и пригодилась, — сказала Юля и пошла переодеваться.

Ровно в шесть она стояла у квартиры соседки.

Тётя Ася открыла дверь со словами:

— Проходите, гости дорогие!

Юля с восхищением посмотрела на неё. Всего три часа назад на улице она встретила обычную пенсионерку, опечаленную и растерянную, а сейчас перед ней стояла настоящая дама: в чёрном, чуть ниже колен платье с белым отложным воротничком, подкрашенными ресницами и взбитыми начёсом волосами, уложенными в аккуратную причёску.

Перехватив Юлин взгляд, тётя Ася кокетливо подмигнула, подняла руки в стороны и спросила:

— Ну как? Маленькое чёрное платье должно быть в гардеробе каждой женщины. И я с этим согласна!

— Это вам! — Юля протянула соседке кулёчек с подарком.

Тётя Ася достала косынку, повязала её на шею и посмотрелась в зеркало у двери.

— Прекрасно! — глаза её блеснули. — Давно подарков не получала. Спасибо тебе!

Она обняла Юлю.

— Ну, хватит в коридоре стоять, пойдём покажу, как живу.

Они зашли в маленькую спальню. У дверей стоял старинный комод, заставленный цветными и чёрно-белыми фотографиями различных размеров, в разнообразных рамках.

— Это мой Витенька! — гордо сказала тётя Ася.

Юля рассматривала снимки.

Казалось, что соседка хотела уместить на комоде всю жизнь сына: вот он у неё на руках, совсем маленький, вот он уже в детском саду, у новогодней ёлки в костюме космонавта, тут он с букетом первого сентября, а тут — на защите диплома и на охоте.

«Сколько фотографий, — подумала Юля и начала считать. — Восемнадцать штук. Ничего себе!»

— А это тебе на день рождения, — сказала тётя Ася, и протянула Юле сложенный в прозрачный пакет шарф. — Он очень тонкий и лёгкий, но при этом тёплый. Носи на здоровье!

— Ой, спасибо, тётя Ася!

— Ладно, пойдём за стол, а то курица остынет.

— А Витя? — спросила Юля. — Не будем ждать?

— Не будем, — опустила глаза тётя Ася. — Он человек занятый, может и опоздать.

Стол в гостиной был накрыт на троих.

— Садись, накладывай мой фирменный «Оливье», а я курицу принесу.

Тётя Ася оказалась прекрасным собеседником. Она не только рассказывала увлекательные истории о своей жизни, но и с удовольствием слушала Юлю.

Со стороны могло показаться, что встретились две лучшие подруги, которые не виделись много-много лет, и теперь, переполненные прошедшими событиями, они старались выплеснуть друг на друга накопленные за долгие годы радостные эмоции.

Во время разговора тётя Ася украдкой посматривала на большие настенные часы. Когда на улице окончательно стемнело, Юля засобиравлась домой.

— Давайте я вам помогу со стола убрать, — предложила она. — Поздно уже. Мне завтра на работу, да и вам отдыхать надо. А Виктор, наверное, не придёт? Дела не отпускают?

Тётя Ася взяла со стола салфетку и приложила её к глазам.

— Да, Юлечка, дела, — вздохнула она. — Шесть лет, как не приходит на день рождения. Я в последний раз его видела года два назад, на Восьмое марта. Заехал — чаю попили, и умчался. Звонит редко, раз в две недели, наверное, или раз в месяц. Деньги мне на карту переводит регулярно. Не забывает. А зачем мне деньги его? Я их всё равно не трачу, привыкла уже на пенсию жить. Много ли одной надо? Мне бы повидать его да прижаться к нему, маленькому моему сыночку!

— Ладно, иди, Юлечка, — сказала тётя Ася, вытирая слёзы. — С посудой я сама справлюсь, надо же чем-то себя занимать. Приходи, когда время будет. Спасибо за милый вечер!

Юля и тётя Ася встречались теперь каждый день: то Юля забежит к соседке на чашку чая, то тётя Ася поднимется к ней. Пока позволяла погода, они гуляли в городском парке: сидели на скамейке, ели мороженое, кормили голубей и наблюдали за резвящейся малышнёй. С наступлением сырого ноября вместе ходили на концерты или в театры. Будничная жизнь наполнилась теплом и заботой. В знак полного доверия они вручили друг другу дубликаты ключей от своих квартир и отметили это событие в кофейне, славившейся не только отменным кофе, но и нежнейшей выпечкой.

— Прекрасно, это прекрасно! — восхищалась тётя Ася, откусывая «Наполеон». — Как много я пропустила! Сидела, как сыч, одна да в окно смотрела. Жизнь-то, оказывается, не оставилась.

Иногда, перед работой, пока тётя Ася ещё спала, Юля приходила в эту кофейню и покупала что-нибудь из свежей выпечки. Возвращалась, открывала соседскую дверь ключом, крадучись, пробиралась на кухню. Садилась за стол, писала шутивное пожелание на салфетке, клала на неё пирожное и так же тихо уходила. Если Юля задерживалась на работе, тётя Ася поднималась к ней провести Ёжика, а заодно и вымыть посуду, которую вечно спешащая соседка оставляла в раковине после завтрака.

В середине декабря Юлю отправили в командировку в глубинку области.

— Да не расстраивайтесь вы так! — обнимала она тётю Асю. — Всего на неделю. Звоните мне в любое время. Вам скучать некогда будет, забота о Ёжике полностью на вас. Вернусь — и подумаем, как Новый год встречать будем. Хорошо?

— Хорошо, — всхлипнула тётя Ася, уткнувшись носом в плечо соседки.

За всю неделю Юля не смогла связаться с тётей Асей. Она не ожидала, что в посёлке, куда её командировали, не было не только сотовой связи, но и проводной. В случае необходимости с районным центром общались по рации.

Время тянулось нескончаемо. Юлю мучила тревога. За последние пару месяцев она сильно привязалась к соседке, и теперь переживала, как там она без неё. Юля считала дни.

По дороге обратно позвонить тётё Асе не удалось. Телефон разрядился полностью.

Вернувшись в город, Юля села в такси и поехала домой. Она зашла в подъезд и услышала доносящиеся сверху мужские голоса и шум передвигаемой мебели. Юля вприпрыжку влетела на третий этаж. Два мужика в рабочих комбинезонах вытаскивали из квартиры тёти Аси старинный комод. Около лифта стоял высокий мужчина. Он курил, облокотившись на перила.

— Что здесь происходит? Вы кто? Где тётя Ася? Я полицию вызываю! — закричала Юля и достала телефон.

Мужчина усмехнулся, бросил окуроч на пол, шаркнул по нему и отпнул в сторону.

— Полицию не надо. Квартиру я продал, а мама переехала.

— Мама? Вы Виктор? — выдохнула Юля. — Как продали? Тётя Ася мне не говорила, что собирается переезжать. Объясните!

— Так всё быстро произошло. Деньги срочно нужны. Зашиваюсь. Нынешний бизнес — такое дело... Сегодня на коне, а завтра — у него в заднице. Вот мама и предложила продать.

— Где тётя Ася? — снова крикнула Юля.

— Не ори! В доме престарелых.

— Что?!

— Ничего. Тебе-то какое дело?

— Такое! — Юля скрипнула зубами и злобно произнесла по слогам: — В каком доме престарелых?

— На улице Лыкова. Частный. Типа пансионата. Там всё на уровне. Кормёжка, лекарства, уход и компот.

На глазах Юли выступили слёзы.

— Ну и тварь же ты, Витя! — прошептала она и быстро под-

нялась на свой этаж. Зашла в квартиру, бросила дорожную сумку, поставила телефон на зарядку и побежала на улицу ловить такси.

На входе дома престарелых «Тёплый дом» Юлю остановил охранник. Он внимательно изучил её паспорт и вызвал администратора.

— Я всё понимаю, — сказала менеджер, — но пустить вас внутрь я не могу. Не пугайтесь — это временно. Мы проверим вас через службу безопасности, поговорим с Асей Петровной, и директор вам даст разрешение.

— Тут что, тюрьма? — Юля начала злиться. — Я её даже увидеть не смогу?

— Ну что вы? Конечно, сможете. У нас для таких случаев всё предусмотрено. Есть специальное помещение.

— Так вы её позовёте?

— Конечно. Проходите туда, — администратор указала на дверь. — Там можно спокойно посидеть, чаю попить. Проходите, проходите. Сейчас она выйдет.

Юля зашла в комнату. «Действительно, неплохо», — подумала она, оглядевшись.

В комнате было довольно уютно: мягкие кресла, небольшой стол около окна. На нём стоял электрический чайник и одноразовая посуда.

Дверь открылась, и Юля увидела тётю Асю в домашнем халате. На шее была повязана лёгкая, в ярких цветах косынка, которую Юля подарила на день рождения. Соседка держала в руке большой пластиковый контейнер для переноски животных, там сидел Ёжик. Увидев хозяйку, он завертелся, пытаясь

выбраться. Тётя Ася закрыла дверь и выпустила кота. Ёжик выпрыгнул из заточения, шмыгнул к Юле и протяжно заурчал, елозя боками о её ноги.

Женщины обнялись.

— Не волнуйся, Юлечка, — сказала тётя Ася. — Всё нормально. Я сама так решила. Садись, я тебе сейчас чай приготовлю.

— Не надо чай, тётя Ася. Собирайтесь, поедem ко мне. Будем вместе жить, — сказала Юля.

Тётя Ася села в кресло и скомандовала:

— Садись, Юля. А ты бы как поступила? Пришёл сын и сказал, что у него большие проблемы. Надо деньги, чтобы спасти бизнес. Я спросила: а если продать мою квартиру, хватит? Он говорит — хватит, и уже покупатели есть. Я и говорю: а ты меня в дом престарелых устроишь? А он говорит: я так и думал. И договорился в хорошем частном доме для пожилых людей.

— Тётя Ася, а он сам-то где живёт? — спросила Юля.

— Как где? Где и жил.

— Так как же он вас...

— Тише, Юля! — прервала тётя Ася. — Эта тема больше не обсуждается.

— Поедем ко мне, я вас очень прошу!

— Нет. Ты молодая, тебе надо жизнь устраивать. Просто приходи ко мне, когда время будет. Не забывай.

Тётя Ася встала, подошла к Юле, положила руки ей на плечи и поцеловала в темечко.

— Не вставай, — сказала она. — Я пойду.

Юля сидела в кресле: тяжесть, наполнившая ноги, не давала подняться. Она сжала зубы, чтобы не расплакаться, но это не помогло: непослушные слёзы потекли по щекам.

...Вызывать такси Юля не стала. Посадила кота в контейнер и вышла на улицу.

Она брела, опустив голову и прислушиваясь к звуку скрипящего под ногами снега. Город, украшенный к новому году праздникам, сиял переливистыми огнями цветных гирлянд. От накотившей обиды и гнетущей тоски ей хотелось выть.

«Неужели такое может быть? — подумала Юля. — Как получилось, что светлая и добрая женщина вырастила такое бездушное чудовище? Так не бывает! Я должна что-то придумать. Но что? Я не знаю. Может, с директором поговорить? Посоветует что-нибудь. Он, наверное, всякие ситуации видел. Сколько там стариков? И у каждого своя судьба, ведь не просто так они оказались в доме престарелых».

Через три дня хлопот Юля получила разрешение проходить в «Тёплый дом».

Она быстро перезнакомилась со всем персоналом и постояльцами. Только с директором встретиться не получалось: он был занят предновогодними хлопотами. Каждый вечер после работы она ехала на улицу Лыкова. Старики почувствовали её искренность и тепло, и отвечали ей взаимностью.

— Знаешь, Юлечка, — сказала тётя Ася, — тут все так привязались к тебе, что, не дай бог, ты задерживаешься, и народ сразу начинает волноваться. Накидываются на меня с вопросами, куда ты запропастилась и не случилось ли с тобой беды.

— Это же здорово!

— Конечно. А Геннадий Петрович, так тот вообще в тебя влюбился, и это в восемьдесят лет! Бреется каждый день к твоему приходу. Стихи начал писать. Каждый день нам новые читает. И при этом краснеет как мальчонка!

Юля рассмеялась:

— Ну и ну! Надо ему подыграть.

— Подыграй. В нашем возрасте нам немного надо. Он тебя не иначе как «наша Юляша» называет, и мечтает, чтобы ты Новый год с нами встретила. А Маргарита Ивановна страдает. Ревнует его к тебе.

— Даже так! — засмеялась Юля. — Скажу ей, чтобы не ревновала. А Новый год я и так собираюсь с вами встречать, и с администрацией уже договорилась.

— Правда? — глаза тёти Аси блеснули.

— Конечно, правда, — ответила Юля и обняла соседку.

Вечером тридцать первого декабря все жильцы «Тёплого дома» собрались в столовой, стены которой были украшены вырезанными из бумаги снежинками. Старики не спеша шли по залу, останавливались в центре, около высокой живой ёлки, мигающей разноцветными лампочками, и поглядывали на праздничный стол. На нём стояли тарелки с выпечкой: маленькие, размером с пятирублёвую монету, шанежки и небольшие пирожки с различными начинками. А ещё несколько тортов и три бутылки шампанского, которые принесла Юля.

Она смотрела на стариков и едва сдерживала слёзы. «Ну как дети! — подумала Юля. — Действительно, много ли им надо? Чуть тепла, доброты да внимания. Чтобы выслушали и посочувствовали, чтобы поняли и приняли. Глаза у всех светятся. Какие они милые!»

Раздался громкий и настойчивый стук. Дверь открылась, и в столовую зашёл Дед Мороз. Выглядел он как с картинки: высокий, с пушистой бородой и торчащими из-под шапки белыми

кудрями. Красный халат, расшитый блёстками, плотно обтягивал фигуру. Дед Мороз поставил на пол мешок и крикнул:

— Подходите ко мне, слуги! Будем подарки раздавать!

Дежурный врач, администратор и работники столовой хоча подошли к нему.

Дед Мороз начал доставать из мешка тёплые носки, шарфы и перчатки, а персонал, нацепив маски зверюшек, раздавал их старикам.

— Это наш директор, — шепнула тётя Ася Юле, — Сергей Никитич. Между прочим, не женат. Я узнавала.

— Не смешите! — прыснула Юля.

Директор посмотрел на стол и спросил:

— А это ещё что такое? — и указал на шампанское. — Режим нарушаем?

— Извините, это я принесла, — сказала Юля. — Сегодня же, наверное, можно. Три бутылки всего, каждому по глотку. Разрешите?

Сергей Никитич продолжил игру.

— Так и быть. Можно! А кто пустил к нам на праздник посторонних?

Старики на секунду притихли, не понимая, шутит директор или говорит всерьёз.

— Она не посторонняя, — громко выкрикнула тётя Ася. — Она родная. Наша!

Все одобрительно зашумели.

— Понятно, — сказал директор. — Значит, это и есть «наша Юляша»? Наслышан, наслышан.

Он подошёл к Юле, достал из мешка небольшую красную подушку в форме сердца и протянул ей.

— С Новым годом, Юлия! — сказал Сергей Никитич. — Спасибо за помощь! Старики в вас души не чают.

— Спасибо! — ответила Юлия. — И вас с Новым годом!

Она посмотрела на подарок. На красном бархате витиеватыми буквами была вышита надпись «Делай добро!».

— Через тридцать минут жду вас у меня в кабинете. Надо поговорить, — сказал директор.

— О шампанском? — забеспокоилась Юлия.

— Нет, о другом.

Через полчаса Юлия заглянула в кабинет. Сергей Никитич уже переоделся. Он сидел за столом и подписывал бумаги.

— Проходите, присаживайтесь.

Юлия села к столу.

— Итак, — сказал директор. — За последние две недели в «Тёплом доме» не осталось ни одного человека, который не рассказал мне о вас. Все впечатлены. Все. От администраторов до уборщиц. Про постояльцев я вообще не говорю. Они словно переродились. У вас к каждому свой подход. Где вы учились?

— В политехническом.

— А откуда тогда это всё?

— Не знаю. Само по себе получилось.

— Само по себе, говорите? Знаете, Юлия, у меня в персонале нет случайных людей. Здесь у всех одна задача: чтобы наши подопечные были счастливы. И это не директива, это состояние души. Вам понятно?

— Понятно.

— Тогда я предлагаю вам работу. Должность сейчас обсуждать не будем — это дело второе. Согласны?

— Мне надо подумать. Я же просто к тётё Асе приходила.

— Ася Петровна мне уже всё рассказала. И про вас тоже, — ухмыльнулся Сергей Никитич.

Юля опустила глаза.

— Ладно, думайте. А пока пойдём вниз к людям. Будем пить чай, танцевать и слушать стихи новоявленного поэта Геннадия Петровича.

— Вы и про это знаете? — удивилась Юля.

— В этом доме я знаю обо всём! — засмеялся Сергей Никитич...

Новый год начался с перемен.

Юля уволилась и перешла на работу в дом престарелых. Вслед за ней туда перебрался кот Ёжик. Вскоре он стал всеобщим любимцем и сильно раздобрел. Ведь несмотря на запреты директора, все пытались подкормить его какими-нибудь вкусностями. Во время прихода различных комиссий кота запирали в просторной кладовке, на которой теперь висела табличка «Живой уголок».

И администрация, и жильцы «Тёплого дома» с интересом наблюдали, как развиваются романтические отношения между Сергеем Никитичем и Юлей. Старики мечтали, чтобы они наконец поженились, и обсуждали, кто и какие подарки приготавливал на свадьбу.

Продажа маминой квартиры не помогла Виктору сохранить бизнес. Конкуренты разорили его полностью.

На тётю Асю порой нападала хандра. Она уходила в свою комнату и подолгу рассматривала фотографии сына, стоящие на подоконнике.

Личная жизнь

Беременность Светланы радовала только её и будущего папашу — прыщавого, тощего двадцатилетнего пацана, только что вернувшегося из армии.

Родители Светланы мучительно переживали неожиданную новость. Мама, учитель начальных классов, хлестала валерьянку, а отец, полковник милиции, каждый вечер прикладывался к коньячку. Хотелось снять стресс, и он бы с удовольствием напивался в хлам, но многолетняя служба научила порядку и самоконтролю.

— Разве такого зятя мы хотели?! — разорвался он, сидя на кухне. — Разве о такой судьбе дочери мы мечтали? Она же только поступила! Ей ещё учиться и учиться. А теперь что? Университет — коту под хвост? Пусть аборт делает! А я этого паршивца поймаю и оторву его хозяйство, чтобы не размахивал им в разные стороны. Но Светка-то, Светка! Сама не видит, с кем связалась? Оболтус! Без работы, без квартиры. Перспективы никакой. Тьфу! Противно даже думать о нём, не то что спать с таким!

— Не волнуйся, не тебе же с ним спать, — уговаривала мама. — Всё будет хорошо. Какой аборт? Они пожениятся и будут жить у нас. Пристроишь парня к себе, и Света учёбу закончит. Я на пенсию уйду, да и тебе сколько уже ломаться можно! Будем с внучкой или внуком сидеть. Представляешь, ты станешь дедом!

— Свадьбы не будет! — отрезал отец. — Только через мой труп! С абортом я, конечно, погорячился. Пусть рожает и живёт у нас, но без этого уroda. А нет, так пусть катятся на все четыре стороны. Ни денег, ни помощи от меня не увидят.

Вопрос разрешился сам собой. За три месяца до родов жёних исчез.

— Поняла? — выпытывал отец у Светланы. — Теперь ты меня поняла? Не зря я тридцать лет в органах проработал. Людей насквозь вижу. И проходимца от нормального человека ментально отличу.

Светлана родила. Пухленькую, большеглазую девчущку назвали Наташей. Университет бросать не пришлось — родители вышли на пенсию и освободили Светлану от всех хлопот. У деда с бабушкой словно открылось второе дыхание, они с радостью делили обязанности, спорили, отстаивая право идти на молочную кухню. Гулять ходили всегда вместе и чётко по минутам делили время, кому катить ярко-красную импортную коляску с пузатыми колёсами, купленную по большому благу.

Наташа подросла, но в садик её не отдали.

— Никогда и никто не научит ребёнка лучше, чем я! — беспелляционно заявила бабушка, хотя с ней никто и не собирался спорить.

Дед научился варить кашу и включать стиральную машинку, а Светлана продолжала наслаждаться студенческой жизнью, словно Наташа приходилась ей сестрой, а не дочерью. Ни новой любви, ни личной жизни у Светланы не было. Сокурсники, узнав, что у неё есть ребёнок, сторонились. Ввязываться в серьёзные отношения с матерью-одиночкой им не хотелось, а романтических встреч на раз не хотела она.

После окончания университета Светлана устроилась в школу преподавателем английского языка. Она уже начала втягиваться в работу, но страну затрясло — начались перебои с зарплатой. Сначала выживали за счёт пенсии родителей, но

потом и её перестали платить. Спасали сбережения, которые заканчивались гораздо быстрее, чем копились. Светлана ушла из школы и занялась репетиторством. Девяностые пережили.

Умер отец, следом ушла мама.

Лишь после смерти родителей у Светланы проснулись материнские чувства. Она металась как сумасшедшая: таскала дочку в разные секции и кружки, провожала в школу и встречала после уроков.

Когда Наташе исполнилось пятнадцать, излишняя забота мамы не только перестала радовать, но и начала раздражать. Пока одноклассники вовсю наслаждались свободой, влюблялись, ходили на вечеринки, Наташа сидела дома — после девяти вечера гулять ей было запрещено. Она плакала, скандалила и грозилась уйти навсегда. Но мама закрывала двери на ключ и истязала нравоучениями.

После окончания университета Наташа выскочила замуж. Её захватила неизведанная ранее страсть, да и очень хотелось впервые поступить наперекор маме, отомстив за прошлые страдания. Она молча скинула свои вещи в чемодан и переехала с мужем на съёмное жильё, зарекаясь не переступить порог большой дедовской квартиры.

Наташа в тот момент и представить не могла, что вложила в руку матери козырного туза. Через год, когда поспешный брак распался и она вернулась домой, первое, что она услышала, было:

— Ну что, доченька, убедилась? Надеюсь, сейчас ты понимаешь, что я была права?

С того момента Наташин поступок был примером её полной безрассудности.

Чтобы помочь Наташе устроить личную жизнь, мама подклjučила всех подруг, у которых были неженатые сыновья. Верные подруги со взрослыми мальчиками, тортíками и цветами потянулись в их дом. Все кандидаты были очень похожи: тихие и неуверенные в себе. Они после любой процеженной сквозь зубы фразы исподлобья поглядывали на матерей в поисках поддержки.

Наташа натянуто улыбалась и не отводила взгляд от портрета деда в толстой деревянной рамке, который стоял на невысоком элèгантном шкафу.

«Вот такой мне нужен мужчина, — думала она. — Сильный, уверенный и взрослый, а не эти инфантильные, беспомощные неудачники без будущего».

Наташа работала психологом. Справляться с проблемами в чужих семьях у неё получалось хорошо, но в своих отношениях с мамой разобраться она не могла.

Ей порой казалось, что мама только и мечтает, чтобы она не устроила личную жизнь. Стоило ей познакомиться с мужчиной и уйти на свидание, как тут же звонила мама и тревожно сообщала, что дома резко пахнет газом или кто-то пытается вломиться в квартиру, или вообще — что она умирает от боли в сердце, печени или поджелудке. Наташа бросала всё и мчалась на помощь.

Даже когда со временем она поняла, что всё это мамины хитрости, каждый раз при очередном звонке она терзалась мыслью: «А вдруг в этот раз правда?» И, поймав такси, стремглав летела домой. А потом, когда мама засыпала, она уходила на кухню и до полуночи пила чай, размазывая по щекам слёзы.

Наташа записалась на семинар, который проводил профессор Борис Сергеевич Клёнов, считавшийся большим специалистом в психологии семейных отношений. Она хотела перехватить его в перерыве и попросить помощи, ведь жить по-прежнему уже не хватало сил. Другого случая встретиться с ним могло и не представиться — Борис Сергеевич был нарасхват. Он постоянно мотался по стране с лекциями и был просто неуловим.

Утром Наташа сделала пару тостов с сыром, налила кофе и начала завтракать. На кухню зашла мама и села за стол напротив дочери.

— Доброе утро, Наташенька, — сказала она, взяла с тарелки бутерброд и отломилла половину. — Нам надо поговорить.

— Доброе, — ответила Наташа и взглянула на мать, жующую бутерброд. — Давай поговорим. У меня ещё полно времени.

— Мне кажется, так жить нельзя! Тебе пора устраивать личную жизнь. Я созрела для внуков.

Наташа поперхнулась, закашляла и сделала большой глоток кофе. Она смотрела на маму, вытаращив глаза.

— Мне сейчас слышалось или ты это сказала?

— Сказала и могу повторить. Я созрела для внуков, — ответила мама, взяла у дочери чашку и отпила кофе. — Опять крепкий заварила? Тебе такой нельзя, зубы будут коричневые.

Наташа поднялась.

— Это ты говоришь про личную жизнь? Ты — мне? Ты же не даёшь шаг ступить!

— Наташенька, как ты можешь? Я всю жизнь тебе отдала, всё стараюсь, чтобы тебе хорошо было. А ты? Ты меня в чём-то обвиняешь? Как тебе не стыдно, дочка? Как?

— Всё, мама. Поговорили, — ответила Наташа и махнула рукой.

Она выбежала из квартиры, хлопнула дверью и, не дожидаясь лифта, помчалась вниз по ступенькам. Быстрый стук каблуков, как звонкие щелчки хлыста, разносился по спящему утреннему подъезду. Девушка вышла на улицу и задохнулась порывом холодного ветра, ударившего в лицо острыми каплями моросящего дождя.

Наташа открыла зонт и, стараясь не наступить в лужи, направилась к остановке. Она посмотрела на часы и чертыхнулась: «На час раньше вышла. Где теперь болтаться? Может, поехать на кольцевом? Он пока через весь город протащится, как раз время и пройдёт».

Троллейбус подъехал плавно, но угодил в ямку около бордюра и захлестнул остановку вырвавшейся из-под колеса слякотью.

«Хорошо день начинается!» — подумала Наташа, закрыла зонт, стряхнула мутные капли с полы плаща и поднялась в троллейбус. Она села у окна и оглядела салон: народу почти не было, лишь двое мужчин на заднем сиденье вполголоса обсуждали вчерашний футбольный матч. Сонная кондукторша лениво поднялась с места, затолкала пальцем кусок поролона, торчащий из прорехи кресла, и, цепляясь округлыми бёдрами за спинки сидений, медленно, словно гружёная баржа, двинулась к Наташе. Быстро пересчитала мелочь, оторвала билет и неспешно отправилась обратно.

Наташа смотрела в окно. Капли дождя ровными стрелками наискось ложились на стекло.

«Жизнь — тоска, и погода такая же», — подумала она. — Эх, мама, мама, когда ты поймёшь, что я выросла! Мне не три и не пять, мне тридцать пять, и, видимо, личной жизни у меня никогда не будет. У самой нет, и мне не даёшь. Когда я смогу разорвать эту пуповину, на которой, как на поводке, ты тянешь меня в одиночество?»

Троллейбус катился по серому городу. Попад в зелёную волну светофоров, он набрал скорость и помчался, прорезая огромные лужи. Брызги с шумом вылетали на тротуар, обливая незащитных прохожих, которые отпрыгивали в стороны, ругались и провожали троллейбус недовольными взглядами.

Наташа вышла на своей остановке, открыла зонт и припустила к университету.

В маленьком зале было много свободных кресел. Большинство слушателей, как школьные двоечники, устроились на галёрке.

Наташа села на первый ряд, посмотрела на часы и оглянулась. Зал наполнялся лёгким гулом голосов: народ прибывал, и вскоре все места были заняты.

Под аплодисменты зашёл Борис Сергеевич. Он поднял руку, успокаивая собравшихся, приблизился к стойке и снял микрофон. Быстро оглядел сидевших в первом ряду, выискивая того, к кому будет обращаться за пониманием и поддержкой во время выступления. Взгляд остановился на Наташе. Борис Сергеевич улыбнулся и, увидев ответную улыбку, одобрительно кивнул и начал семинар.

Тембр его голоса, интонации, шутки мгновенно покорили зал, который то замолкал до звенящей тишины, то взрывался хохотом, то грохотал аплодисментами. Наташа смотрела на Бо-

риса Сергеевича, и, когда их взгляды встречались, ей казалось, что он видит её насквозь. От этого становилось одновременно тепло и неудобно. На вид около шестидесяти лет, с седыми короткими волосами, высокий, статный, в синем костюме из дорогой ткани, Клёнов был похож не на успешного психолога, а на командира корабля гражданской авиации. Наташа часто видела фотографии Бориса Сергеевича в Интернете, но они не передавали и капельки той энергии, которую он излучал. В каждом его слове чувствовалась сила, в каждом движении — уверенность. Наташа слушала его, но не слышала. Она пыталась понять, что с ней происходит. Когда-то очень давно, перед свадьбой, с ней творилось нечто подобное, но сегодня эти чувства были намного острее и глубже.

Клёнов объявил часовой перерыв. Народ с шумом начал подниматься со своих мест и пробиваться к выходу. Борис Сергеевич быстро подошёл к Наташе, взял её за руку и повёл за собой в угол зала. Она молча, как послушный ребёнок, безропотно двинулась за ним.

— У меня такое ощущение, что вы хотите мне что-то сказать.

— Да, — ответила Наташа, понимая, что начинает краснеть.

— Слушаю, — улыбнулся профессор.

— Борис Сергеевич, меня зовут Наташа, у меня проблемы. Мне очень надо с вами посоветоваться по личному вопросу.

— Проблемы? — Борис Сергеевич нахмурился. — Муж? Дети? Родители?

— Мама, — переходя на полужёпот, ответила Наташа.

— Мама? Мама — это серьёзно и надолго. У вас после семинара есть время?

— Конечно.

— Дождитесь меня у выхода. Народ схлынет, и я выйду. Минут двадцать. Попробую вам помочь. К тому же я ваш должник.

— Вы? — удивилась Наташа.

— Да-да! Вы так внимательно смотрели на меня, что это придавало мне силы, я бы даже сказал — энергии.

— Как смотрела?

— С большим пониманием. Всё, Наташа, мне надо срочно выпить кофе. Договорились. Встречаемся в фойе после окончания.

Борис Сергеевич отпустил её руку и вышел из зала.

Вторую часть семинара Наташа отсидела как на иголках. Она просто извивалась от нетерпения. Теперь она не знала, чего хочет больше: загрузить Бориса Сергеевича своими проблемами или понравиться ему.

Профессор закончил выступление. Он посмотрел на Наташу, подмигнул и показал пальцем на дверь. Она кивнула и пошла в фойе.

Через двадцать минут вышел Борис Сергеевич, он взял Наташу под руку и сказал:

— Чертовски хочу есть! Пойдём поедим, заодно и поговорим. И давай на «ты». Просто Борис и просто Наташа. Во-первых, так проще и доверительней, во-вторых, так я ощущаю себя гораздо моложе. Согласна?

Наташа опять почувствовала, что краснеет.

— Согласна, — ответила она.

— Отлично! Ты любишь дождь? — спросил Борис Сергеевич и, не дождавшись ответа, продолжил: — Моя машина за одним

углом университета, ресторан за другим. Предлагаю сразу идти в ресторан. Под дождём, без зонта. Согласна?

Наташа кивнула.

Посетителей в ресторане не было. Официанты с радостью бросились к промокшей парочке, предлагая на выбор разные места. Клёнов облюбовал стол у окна. Он попросил принести чай в чайнике и пододвинул Наташе меню. Они заказали по салату с креветками и бокал вина для Наташи. Официант налил чай и ушёл. Отпив из чашки, Борис Сергеевич поудобнее уселся в кресле и сказал:

— Пей, пока горячий. Согревайся и рассказывай.

Наташа прислушалась — в сумочке заверещал телефон.

Она достала его, посмотрела на дисплей, покачала головой и ответила:

— Да, мама. Что? Так. Поняла. И что? Подожди. Перезвоню через минуту.

Она положила телефон на стол.

— Вот, Борис, стоит мне где-то задержаться, и мама начинает придумывать разные способы, чтобы я срочно приехала домой. Вот сейчас, например, она вышла в магазин, захлопнула дверь, а ключи забыла дома. Когда я приеду, то выяснится, что ключи, оказывается, лежали в сумочке, и она их просто сразу не нашла.

— Манипулирует? — хмыкнул Клёнов.

— Всегда.

— И ты всегда едешь?

— Да. Потому что жалею её, а когда приезжаю, то жалею себя.

— Скажи ей, пусть приедет сама и заберёт ключи.

— А если она не приедет?

— У неё два выхода: приехать или неожиданно найти ключи в сумочке. Вот и всё. Но я думаю — первое. Ей же жутко интересно, на кого ты променяла общение с ней.

Наташа набрала номер.

— Мамочка. Я приехать не могу. Давай приезжай сама. Я в ресторане «Париж» около университета. Нет, не приеду. Нет. Нет. Нет. С мужчиной. Да. Это моё дело. Пожалуйста. На такси так на такси. Пока.

— Сейчас приедет. Борис, а вдруг она скандал тут устроит?

— Пускай! Жалко, что ли? Потом самой будет стыдно.

Официант принёс заказ и ушёл, пожелав приятного аппетита.

Через полчаса в ресторан влетела Светлана. Она окинула взглядом зал, увидела Наташу и быстрым шагом направилась к столу.

«Эх, мамочка, — подумала Наташа. — А ведь не сказать, что пятьдесят пять. Красивая, ухоженная, модная. И чего вцепилась в меня? Уже давно бы замуж выскочила и жила себе спокойно. И я бы жила».

— Вот, значит, ты как на семинары ходишь? — сказала Светлана, усаживаясь за стол. — Понятно.

Она перевела взгляд на Бориса Сергеевича. Лицо её начало вытягиваться. Брови поползли к переносице.

— Ты? — прошептала она, схватила бокал вина и залпом выпила. — Борис? Ты?

— Света? — Борис Сергеевич выронил вилку.

— Меня бросил! Всю жизнь сломал. Теперь за дочь взялся!

— Какую дочь? — Клёнов побледнел.

— Какую? Вот эту! — ответила Светлана и ткнула пальцем в Наташу. — Дочь она твоя.

— Света! Наташа моя дочь? Здорово! Но не бросал я тебя. У меня просто не было выбора.

— Конечно, не было выбора, — фыркнула Светлана. — Чего уж там выбирать! Пелёнки стирать или гульбу гулять.

Наташе хотелось кричать. Она облокотилась на стол и зажала рот обеими ладонями, широко раскрыла глаза и с ужасом смотрела на родителей.

— Светочка, это не я. Это отец твой всё наделал, — заикаясь, бормотал Борис Сергеевич.

— Не трогай папу! — крикнула Светлана. — Если бы не они с мамой, я вообще не знаю, что бы со мной было.

— Света, успокойся и послушай! — сказал Борис Сергеевич. — Твой отец вломился ко мне в общагу с двумя бугаями. Он надел на меня наручники, показал нож с засохшей кровью и сказал, что им убили женщину, а перед этим её изнасиловали.

— Не может быть, Боря! Не может... — прошептала Светлана и схватила Бориса Сергеевича за руку.

— Может, Светочка, ещё как может! Он сказал, или я уеду из города и забуду тебя навсегда, или они сейчас вызовут понятых и повесят на меня это убийство. А он уж постарается, чтобы я получил по полной и сдох в тюрьме до окончания срока. И что мне было делать, а? В любом случае я бы тебя больше никогда не увидел. А ты мне до сих пор снишься. Я ведь так и не женился.

— И я... — сказала Светлана и заплакала, обеими руками сжав Борины ладони.

«По-моему, сейчас налаживается чья-то личная жизнь, — подумала Наташа. — Чья-то. Но точно не моя».

И чтобы родители не увидели её слёз, она отвернулась и посмотрела в окно. На улице по-прежнему шёл дождь.

Наташа поднялась с места.

— Ты куда? — спросила мама.

— На воздух выйду, что-то мне не по себе.

— Возвращайся скорее, нам есть о чём поговорить, — сказал Борис Сергеевич.

Наташа сняла с вешалки плащ и пошла к выходу. «Скорее бежать отсюда», — подумала она и выскочила на улицу.

Каблук пластиковой набойкой проехал по скользкой марморной ступеньке, нога подвернулась, и Наташа, взмахнув руками, упала навзничь. Она попыталась подняться, но боль в лодыжке отдавалась по всему телу.

— Давайте я вам помогу, — донеслось сверху.

Она подняла голову и увидела склонившегося над ней молодого мужчину.

— По-моему, я что-то сломала, — сказала она.

Мужчина присел на корточки и взял её за ногу. Наташа дёрнулась.

— Спокойно, я врач. Скорее всего, у вас закрытый перелом. Скорую мы сейчас не дождёмся — пробки. Но можно сказать, что вам повезло. Я работаю в городской больнице. Через полчаса у меня начинается дежурство, так что нам по пути. Сам довезу, сам починю и сам понаблюдаю. При удачном раскладе через пару месяцев будем танцевать танго.

— Я не умею танцевать, — улыбнулась Наташа.

Мужчина рассмеялся.

— Я тоже не умею. Но какие наши годы, можем и научиться! Было бы желание. Меня, кстати, Александром зовут.

Наташа зацепилась за помощника, и они заковыляли к машине. «Господи, какой классный запах у его парфюма!» — подумала она.

Александр усадил её на заднее сиденье машины, захлопнул дверь и сел за руль.

Боль отступила. Наташа мало-помалу успокоилась, почувствовав себя в надёжных руках. «Надо маме позвонить», — подумала она и посмотрела в окно.

Через тонированное стекло виднелись слабые лучи солнца, пробившиеся сквозь плывущие тучи. Наташа улыбнулась, отключила телефон и сунула его в сумочку.

Привкус мёда

Лето радовало погодой. Словно извиняясь за прошлогоднюю хмурость и назойливые беспощадные ливни, оно, не скупясь на ясные дни, щедро ласкало теплом. Дожди шли лишь ночами, но не тягостные и буйные, а спокойные, благодатные, только для того, чтобы насытить землю недостающей влагой.

Первый луч солнца прополз сквозь плотную листву, стекло окна и упёрся в хрустальную вазу, стоящую на комод. Искрящиеся солнечные зайчики мгновенно разлетелись брызгами по стенам и потолку спальни уютной дачи.

Вадим Александрович проснулся, кряхтя поднялся и открыл форточку. Резвый, ещё непрогретый ветер подхватил лёгкий тюль и выгнул его надутым прозрачным парусом. Вадим Александрович наклонился, схватился за спину и поднял упавший с кровати шерстяной плед. Встряхнув его, укрыл жену,

которая, съёжившись, спала под тонкой простынёй. Он улыбнулся прыгающим по стенам отблескам лучей, взял с комода вазу и прямо в пижаме вышел на открытую веранду.

Влажное утро пахло травой. Следы ночного дождя лениво выгорали на солнце. Вадим Александрович поставил вазу на балюстраду, сунул ноги в блестящие галоши и не спеша направился к цветнику по вымощенной серой плиткой дорожке. Огляделся, выбрал цветы и нарезал охапку ярких сиреневых ирисов. Вернулся к дому, зачерпнул из бочки дождевую воду вазой и приладил в ней цветы. Зашёл на веранду и поставил вазу на середину стола. Вдохнул свежий цветочно-карамельный аромат и устроился в кресле.

«Странная штука память, — подумал он, — чем старше становишься, тем настойчивее она пытается выковырять из потаённых глубин обрывки каких-то событий: нужных, ненужных — неважно... И ведь непонятно — зачем? Есть моменты, о которых и вспоминать-то не хочется. А то, что хочется, я и так помню. Как можно забыть тот день, когда буквально за часы я сделал выбор и ни разу об этом не пожалел?.. Ни единого раза, а ведь прошло уже полвека. Мне тогда было шестнадцать».

Вадим Александрович вытянул ноги, поудобнее расположился в кресле, закрыл глаза и в очередной раз вспомнил историю, которую уже наизусть знали дети и внуки.

Раньше на месте дачного посёлка стояла небольшая деревня, где жили дедушка с бабушкой, у которых Вадим проводил каждое лето, начиная с пятого класса. До этого он ездил в пионерский лагерь «Дзержинец», но разве можно сравнить лагерь, в котором приходилось соблюдать режим, ходить на линейки и вы-

прашивать добавку компота в столовой, с деревенской свободой и раздольем. Когда с мальчишками можно ходить купаться, ловить рыбу, шастать по лесу в поисках грибов и ягод. Разве можно сравнить столовское картофельное пюре со слегка подгоревшей, запечённой в углях картошкой, которую выковыриваешь веткой из тлеющего костра! Перекидываешь с руки на руку несколько раз и, не дожидаясь, пока она остынет, разламываешь её и, вгрызаясь зубами в разваренную жёлтую мякоть, ешь, обжигая губы, размазывая по щекам мельчайшую золу.

К поездке в деревню Вадим готовился заранее. Весь год, копеечка к копейке, он складывал в банку из-под растворимого кофе оставшуюся после похода в магазин сдачу, а потом отдавал деньги маме, и она в заводском столе заказов покупала шоколадные конфеты, которые в глубинке считались чуть ли не заморскими сладостями.

— Опять в деревню отправляешь сыночка? — спросила продавщица, с ненавистью глядя на гору мелочи, высыпанную на прилавок.

— Да, — ответила мама. — Ты, Маша, не считай. Вон там на бумажке написано, сколько тут. Он и конфеты потом пересчитывает, чтобы всем друзьям поровну досталось. Ты же знаешь: у Вадюши всегда всё точно, как в сберкассе.

— Знаю, знаю, — хмыкнула Маша, насыпая конфеты в свёрнутый из жёлто-серой бумаги кулёк.

В полупустой электричке Вадим добирался до деревни.

«Наверное, теперь не смогу каждый год ездить. В технарь поступил, взрослая жизнь начинается: строительные отряды, сессии всякие, зачёты. Интересно, а может, кто из пацанов

учиться в город приедет? Вот бы здорово было! А может, и Наташка из деревни свалила куда подальше, тоже было бы прекрасно».

С Наташкой у Вадима не заладилось с первого приезда в деревню. Она была дочкой соседей, живущих через забор, разделяющий дворы. Её отец, Иван Иванович, по советским меркам считался человеком зажиточным и даже имел собственную новую машину «Москвич-412». Конечно, на деньги, заработанные в колхозе, такую роскошь прикупить было невозможно. Иван Иванович, начитавшись журналов, обустроил небольшую пасеку. Вскоре дело пошло, и мёда было столько, что хватало не только для себя, но и на продажу. Местный участковый нутром чуял, что всё это не совсем законно, и старался появляться в деревне только один раз за год, чтобы получить мзду в виде трёхлитровой банки ароматного лакомства.

В поисках медоносов пчёлы кружились по деревне и часто залетали в комнату, в которой жил Вадим. Угрожающе жужжали и норовили сесть на лицо. Он возненавидел их, а заодно и Наташку, которая всегда издевательски хохотала, наблюдая за Вадимом, бегающим по двору и взмахами полотенца старающимся выгнать противных насекомых со своей территории. С тех пор Вадим с Наташкой почти не общались, при встречах он отворачивал голову, а она презрительно хмыкала, провожая его унижающим взглядом.

Он вышел на станции, закинул на спину большой туристский рюкзак и вышел на дорогу, ведущую к деревне. Тащиться пешком шесть километров не хотелось. Юноша махнул рукой

проезжающему мимо самосвалу. Машина остановилась. Вадим дёрнул за ручку двери и, увидев знакомого шофёра, улыбнулся:

— Дядя Серёжа, здрасьте! До бабушки подбросите?

Водитель нахмурился, внимательно посмотрел на парня и воскликнул:

— Ох, ёшкин кот, Вадька! Я тебя не узнал. Вымахал-то как! Мужик! Садись.

Вадим забрался в кабину, и самосвал рванул с места, срывая с земли слой мелкой гравийной крошки, перемешанной с пылью.

Вадим зашёл в калитку, поставил рюкзак на лавку и крикнул:

— Бабуля, дед! Я приехал!

— Ишь, какая невидаль! — раздался звонкий девичий голос за кустами.

Вадик повернулся и увидел Наташку. Над её головой кружились пчёлы.

Она, прищурившись, ехидно смотрела на него и грызла семечки. При этом шелуху выплёвывала так смачно, что казалось, будто в этом плевке отражается всё её презрение к Вадиму.

— Не твоё дело! — буркнул он и зашёл в избу.

Дедушка с бабушкой обрадовались подаркам, которые привёз Вадим. Долго мучили его вопросами о городской жизни и кормили. Наконец, увидев, что внук позёвывает, отправили его спать.

Когда Вадим проснулся, бабушка уже настряпала булочек и заварила чай. Что она добавляла в него — он не знал, но даже пропитанный утренней свежестью ветер не мог разогнать

душистый, волнующий аромат. Да и вкус у него был необычный, совсем не такой, как дома: словно и заварки в нём не было, а лишь травяной сбор с привкусом жасмина, гвоздики и яблок.

— Садись, Вадюша, — сказала бабушка, — завтракай. Дед-то ни свет ни заря на рыбалку упёрся. Решил тебя сегодня ухой удивить. А я вот булочек напекла. Эх, корицу бы ещё туда! Да где её у нас сыскать?.. Но не беда, я сейчас мёду принесу. С медком-то вкуснее будет.

— Нет, бабуля, только не мёд! — взмолился Вадим. — Не люблю я его, знаешь ведь.

— Ну и зря! Мёд-то у Иваныча распрекрасный, прямо целебный. Да и Натаха у него ладная: и спорая, и красивая, и умеет всё. Не то что ваши городские. Прямо невеста на выданье, да и ты же у нас жених почти! Присмотрись к девахе-то, не пропусти.

— Бабуля, — поморщился Вадим, — Какая невеста? Мне учиться надо.

Бабушка налила чай в кружку и пододвинула её внуку. Стряхнула с тарелки капельки воды, протёрла полотенцем и положила на неё булочки. Погладила Вадима по голове и сказала:

— Кушай, учёный, да бабушку слушай. Я же вижу, как Натаха на тебя смотрит. Выросла девка, как яблочко налилась, ровненькая да румяная.

Вадим громко хмыкнул. Наташа всегда виделась ему ехидной, злобной пчелой, но точно не яблочком.

Вадим поел и отодвинул тарелку.

— Спасибо, бабуля, всё было вкусно, — сказал он. — Я, наверное, за грибами схожу.

— Сходи, сходи. Грибов нынче много. Недолго только, к обеду приходи, а то дед обидится, если к уху не поспеешь.

— Хорошо, бабуля. Я быстро!

Грибов действительно было много: белые, подберёзовики, подосиновики. Одни торчали на самом виду, другие скрывались в высокой траве около трухлявых поваленных деревьев. Встречались и совсем маленькие, едва потянувшие шляпки к небу. Они робко прятались под чёрными слипшимися листьями. Солнце струилось сквозь густые кроны деревьев, словно через огромное сито. От этого лучи блёкли, теряли силу и оседали на землю ровными белёсыми линиями.

Вадим брёл, глядя под ноги, высматривал грибы и ворошил длинной веткой лежащие на земле прошлогодние листья. Набрав корзину, вышел к высохшему старому руслу реки, покрытому пушистой травой, за которым виднелся небольшой лесок.

«Вот туда и пойду, — подумал Вадим, — сегодня там точно не ступала нога человека. Вторую корзинку доверху набью, и домой».

Он пошёл по траве, не замечая, что с каждым шагом она становится мягче, а следы от кед наполняются пузырящейся жижей. В какой-то момент, сделав ещё шаг, неожиданно по грудь провалился в илистую воду, увязнув в тягучей жиже, не доставая ногами дна.

Вадим попытался сдвинуться, но трясина обволокла тело и не давала пошевелиться. Повернул голову и увидел лежащий неподалёку вырванный с корнем тонкий ствол молодой осины с пожухлыми мелкими листочками. Он протянул руку, но до дерева оставалось около метра. Вадим вновь попробовал пошевелить ногами, но болото не отпускало. В глазах защипало

от выступивших слёз, поднятые кверху руки начали затекать, наливаясь властной тяжестью, пальцы затряслись.

— Помогите! — крикнул Вадим, но голос сорвался, превратив отчаянный крик в силпый шёпот, и уже отчаиваясь, он снова повторил: — Помогите!

И вдруг услышал:

— Сейчас!

Перед ним на берегу стояла Наташка.

— Тихо, Вадик, только без резких движений! Болото этого не любит, — сказала она. — Сейчас помогу!

Она взяла осину со стороны веток, а другой конец протянула парню:

— Цепляйся, я буду тянуть!

Вадим ухватился за высохшее корневище. Медленно, перехватывая ствол руками, с трудом выбрался из трясины на твёрдую землю, тяжело дыша.

Наташка устало села рядом, поджала ноги к груди и обхватила их руками.

Вадим поднял голову, посмотрел на неё, улыбнулся и сказал:

— Спасибо тебе! Ещё бы немного — и всё, засосала бы меня трясина.

— Да пожалуйста! — хмыкнула она. — Только спасибо тёте Нюре скажешь, бабушке своей.

— Бабушке? — удивился Вадим. — Не понял. Почему бабушке?

— Потому! Ты только за порог, а тётя Нюра ко мне прибежала. Ты, говорит, сходил бы с Вадюшей в лес, а то, не дай бог, заплутает. В общем, уговорила она меня, вот я и пошла. Но не из-за тебя, конечно. Просто тоже за грибами собиралась.

Видишь, сколько набрала! — она махнула рукой в сторону двух полных корзин.

Вадим поднялся, Наташка посмотрела на него, закрыла лицо руками и рассыпчато захохотала.

— Ты чего? — удивился Вадим.

— Ты весь в грязи! Пошли. Там, за прогалиной, речка. Искупаешься, а то тиной от тебя несёт, как от чудища болотного!

Она встала, засмеялась и побежала к пролеску, размахивая руками. Вадим подхватил корзины и помчался за ней.

Вязкая тишина укутала берег, а лёгкий ветерок лениво разогнал облака. Сверкающая гладь прозрачной реки время от времени вздрагивала набухшими пузырьками, которые мгновенно взрывались и растекались по воде небольшими ровными кругами. Тишину нарушал только треск дятла да едва доносившийся из леса щебет птиц.

— Чего замер? — спросила Наташка. — Раздевайся — и в воду.

— Так, я это... без плавок, — смутился Вадим.

Наташка опять захохотала.

— Вот я трусов мужских не видела! Отцовские во дворе на верёвке сушатся, как парашюты. Давай, давай! Я твои вещички прополошу. Пока сидим, они быстро высохнут на таком солнце.

Она задрала широкий подол юбки, заткнула его за пояс и, оголив стройные ноги, вошла по колено в реку.

Вадим скинул одежду, разбежался и нырнул. Нырнул красиво, как учили на физкультуре, ровно и не поднимая брызг. Пока он отмывался от болотной жижи, Наташа простирнула его вещи и разложила их на траве сушиться.

К вечеру у Вадима поднялась температура. Он лежал в комнате с холодным полотенцем на лбу, тихонько постанывал

и прислушивался к нарастающему скандалу, созревшему за прикрытой дверью.

Бабушка с дедушкой отчаянно спорили на тему, как им лечить внука. Бабушка склонялась к тому, что Вадиму нужен крепкий чай с малиновым вареньем, а дедушка на жизненных примерах доказывал, что сто грамм самогонки — лучшее лекарство от всех болезней. Неизвестно, чем бы это закончилось, но, на счастье, пришла Наташка.

— Где больной? — по-хозяйски спросила она.

— Там! — хором ответили старики и одновременно указали пальцами на комнату Вадима.

Наташка открыла дверь и зашла в комнату. Безрадостный тусклый свет настенного допотопного бра уныло осветил её фигуру. Наташка поставила на тумбочку небольшую банку с мёдом, достала из кармана чайную ложку, завёрнутую в тряпочку, и села на кровать рядом с Вадимом.

— Ну что, больной, будем лечиться! — утвердительно сказала она и крикнула: — Тётя Нюра, принесите нам, пожалуйста, кружку вашего травяного чая, лучше погорячей!

Вадим приподнялся, скинул влажную тряпку со лба, приклонил подушку к спинке кровати и сел.

— Ты что, врач? Откуда ты знаешь, как меня лечить?

— Врач не врач, а в медучилище поступила.

Глаза Вадима вспыхнули.

— Так ты в городе учиться будешь? Значит, мы сможем встречаться?

— Учиться в городе, жить в общежитии, а насчёт встречаться — подумаю. Посмотрим, как вести себя будешь.

— А как надо? — оживился Вадим.

— Ну не знаю! — засмеялась Наташка. — Например, съешь сейчас десять ложек мёда и запьёшь горячим чаем.

— Десять?! — возмутился Вадим. — Никогда! Я и одну не могу, а ты — десять!

— Ну во-первых, они маленькие, чайные, а во-вторых... Ты встречаться со мной хочешь?

Наташка зачерпнула мёд ложкой, провела ею по краю банки, соскребая пухлую янтарную каплю, и протянула ложку к губам Вадима.

— Открывай рот быстрее, а то обольём тут всё!

Вадим покорно открыл рот.

— Вот и хорошо, молодец! Дальше продолжай сам, мне домой пора. Обещаешь, что съешь ещё девять ложек?

— Обещаю.

— Честно?

— Честно!

— Поправляйся, я завтра утром приду, проведаю. Думаю, что это ты просто переволновался. Пока!

— Пока!

Наташка ушла.

Бабушка принесла кружку с ароматным чаем, и Вадим, морщась, начал поедать мёд.

...Вадим Александрович вздрогнул и поднялся с кресла. На веранду вышла Наталья Ивановна.

— Доброе утро, Вадюша, — сказала она.

— Привет, Наташенька! Как спалось. Воевала с кем-то? Плед на полу валялся.

— Нет, не воевала. Что-то хорошее снилось, только заспала.

Наталья Ивановна увидела букет, всплеснула руками и обняла мужа.

— Вадюша, ты, как всегда, очарователен!

Она подошла к столу, наклонилась над ирисами, глубоко вдохнула густой, душистый аромат и улыбнулась.

— Какая прелесть, Вадюша. Спасибо!

— Да, Наташенька, уже пятьдесят лет как я у твоих ног.

— Быстро пролетело время, ничего не скажешь. Ты улы проверил?

— Нет ещё. Рано. День сегодня солнечный будет, часов в девять улетят мои пчёлки на работу, тогда и посмотрю.

— Скажите, пожалуйста, всё-то он знает! — засмеялась Наталья Ивановна. — Ладно, пчеловод, давай завтракать...

Ненаписанный портрет

Известный художник Алексей Иванович мог гордо сказать: «Жизнь удалась!»

Выросший в Советском Союзе, он привык довольствоваться малым: новеньким джипом с хромированным обвесом, шестикомнатной квартирой в центре города, обставленной итальянской мебелью из карельской берёзы, уютным двухэтажным коттеджем в элитном посёлке на берегу залива, каютным катером, пришвартованным к небольшому крытому причалу, воздвигнутому по индивидуальному проекту.

Алексей Иванович жил один, четыре жены сбежали, устав от постоянных измен любвеобильного мужа. Он наслаждался бесконтрольной свободой, а с работой по хозяйству отлично

справлялась помощница Галя. В отличие от жён, которых перед каждым выходом «в свет» нужно было украшать новыми бриллиантами, она обходилась намного дешевле.

...За две недели до дня рождения на Алексея Ивановича навалилась гнетущая хандра. Шестьдесят лет — возраст раздумий: затухать ещё рано, а к рекордам рваться поздно. Вроде дата круглая, когда хочется подвести итоги, да и вечеринку можно шумную заткатить, а потом сесть в катер и дрейфовать ровненько по течению, наслаждаясь шелестом воды, спокойствием и тишиной. А если неуютный ветер попробует изменить курс — то лениво чуть прибавить газку, повернуть штурвал, выправить судно и продолжить двигаться по намеченному судьбой пути. Но Алексей Иванович тосковал, ему хотелось праздника: не показного банкета для друзей, с тамадой и артистами, не салюта, чтобы все позавидовали размаху торжества, а чего-то искреннего, нежного, понятного только ему. Чтобы душа, скукожившаяся от постоянного лицемерия и притворства, встрепенулась, развернулась и подтолкнула на юношеское забавное безумство, безобидное, весёлое, но оставляющее после себя сентиментальное, трогательное воспоминание.

Алексей Иванович понял, что очень устал от суеты, публичности, выставок и нескончаемых интервью. Даже выбравшись на дачу, он постоянно «отбивался» от назойливых соседей, которым хотелось распить со знаменитостью бутылочку хорошего коньячка и обязательно сфотографироваться на память. Много раз друзья предлагали ему переехать в Москву:

— Народу много — затеряешься и будешь жить спокойно.

Но уезжать из любимого города, где всё напоминало о разудалой молодости, он не хотел.

Последнее время Алексей Иванович, всё чаще оглядываясь на прошлое, искал ответы на мучащие вопросы: почему вроде бы счастливые моменты, наполняющие жизнь, перестали приносить былую радость — безудержную, неукротимую, ликующую? Чувства, конечно, возникали, но какие-то робкие и сдержанные. Куда делись яркие краски эмоций, задор и беспечность?

Вечером, накануне юбилея, пересматривая аккуратно разложенные в толстые альбомы фотографии своих картин, Алексей Иванович вздыхал: «Как здорово я поначалу писал! Пусть не так умело, как сейчас, но мягко и нежно. А какие тона! Не то что сейчас: ночь, дождь, вечерний город. А женщины на картинах? Холодные лица и бездыханные тела. А раньше? Казалось, что дама на портрете оживёт — встряхнёт головой, поднимет руки, и драпировка соскользнёт, обнажая ладные плечи и округлую грудь. Теперь всё не то, всё не то!»

— Ладно, хватит, — сказал он и убрал альбомы в книжный шкаф. — Так вообще загнаться можно! Как катится, так пусть себе и катится. Пойду лучше грамм пятьдесят выпью, чтобы заснуть.

Он достал из бара початую бутылку коньяка, потянул пробку за массивный набалдашник и резко выдернул её. Дразнящий аромат вырвался из горлышка и пополз по комнате. Алексей Иванович взял первый попавшийся бокал и плеснул в него из бутылки.

— Ну, с днём рождения, дорогой! — громко сказал он, понюхал коньяк и не спеша, смакуя каждый глоток, выпил. — Теперь можно и спать ложиться.

...В десять утра его разбудил сигнал телефона.

Звонил Борис, ученик и друг Алексея Ивановича, молодой, перспективный художник.

— Доброе утро, мой дорогой и уважаемый! С юбилеем! Здоровья вам и творческих успехов.

— Спасибо Боря, я ещё сплю, — хрипящим голосом непробужденного человека пробормотал Алексей Иванович, чуть приоткрывая глаза. — Вечером увидимся в «Айсберге». Не опаздывай! Ровно в восемнадцать ноль-ноль.

— Что вы, конечно не опоздаю, буду вовремя! Обнимаю. До встречи!

Алексей Иванович встал под душ. Тёплые плотные струи приятно покалывали тело и выгоняли сон. Окончательно проснувшись, он, не вытираясь, надел атласный халат, накинул капюшон, босиком прошёл в коридор и встал перед высоким старинным зеркалом. Проведя ладонью по лицу, смахнул капельки воды и уставился на отражение.

— Не-хо-чу! — чеканя каждый слог проговорил он. — Не-хо-чу! Ни банкета, ни цветов, ни подарков, ни фальшивых пожеланий, ни стихов из купленных в переходе открыток. Идите все к чёрту! Надоели!

Алексей Иванович зашёл в комнату, сел на кровать и позвонил Борису.

— Так, Боря, мне нужна твоя помощь!

— Нет проблем, Алексей Иванович! Сделаю всё, что скажете.

— Тогда, Боря, слушай и не задавай вопросов. Понял?

— Понял.

— Я сейчас поеду в «Айсберг» и рассчитаюсь за банкет, а вечером гуляйте без меня.

— А вот сейчас не понял. Как без вас? — удивился Борис.

— Так, Боря, без меня! Я просил не задавать вопросы, ответов на них у меня всё равно нет. Ты, пожалуйста, подъезжай часикам к пяти и встречай гостей.

— А про вас будут спрашивать, что говорить?

— Хотя что, Боря, хоть что: уехал на Северный полюс, улетел на Луну, Марс... Придумай что-нибудь.

— Да уж, задача! Алексей Иванович, а подарки? Их куда?

Алексей Иванович хмыкнул.

— У тебя ведь день рождения через месяц, так что заberi их себе.

— Вы же не знаете, что там. Вдруг что-то очень дорогое?

— Знаю, Боря, знаю. Обязательно будет пара-тройка реплик известных брендов наручных часов, ручки «Паркер» — шариковые, чернильные, с закрытым пером, открытым, золотым. Курительные трубки, коробки с сигарами и, конечно, очень дорогие коньяк и виски. Если учесть, что я не курю, практически не пью, а ручкой пользуюсь раз-два в году, то все эти вещи мне просто не нужны. У меня дома полшкафа забито такими подарками. Всё понял?

— Да, Алексей Иванович. Но как-то странно это и неожиданно. У вас ничего не случилось?

Алексей Иванович расхохотался.

— Всё в порядке. Ничего не случилось, но очень надеюсь, что случится, и обязательно хорошее. Пока, Боря, я на тебя надеюсь!..

— Да пошли вы все! — сказал Алексей Иванович, выключил телефон и отбросил его на кровать.

Выпил кофе, оделся, взял с полочки ключи от джипа, направился к дверям, но остановился. Немного подумал и поло-

жил ключи на место. «Дойду пешком. До ресторана двадцать минут спокойным шагом».

И вышел из квартиры.

Солнце с трудом пробивалось сквозь изорванные мягкие тучи. Тёплый ветер трепал ветки тополей и лениво сдувал с них остатки мохнатых пушинок.

Алексей Иванович не спеша шёл по аллее и с интересом поглядывал по сторонам: «Господи, как давно я тут не ходил! Лет десять, наверное. Проскакиваешь на машине, глядя только вперёд, и не обращаешь внимания на царящие вокруг перемены. Плитку поменяли, фонтан отремонтировали, скамейки новые. Люди ходят, улыбаются, голубей кормят, дети орут. Жизнь продолжается, это просто я в зомби превратился. Здорово-то как вокруг!»

Кофейня «Ледовый странник» и ресторан «Айсберг» находились на первом и втором этажах пристроенного к высотке здания. Алексей Иванович посмотрел на часы. «До открытия ресторана ещё полчаса, можно пока в „Страннике“ кофейку выпить», — подумал он, зашёл в кафе и сел за столик. Но, почувствовав духоту, поднялся и направился в глубь зала к выходу, чтобы пересесть на веранду.

На веранде, огороженной балюстрадой из чернёных сосновых брусьев, народу не было. Алексей Иванович заказал чашку «Американо», пирог с вишней, немного подумал и выбрал столик в углу. «Такую же веранду надо было на даче делать, — подумал он. — Деревянные столы, стулья, ограждения. Чтобы живое всё было, а то погнался за модой: стекло, металл, пластик. Казёнщина. Ни тепла, ни души. Обязательно потом переделаю».

Официант принёс заказ, пожелал приятного аппетита и вышел в зал. Словно дожидаясь этого момента, из-под крыши выпорхнули два голубя. Громко хлопоча крыльями, они опустились на край стола и, загнув шеи набок, замерли.

Алексей Иванович тоже замер в ожидании того, что будет дальше. Голуби поворковали, и тот, что покрупнее, нерешительно двинулся к тарелке с пирогом. Приблизившись к добыче, он впился клювом в вишенку, выдернул её из пирога, но не удержал, и ягода свалилась на пол. Обе птицы кинулись вниз и, оттесняя друг друга, устроили шумную борьбу за трофей.

«Только что друзьями были и даже решали, кто первый пойдёт, а через минуту — враги. Что поделать — это жизнь, — подумал Алексей Иванович. — Решу я сейчас вашу проблему, сизые». Он отломил ложкой кусочек пирога, раскрошил его на большой салфетке и положил на пол недалеко от столика.

«Вот и все мои гости на сегодня», — подумал Алексей Ивановичи и шёпотом запел:

*Собирайтесь-ка, гости мои, на моё угощенье,
Говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слыву...**

На веранду зашла женщина и, не глядя по сторонам, села за первый попавшийся стол. Достала из сумки пакетик с одноразовыми платочками, вытащила один и промокнула под глазами.

Алексей Иванович уставился на неё. Он уже прикидывал, какие мелкие погрешности фигуры и лица пришлось бы изменить, рисуя её портрет. «Возраст примерно за пятьдесят. Джин-

* Б. Окуджава «Грузинская песня».

совое платье хорошо подчёркивает фигуру, реглан округляет плечи. Волосы короткие, окрашенные, чёлка закрывает лоб. Лицо овальное, ровное, без глубоких морщин, хотя отсюда не видно — может, там тонна крема», — размышлял Алексей Иванович. Ему захотелось взять карандаш и прочертить воображаемые линии, чтобы вычислить пропорции.

Чем дальше он рассматривал женщину, тем больше понимал и чётче ощущал, что знает её. Алексей Иванович отпил кофе, нахмурил лоб и прищурился: «А может, она мне позировала? Если да, то очень давно. Когда? Мы точно где-то пересекались. Я должен вспомнить, теперь уже из принципа. Может, в училище? Сколько тогда девчонок было, всех не упомнишь. Ну давай, профессионал, фантазируй! Стирай возраст, меняй причёску, фигуру, перекрашивай волосы. Давай!»

Алексей Иванович схватил ложку и принялся быстро уплетать остатки пирога. Закончив, залпом выпил кофе и вновь пристально посмотрел на женщину.

— Так не бывает, — прошептал он. — Этого не может быть! Валя... А я ведь так и не написал её портрет.

Испугавшись, что женщина тоже узнает его, Алексей Иванович быстро вытащил из кармана тёмные очки и нацепил их на нос. Тело обволокла тягучая расслабленность, справиться с которой он не мог, да и не хотел. Тепло воспоминаний переносило в прошлое, словно затягивая в воронку, освобождая от суетности настоящего, и сопротивляться этому не хотелось.

Сколько лет он прокручивал в голове события давнего сентября, когда на последнем курсе художественного училища их группу послали на уборку картошки в деревню Кузьминки. Сколько раз после той осени, просыпаясь с очередной под-

ружкой, он вдыхал воздух и пробивался через толщу запахов в надежде вспомнить аромат того сказочного утра, когда он проснулся с Вале́й...

Официант поставил перед Валентиной тарелку с куском торта, украшенного пышной шапкой взбитых сливок, высокий чайник, разрисованный китайскими иероглифами, и чашку.

Алексей Иванович улыбнулся. Он вспомнил, как почти сорок лет назад они, студенты училища, выпрыгивали из душного, забрызганного грязью автобуса у здания колхозной администрации.

...Их встречал председатель. Пожимая всем руки и широко улыбаясь, радовался приезду бесплатной рабочей силы.

— Ох, какие все молодые да, по ходу, работающие! — приговаривал он. Затем, указав на двухэтажную постройку с обвалившейся штукатуркой, добавил: — Это общежитие, устраивайтесь. Обед через час, не опаздывайте! Столовая на первом этаже. Найдёте по запаху.

Взгляд председателя уткнулся в Алексея.

— А это что, паря, у тебя на плече такое?

— Этюдник.

— Зачем он тебе?

— Буду в свободное время природу вашу описывать.

— Так ты художник?

— Так мы все из художественного училища. Вы не знали?

Председатель хмыкнул, снял кепку, вытер ею потное лицо и сказал:

— Да мне как-то по барабану, кто вы. Когда на поле кверху жопой — все одинаковые. Ты мне лучше скажи, а портрет можешь нарисовать?

— Конечно могу!

— Как звать-то тебя, паря?

— Алексей.

— Слушай, Лёха, я хочу, чтобы ты нарисовал портреты моих передовиков. Тут в соседнем колхозе Петрович своих сфоткал и на стену в красном уголке повесил. А ты мне поможешь его переплюнуть. Я тебе трудодни закрою, картошку и без тебя увернут. Жить и рисовать будешь в гостевом домике, там у меня проверяющие останавливаются. И из горкома, и из обкома жили. Надо — баньку истоплю. Банька знатная! Столоваться у меня дома можешь или с ребятами своими, как хочешь. Вон доча моя идёт. Если по грибы-ягоды, так это к ней, Валюха тута все места знает. — Председатель наклонился к Алексею и доверительно зашептал: — Уехала от нас доча, не хочет в деревне жить. Два года уж как умотала к жениной сестре в Таллин. Жена-то у меня эстонка, её родителей в сорок первом к нам сослали. Моя-то прижилась тут, в Кузьминках, а ейная сеструха обратно в Эстонию вернулась. Вот Валька после школы к ней и рванула.

— Валюха, познакомься, — сказал председатель подошедшей дочери. — Это Лёха, художник из города. Будет активистов наших рисовать.

Девушка прищурилась, окинула Алексея взглядом и улыбнулась.

— А меня нарисуешь? — спросила она.

— С удовольствием! — ответил Алексей. — Только рисую рисунки, а я портрет твой напишу. Маслом.

— Ух ты! Маслом! — воскликнул председатель. — Иди, Валяха, устрой художника в гостевом доме.

По узкой тропинке, теряющейся в нескошенной траве, Алексей пошёл за девушкой.

Ветер дул в спину и, словно играючи, трепал её лёгкое платье, прижимая его к телу. Ткань плотно обволокла фигуру, и Алексей заметил, что под платьем ничего нет.

Он впервые видел полуголую девушку. Застывшие в нелепых позах натурщицы, которых приводили преподаватели, были не в счёт: во-первых, им всем было за сорок, а во-вторых, они не вызывали никаких чувств. Сегодня же всё было по-другому: кровь прилила к лицу, сердце отчаянно сотрясилось и отдавалось дрожью в ногах и руках. Ему было стыдно перед собой за то, что не может отвести глаз от девушки.

— Всё, вот, пришли, — обернувшись, сказала Валя и, увидев лицо Алексея, спросила: — Ты чего это такой красный? Перегрелся? Всё нормально?

Алексей вздрогнул, прогоняя оцепенение очарования, протянул руку и погладил Валью по голове:

— Ты такая красивая, как принцесса!

Девушка отклонилась из-под руки, сделала шаг назад и произнесла:

— Мы пришли. Ключ под ковриком. Вечером можем на реку сходить. Зайти за тобой?

Алексей покраснел, на лбу выступил пот, а прилипший к нёбу язык не шевелился. Он закивал и, опустив глаза, поплёлся к крыльцу.

...Двадцать чудесных дней в деревне пронеслись незаметно. Утром Алексей работал, а после обеда они с Валей всё время

проводили вместе — ходили на реку, катались на лодке, бродили в лесу.

Однокурсники с завистью смотрели на его отношения с красивой девушкой, но Алексею было всё равно. Единственное, что удручало — мгновенно пролетающее время. Он звал Валю к себе в гостевой домик, но она, опасаясь отца, отказывалась.

Накануне отъезда девушка прибежала к нему и, отдышавшись, выпалила:

— Отец самогонку сегодня гнать будет!

— И что? — не понял Алексей.

— А то! — хитро подмигнула Валя. — Он к вечеру так напроуется, что до утра не растолкать. И я приду.

— Ко мне?

— Нет, к папе римскому! К тебе, конечно. Я баню затоплю. Хочешь?

— Мы в баню пойдём, что ли?

— Смешной ты, Лёшик! — засмеялась девушка, чмокнула его в щёку и убежала домой.

Утром под окном загорланил петух. Алексей вздрогнул и открыл глаза: закинув руку на его грудь, рядом посапывала Валя. Он хотел потихоньку выбраться, но Валя зашевелилась и ещё сильнее прижалась к нему.

Алексей лежал на спине и глядел в потолок. «Это самое счастливое утро в моей жизни, — подумал он. — А запах какой! Не могу понять, то ли травами пахнет, то ли цветами. А может, так пахнет любовь? Здорово я придумал: запах любви! А я ведь так и не написал её портрет».

— Валюша! — прошептал Алексей. — Валюша!

— Что, Лёшик?

— Выходи за меня!

— Выйду, но не сейчас, — Валя поцеловала его в плечо.

— Почему?

— Я хочу на будущий год поступать в университет. Два года уже пытаюсь, баллов не хватает, но в этот раз обязательно поступлю. Я работала, денег накопила. Возьму репетиторов и буду готовиться. Пока я учусь, ты известным художником станешь.

— Валюша, а как я без тебя теперь?

— Так можно же письма писать. Я буду к родителям приезжать, и ты тоже сюда приезжай. Мне кажется, ты отцу понравился.

Автобус приехал за студентами в двенадцать. Однокурсники с Алексеем не разговаривали, все делали вид, что его не существует, так, пустое место.

«Ну и чёрт с вами, — подумал он. — Нафиг вы мне сдались! У меня теперь Валюша есть, да и диплом скоро, обойдусь без вас».

Он махал Вале в окно и улыбался, но щемящее чувство тревоги сдавило сердце: ему вдруг показалось, что больше они никогда не увидятся.

Переписывались долго. Потом, как это часто бывает, письма стали приходить всё реже, а потом и вовсе перестали. Алексей пытался разыскать Валюшу, но делал это лениво, между дел. Ему было некогда, он стремился наверх — к славе и деньгам, а когда Эстония стала границей, то вообще потерял надежду.

Если черты лица Вали постепенно вымарывались из памяти, то пережитые эмоции и запах счастливого утра Алексей вспоминал до сих пор...

Алексей Иванович не мог понять, что с ним происходит. Ему показалось, будто осыпаются невидимые барьеры, долгие годы сдерживающие его чувства, заставляющие жить по определённым правилам, с которыми ему приходилось мириться. «Всё, я пошёл!» — решительно сказал он сам себе, снял очки, сунул их в карман, поднялся с места и направился к столу, за которым сидела женщина.

— Валюша, ты меня узнаёшь? — негромко сказал он.

Валя подняла глаза, прищурилась и вдруг, резко поставив чашку мимо блюдца, начала подниматься.

— Лёшик? Лёшик?! Это ты? Нет! Не верю! Лёшик!

Она кинулась ему на шею и заплакала.

Алексей Иванович обнял Валюшу и прижал её голову к своей груди.

— Господи! — всхлипнула Валя. — Это самое громадное чудо, которое могло произойти! Именно сегодня, когда мне так плохо, появляешься ты. Лёшик, я не верю!

— Давай присядем, — сказал Алексей Иванович, отодвинул стул и усадил Валю. — Может, выпьем?

— Давай, Лёшик!

Алексей Иванович подозвал официанта, заказал коньяк, кофе, шоколад и лимон. Сел рядом и взял женщину за руку.

— Что случилось, Валюша?

— Меня сегодня выгнали с работы! Представляешь? Я больше двадцати лет работала директором в ресторане, тут, наверху.

Сегодня прихожу, а хозяин говорит, что больше в моих услугах не нуждается!

Валя выхватила из подставки салфетку и промокнула выступившие слёзы.

— Представляешь, Лёшик, раз — и всё!

Официант принёс заказ, разлил по бокалам коньяк и ушёл.

Алексей Иванович снова взял Валю за руку.

— Не плачь! Может, это произошло для того, чтобы мы встретились. Давай выпьем за это.

Они выпили. Алексей Иванович погладил Валю по голове. Женщина медленно взяла его ладонь и прижала к своей щеке.

— Лёшик, Лёшик. Как это здорово!

Алексей Иванович закрыл глаза. С теплом коньяка по телу расплзалась душевность, вызывающая чувство приятной, нежащей слабости.

— Расскажи, Валюша, о себе. Почему перестала писать? Что случилось?

— Прости, Лёшик, я виновата перед тобой. Поступила в университет, учиться было тяжело, приходилось карабкаться изо всех сил. Уставала и каждый вечер думала: «Завтра напишу, завтра напишу». Но приходило завтра, и опять круговорот и суета. Вот, как-то так.

— Ну а дальше? Рассказывай, — Алексей Иванович, шурша фольгой, разломил шоколад и протянул кусочек Вале.

— Что дальше? Дальше работа, замуж вышла, потом развелась. Детей не получилось родить. Да, что дальше... Жизнь, с её маленькими радостями и проблемами. Тебя часто вспоминала, особенно когда совсем печально было. Думала, как бы всё сложилось, будь мы вместе. Потом девяностые. Развал

Союза. Началась кутерьма с эстонским гражданством. Нужно было куда-то ходить, что-то доказывать. В магазинах к русским — презрение, в транспорте — фырканье. Столько гадостей выслушала! Плюнула и уехала в Россию... Лёшик, налей ещё, хорошо мне стало!

Алексей Иванович глотнул остывший кофе и налил в чашку из бутылки.

— Давай за тебя! — сказал он, выпил и поцеловал Валю в щёку.

Она улыбнулась и пригубила коньяк.

— В общем, пожила у родителей в Кузьминках, затем в город переехала. Сразу в «Айсберг» устроилась, потом квартиру купила двухкомнатную.

— Подожди, подожди! — Алексей Иванович оживился. — Так Кузьминки всё ещё существуют? Я даже не догадался там тебя искать.

— Конечно существуют! Папа в девяностых подсуетился и «оттяпал» у колхоза приличный кусок земли. Правда, родители уже умерли, а у меня там теперь дача. Дом новый и баню построила из брёвен. Лет сто простоят! А «гостевой», в котором ты жил, не трогаю, берегу. В деревне всё изменилось: коттеджи появились, дорогу сделали, автобус пустили, магазины пооткрывали. Слушай, что мы всё обо мне? Как ты? Стал известным художником? Ты ведь портрет мой так и не написал. Обманщик!

Валя допила из бокала коньяк, выпила кофе, улыбнулась и потрепала Алексея Ивановича по волосам. Хитро прищурилась и сказала:

— Давай, рассказывай!

— Валюша, художником известным я стал, и очень удивлён, что ты обо мне не слышала. Живу один, и у меня всё хорошо. Настолько хорошо, аж противно! Но в жизни всегда чего-то не хватает. Наверное, не хватало тебя.

Алексей Иванович наклонился, обнял Валюшу за плечи и робко поцеловал в губы.

— Лёшик, если ты свободен, поехали в Кузьминки? — тихо предложила Валя.

— Валюша, счастье моё, конечно свободен! Для тебя всегда свободен!

Они поднялись.

Алексей Иванович расплатился.

— Пойдём? — спросил он.

— Минуточку, — ответила Валя и вытащила из сумочки звонящий мобильник. Посмотрев на экран, улыбнулась и прошептала: — Да пошли вы все!

Отключила телефон и бросила его в сумку.

— Вот теперь идём!

Она взяла Алексея Ивановича за руку, и они вышли в фойе.

— Ой, Валюша, подожди. Совсем забыл. Мне надо в «Айсберг» подняться. Я должен банкет оплатить.

— Какой банкет? — удивилась Валя.

— Долгая история, потом расскажу. Я быстро. Постой здесь, не уходи!

Валя подняла голову и с улыбкой смотрела, как Алексей Иванович, словно мальчишка, перепрыгивая через две ступеньки, побежал по длинной, широкой лестнице.

Он вышел через пять минут.

— Валюша! — крикнул Алексей Иванович. — Я уже лечу!

Он огляделся по сторонам, запрыгнул на перила и, ловко балансируя руками, скатился по ним вниз.

Джип, коттедж и катер Алексей Иванович продал быстро, а с квартирой пришлось повозиться. Но примерно через полгода продалась и она.

...Через некоторое время все стены гостевого домика в Кузьминках были увешаны портретами Валюши...

Ночное свидание

Один из эпизодов, описанных в рассказе, основан на реальных событиях, но подтвердить или опровергнуть его подлинность, к сожалению, уже никому...

У командира разведгруппы Фёдора Голубева была тайна: у него никогда не было женщин. Он, как настоящий комсомолец, чурался близости с ними, если не испытывал искренних чувств. А чувств таких ему до сих пор испытать не удавалось. В старших классах, когда его товарищи, возбуждённые весенним ароматом проснувшейся после зимы листвы, крутили перед девчонками «солнышко» на дворовом турнике и ради слюнявого поцелуя клялись в вечной любви, Фёдор корпел над учебниками. «Вот стану курсантом, тогда и о девчонках можно подумать, — решил он. — Военное училище — это не какой-нибудь «пед» или «мед», тут всё серьёзно».

Поступление в училище свободного времени не добавило: учёба, тренировки, строевая подготовка выматывали так, что

в голове оставалась только одна мысль — поскорее добраться до кровати да выспаться, без ночной учебной тревоги или внезапного построения.

А потом началась война, и Фёдор сразу после училища попал на фронт — а на войне уже не до девчонок...

Сколько же историй — правдивых и выдуманных — о любовных приключениях однополчан он услышал в части!.. Истории эти озвучивались в таких скабрёзных подробностях, что Фёдор как бы невзначай закрывал лицо, чтобы никто не увидел полыхающих от стыда щёк.

Война продолжалась. Побитые в боях немцы, не дожидаясь теснившей их Советской армии, второпях отступали. Ушли из деревни Ложбинка и заняли ближайшую высоту — дожидаться подкрепления да раны зализать. Наши войска, тоже изрядно потрёпанные фашистами, не спешили заходить в оставленную врагом деревню: нужно было выждать время, набраться сил, а главное — разузнать, какие планы у противника.

— Ну что, Фёдор, — сказал полковник. — Бери своих бойцов — и в Ложбинку! Осмотрись и добудь мне языка, да только такого, чтобы от него толк был. На всё про всё у вас двое суток. Выполняй приказ!

Утром Фёдор с пятью разведчиками прибыл в деревню.

Первыми их увидели дети, гонявшие ржавый обруч по пыльной дороге.

— Солдаты! Солдаты! — закричали они.

Из дворов начали выглядывать женщины: медленно открывали калитки и с опаской смотрели на улицу. Через минуту они бежали к бойцам с радостными криками — наши!.. Из-за

ближайшей ограды появилась девчушка лет пяти, она внимательно оглядела солдат и бросилась к Фёдору.

— Папа! Папа! — закричала она и быстро вскарабкалась ему на руки.

Фёдор обескураженно смотрел на неё, не зная, что сказать. Он обнял девочку, а она обхватила его за шею и прижалась щеке.

— Папа, папочка! — шептала она.

Фёдор осмотрелся.

«Вот, война проклятая, до чего довела, — подумал он. — Детишки отцов своих не помнят, жёны мужей годами не видели. Деревня: ни одного мужика, только бабы и старики. Как они тут одни справляются?»

К нему подошёл пожилой мужчина.

— Здравствуй, служивый! — сказал он и пожал Фёдору руку. — Вижу, ты главный. Я Пётр Евсеевич, за старшего тут. Чем помочь?

— Задание у нас. Нам бы постоя на один-два дня, а там посмотрим. Решим вопрос?

— Решим? — усмехнулся Пётр Евсеевич. — Чует моё сердце, что за таких постояльцев драка сейчас начнётся. Смотри, чтобы бабы из-за твоих орлов не поубивали друг друга. Мужиков-то давно в деревне нет, все на войне. А кто и вовсе погиб. Да чего я тебе рассказываю, сам знаешь!

Он протянул руки к девочке и ласково сказал:

— Пойдём к дедушке, Варюша.

Девочка отвернула лицо и уткнулась Фёдору в плечо.

— Пойдём, — повторил Пётр Евсеевич.

Но Варя только сильнее прижалась к Фёдору.

— Ну что, служивый, — махнул рукой Пётр Евсеевич, — придётся тебе у меня квартировать. У Варьки характер будь здоров! Упёртая — вся в мать, если что удумала, то, считай, пропало, не отговаривать. Как звать-то тебя?

— Фёдор...

Они зашли в избу.

— Садись пока, отдохни. Я пойду баньку затоплю. Скоро супружница моя с дочкой из леса вернутся. Грибов принесут — нажарим.

Фёдор сел к столу, а Варя вытащила из-под подушки потрёпанную книжку, забралась к нему на колени и попросила:

— Папочка, почитай!

Фёдор задумчиво почесал лоб и вспомнил удивлённо-насмешливые взгляды ребят, когда девочка назвала его папой.

«Да уж, интересная ситуация, — подумал он. — Теперь мне проходу точно не дадут, с утра до вечера шуточками изводить будут».

Из сеней донеслись шаги и скрип расшатанных половиц. Варя моментально прыгнула на пол и закричала:

— Мама! Баба! Папа приехал!

Фёдор растерянно поднялся и развёл руками.

Через узкие двери, отталкивая друг друга, женщины протиснулись в комнату. Та, что постарше, опустила корзину с грибами на пол и бросилась к Фёдору.

— Наши... наконец-то наши! — женщина обняла его, уткнулась в грудь и заплакала.

— Мама, мама, — не унималась Варя. — Папа приехал!

— Ну что ты, Варенька, это не папа, — улыбнулась мать.

— Папа! — Варя топнула ножкой, прищурилась и выпятила

нижнюю губу. Казалось, ещё секунда — и она расплатится вслед за бабушкой.

На шум прибежал Пётр Евсеевич.

— Ну наконец-то! А мы уж заждались, — хмыкнул он. — Вот, Фёдор — это дочь моя Ульяна и жена Таисия Андреевна. Давайте, бабоньки, за работу, кормить гостя надо. А ты, Фёдор, садись, сейчас мы с тобой за победу и за товарища Сталина выпьем. Он вытащил из погреба запрятанную от немцев высокую бутылку с прозрачным самогоном, плотно заткнутую скрученной бумагой, и поставил её на стол. Отодвинув пожелтевшую занавеску, взял с подоконника миску с солёными огурцами и две гранёные стопки.

— Мне нельзя, — решительно заявил Фёдор. — Мы не в гости пришли — задание выполняем.

— За товарища Сталина рюмочку можно, — сказала Ульяна. Она уже переоделась, вышла из дальней комнаты, на ходу поправляя голову лёгким цветастым платком.

— За товарища Сталина! За товарища Сталина! — нараспев кричала Варя, прыгая на одной ноге около матери.

Доскакав до Фёдора, она вновь забралась к нему на колени, обняла и, вытянув шею, поцеловала в щёку.

— Ну что, Фёдор, придётся теперь вам папой побыть, — сказала Ульяна и улынулась. — Пойдём, Варенька, поможешь нам с бабушкой обед сготовить! Будешь картошку чистить? А мы грибочки... А? — Варя опять поцеловала Фёдора и неохотно слезла с его коленей.

Мужчины выпили.

Фёдор, хрустя огурчиком, разглядывал Ульяну, которая бросала в его сторону беглые взгляды. Смотрел на неё и чувство-

вал, что начинает краснеть. Жар залил щёки и спустился по шее к груди. В горле пересохло. Ему захотелось подойти к ней, крепко обнять, прижать и целовать, целовать, целовать... Но как только их взгляды встречались, он вжимал голову в плечи и, прислушиваясь к громким ударам сердца, глотал воздух, беззвучно открывая рот.

Пётр Евсеевич снова выпил, сипло крикнул, закусил огурцом и озабочено спросил:

— Где тебя на покой-то определить? Места в избе немного... Надо подумать.

— А чего думать? Пусть у нас в комнате, — предложила Ульяна. Варенька со мной будет спать, а Федя на её месте переночует.

— Ишь, чего удумала, бесстыжая! — Пётр Евсеевич стукнул кулаком по столу. — С мужиком в одной комнате! Переночевала уже раз. И где твой хахаль городской? Ищи ветра в поле! Лет шесть как ни слуху ни духу. Не зли меня лучше, Улька, а то вожжами отхожу, не посмотрю, что гость в доме.

— Тихо, тихо, не ссорьтесь, — вступила в разговор Таисия Андреевна. — Я ему в баньке постелю. Матрасик есть, да и подушка найдётся.

Но про сон, конечно же, не могло быть и речи. Бойцы ждали наступления только темноты: солнце уже давно спряталось за горизонт, а ночь всё не спешила затянуть чернотой летнее лазоревое небо...

Наконец стемнело, и Фёдор обратился к отряду:

— Наша задача — максимально приблизиться к расположению противника. Необходимо определить точную дислокацию и выявить огневые точки линии обороны. Сегодня языка брать

не будем, нужна детальная подготовка. Смотрите внимательно и всё запоминайте. Сверим часы. Встречаемся в шесть ноль-ноль в деревне. Всё. Задание понятно? Отлично. Приступить к выполнению!

Фёдор залёг в траве возле кустов, метрах в трёхстах от немцев. «Ничего себе, — подумал он, глядя в бинокль. — Праздник у них, что ли?.. Словно и нет войны! Совсем, гады, обнаглели, хозяевами себя почувствовали. Сейчас бы шарахнуть артиллерией, и делу конец!..»

Немцы пили. Фары танков с маскировочными рассеивателями отбрасывали приглушённый свет. Из огромной палатки доносилась музыка и пьяные крики. Солдаты группами сидели у ярких костров с прилаженными над ними котелками. Озираясь на палатку, они украдкой передавали по кругу початую бутылку. Отхлёбывали по глотку и передавали дальше.

Фёдор насторожился: из палатки вышли два офицера в небрежно накиннутых на плечи полевых кителях. Они громко разговаривали и хохотали, а затем, шатаясь, направились в сторону Фёдора. Не дойдя до него метров пятьдесят, один из офицеров громко выругался, отошёл в сторону, приспустил брюки и, продолжая разговаривать, присел у кустов.

«Твари! — сплюнул Фёдор, — они ещё прогуливаются и гадят напоследок. Может, он от страха обделался? Но где же караул? Неужели они настолько уверены в своей безопасности? Танки развёрнуты по ходу от деревни, ни миномётов, ни пулемётов в нашу сторону нет... Никак, драпать собрались?.. Приказа, наверное, ждут».

Фашисты уgomонились с первыми лучами солнца. Фёдор видел, как после окрика офицера несколько солдат, дремавших

у затухающих костров, взяли автоматы и залегли в укрытия.

«Всё, — подумал Фёдор, — надо уходить».

Языка решили брать на следующее утро.

— Раз они в нашу сторону ходят — в любом случае кого-то возьмём. Уж очень они расслабились. Выступаем в четыре утра. Сейчас всем отдыхать.

...Фёдор подошёл к избе. Варя сидела на скамейке в цветастом платице и болтала ногами. Мальчиковые изношенные ботинки со сбитыми носами смотрелись как оковы на её тонких ножках. Увидев Фёдора, она подбежала к нему, запрыгнула на руки и закричала:

— Мама! Мама! Папа пришёл!

— Ты чего не спишь? Рано ведь ещё, — спросил Фёдор.

— Тебя жду.

Ульяна вышла на крыльцо, и сказала:

— Тише, Варенька, всю деревню перебудишь.

Она посмотрела на него и улыбнулась.

— Так вчера в баньку и не сходил, Федя. Снимай гимнастёрку, я полью тебе. Сполоснёшься, вода не горячая, но теплее родниковой. Варенька, слезь, папе сполоснуться надо.

Фёдор удивлённо взглянул на Ульяну, она слегка кивнула ему и шепнула:

— Потерпи. Уйдёшь, а она помаленьку забудет и свыкнется...

Фёдор снял гимнастёрку и отдал её Варе. Ульяна вернулась из бани с потрескавшимся обмылком коричневого хозяйственного мыла и ведром воды. На плече у неё висело длинное полотенце.

Фёдор наклонился и, громко фыркая, начал мыться. Пару раз брызги попали на Варю, девочка, жмурясь, пряталась за мамину спину...

— Вытирайся, и пошли завтракать, — сказала Ульяна, протянув полотенце, и смахнула с его плеча капельки воды.

Фёдор почувствовал, что опять покраснел, сердце заколотилось. Точно как вчера за столом. Он схватил полотенце и уткнулся в него лицом.

После завтрака Фёдор пошёл в баню, он перетащил матрац и подушку из парной в предбанник. Расстелил на полу и, не снимая гимнастёрки, лёг и сразу заснул.

Проснулся он от приятного прикосновения, словно летняя бабочка нежно водила крыльями по щеке. Фёдор открыл глаза и увидел Ульяну. Она склонилась над ним и целовала его лицо. Он обнял её и уткнулся носом в распущенные волосы...

Дверь предбанника распахнулась.

На пороге стояла Варя с потрёпанной книжкой в руке. Она протянула её Фёдору.

— Почитай, — требовательно заявила она.

— Варенька, — сказала Ульяна. — Давай позже. Папа устал...

— Нет, сейчас, — Варя топнула ножкой и надула губы.

Ульяна поднялась, ловко закрутила волосы в клубок и закрепила двумя шпильками.

— Ну что, папа, давай читай, — со вздохом сказала она и вышла из бани.

Варенька скинула ботинки, легла к Фёдору и положила голову ему на плечо. Он обнял её, прижал и начал читать...

Разбудила их Ульяна.

— Засони, пошли ужинать, — она пощекотала Вареньку. — Вставайте. Весь день проспали. Точь-в-точь сурки.

Варя открыла глаза, потянулась, поправила спутавшиеся

волосы и чмокнула Фёдора в щёку. Она погладила его по щеке и шёпотом сказала:

— Папочка, вставай! Мама пришла.

После ужина Фёдор помог Петру Евсеевичу поставить покосившийся забор.

Дед ушёл в дом, а Фёдор с Варей расположились на крыльце. Она не переставая щебетала. Рассказывала, что помогает маме по хозяйству: моет посуду и пол. И даже научилась мыть ягоды и перебирать грибы! Фёдор слушал её и рисовал длинной корявой веткой на высохшей земле смешные рожицы. Варенька соскакивала с места, затаптывала их, а Фёдор рисовал новые.

За игрой они не заметили Ульяну, которая вышла на порог, прислонилась к косяку двери и, шурясь на солнце, наблюдала за ними.

«Как будто и вовсе войны никакой нет, — подумала она. — Тихо и спокойно. Милый паренёк, года на три, наверное, помладше меня будет... Смотрю на него — и на душе так тепло становится!.. Блаженно. Словно родной он мне. Варька от него не отстаёт, а он и не противится... только вот выполнит своё задание, и уйдёт через пару дней. А дальше что? Пустота. Память не вечна, вымарает всё. Я ведь даже рук его не почувствовала. Нет, так не пойдёт. Что будет — то будет. Война же. А она всё спишет».

Ульяна спустилась с крыльца и уселась рядом с Фёдором.

— Феденька, — шепнула она ему на ухо. — Я Вареньку уложу, а как стемнеет — к тебе приду. Не прогонишь?

— Никогда, — неожиданно для себя выпалил Фёдор, — только...

— Что — только? — Ульяна нахмурилась.

— Нам в четыре выдвигаться...

Ульяна уткнулась ему в ухо и, едва касаясь губами его щеки, сказала:

— Значит, точно не проспичь.

Сумерки опустились рано, небо быстро затянулось тучами, и поднялся ветер. Редкие, но крупные капли дождя, как маленькие бомбочки, колотили по крыше бани. Фёдор ворочался на матрасе и старался не заснуть. Но усталость прошлой ночи да тусклость погоды сделали своё дело. Как ни силился он не закрывать глаза, ничего не помогало — веки потяжелели и сомкнулись.

Фёдор проснулся от громкого стука.

Он открыл глаза, нащупал фонарик и направил луч в сторону двери, которая тут же распахнулась. В проёме стоял немецкий офицер, его шатало из стороны в сторону. Чтобы не упасть, он упёрся руками в боковины проёма и неуклюже поднимал ногу, пытаясь зайти в предбанник. С третьего раза у него это получилось. Он сделал шаг вперёд, но стукнулся головой о верхний косяк, согнулся от боли и застонал. Затем схватился за голову, потерял равновесие и, споткнувшись о высокий порог, рухнул рядом с Фёдором. Тот соскочил и посветил офицеру в лицо. Фриц, словно ребёнок, смешно прищёпывая губами, спал мертвецким пьяным сном.

Фёдор услышал негромкие шаги: к дверям подошла Ульяна. Ветер колыхал её распущенные волосы и прижимал к телу длинную ночную рубашку.

— Что стряслось? — встревоженно спросила она.

— Тащи верёвку. Быстро! Тут немец.

Ульяна принесла старые вожжи.

Фёдор перевернул офицера на живот, связал его по рукам и ногам, а в рот затолкал мочалку. Он вышел из бани и для верности припёр дверь вилами.

— Герой ты мой, — сказала Ульяна и обняла Фёдора. — Пойдём на сеновал...

Утром добиться чего-то от пленного не удалось. По-немецки разведчики толком не знали, да и обескураженный офицер ничего членораздельного сказать не мог. Он постоянно просил пить и чертыхался. Из его бормотания бойцы поняли, что тот вышел в поле и заблудился.

— Ладно! В штабе разберутся, — сказал Фёдор. — Выдвигаемся. На сборы тридцать минут.

Провожать солдат вышла вся деревня. Ульяна не решилась прилюдно ни обнять, ни тем более поцеловать Фёдора. Они молча стояли и смотрели друг другу в глаза. Быстро оглядевшись, Ульяна достала из волос Фёдора застрявшую соломинку, положила на ладонь и показала ему.

Фёдор улыбнулся, а Ульяна дунула — соломинка закружилась в воздухе и плавно полетела вниз...

Варя теребила Фёдора за штанину и громко спрашивала:

— Папа, ты скоро вернёшься? Скоро?

Фёдор взял её на руки нахмурил брови и строго спросил:

— А ты будешь меня ждать? А?

— Буду, буду. И мамочка будет. Да, мама?

Фёдор посмотрел на Ульяну, она улыбнулась и кивнула головой.

— Ну, раз будете ждать, — Фёдор поставил Вареньку на землю, — тогда обязательно вернусь. Разобьём гадов — и вернусь!..

Война закончилась и Фёдор вернулся в деревню. На его груди среди других наград поблёскивала «Медаль за боевые заслуги», которую он получил за взятого языка.

А Варенька? Варенька подросла и с радостью нянчилась с двумя младшими братишками-близнецами, которых любила не меньше, чем отца.

Цыганский приворот

Рада Шандоровна, с трудом втиснув пышные бёдра между подлокотниками, села в офисное кресло, облокотилась на стол и подпёрла подбородок ладонями. От этого её сочные губы с красной помадой превратились в аппетитную трубочку, а ага-товые цыганские глаза, хотя и сузились, но продолжали оставаться большими. Она уставилась на шарик из чёрного опала, лежащий на столе в открытой бархатной коробочке для ювелирных украшений, и зашептала:

— Чёрная моя тоска, чёрная моя печаль, чёрная моя чернота, уходи навсегда. Прилетай ко мне добро, золото и серебро! Денюжка к денюжке, рублик к копеечке! У меня навсегда полна горница добра. Каждый, кто придёт, с счастьем уйдёт. Мне в прибыль, себе в радость. Удачно мне хлопотать да горя не знать! Аминь.

Гадалка закончила молитву, вышла из-за стола, сняла резинку, сдерживающую волосы на затылке, и шикарные кудри рассыпались по плечам крупными жёсткими кольцами. Затем посмотрелась в настенное зеркало, удовлетворённо зацокала языком и покачала головой. Рада Шандоровна хотела сесть на

место, но дверь распахнулась, и, оттолкнув в сторону преграждавшую путь секретаршу, в кабинет ворвалась женщина лет тридцати с зажатым в руке журналом.

Рада Шандоровна окинула посетительницу любопытствующим взглядом. Три года, которые гадалка провела в тюрьме за мошенничество, возможно и подтолкнули её поближе к праведному пути, но желание выискивать очередную жертву не отбили. Она опытным взглядом влёт определяла не только финансовое состояние будущей жертвы, но и степень готовности им поделиться.

«Так, так, — подумала Рада Шандоровна. — Причёска: волосок к волоску. Макияж безупречный, одета модно, фигурка очень даже ничего. Глаза горят, руки трясутся, движения резкие. Диагноз: катастрофическое желание выйти замуж. Состояние критическое, готова на любые жертвы. Ну что, птичка, добро пожаловать в клетку!»

В предвкушении солидного куша миловидная цыганка потёрла руки и широко улыбнулась. В глазах промелькнуло живое сочувствие и понимание.

— Вы ко мне? — спросила она

— Вы Рада, хозяйка брачного агентства? — вопросом ответила женщина.

— Я! Давайте присядем, успокоимся и поговорим, — гадалка указала на диван, обитый матовой бархатистой кожей цвета слоновой кости.

— Как вас зовут? И чем вам помочь? — спросила гадалка.

— Я Алёна и хочу замуж, — сообщила женщина, бросила на изящный столик яркий глянцевый журнал с портретом мужчины на обложке и продолжила: — Вот за него! — Алёна ткнула

в фотографию острым отполированным ноготком оранжевого цвета в тон сумочке.

— Понятно, — хмыкнула Рада Шандоровна. — Известная личность. Дмитрий Тыквин. Широко шагаешь, Алёна! На кого замаяхнулась. И как я, по-твоему, должна вас познакомить?

Жажущая выйти замуж вытащила из сумочки бумажную салфетку, вытерла выступившие слёзы и шумно высморкалась. Поднялась с места, кинула салфетку в урну и снова села.

— У вас в рекламке написано: «Кто к нам придёт — без пары не уйдёт».

— Конечно, не уйдёт. Но речь в рекламе шла только о тех, кто зарегистрирован у нас. Как я тебя замуж отдам за Тыквина? — усмехнулась цыганка и встала с дивана.

Алёна тоже поднялась.

— Помоги мне! Люди говорят, что ты всё можешь, — проговорила она. Внезапно обхватила Радку за плечи, уткнулась носом в её глубокое декольте и зарыдала так, что Рада Шандоровна, хотя и повидала многое за свою жизнь, испуганно вздрогнула.

— Миро дэвэл!* Миро дэвэл! — забормотала гадалка, переходя на цыганский.

— Что ты сказала? — спросила Алёна, вытащив перепачканный тушью нос из ложбинки на груди Рады Шандоровны.

— Бог мой, говорю. Ради богатства так убиваться! Что за люди пошли! Миро дэвэл, миро дэвэл.

— Ради какого богатства? — искренне удивилась Алёна. — Да будь он бедным, то всё было бы гораздо проще... Точно, Рада! Наворожи, чтобы он стал бедным! Пусть всё потеряет,

* «Бог мой!» по-цыгански.

пусть ему будет одиноко, и я приду к нему в трудную минуту!

— Ну ты точно, девка, сбрендил! — сказала цыганка и обняла Алёну. — Ну-ка давай присядем!

Они вновь уселись на диван, который жалобно скрипнул под весом Рады.

— Вот прямо так влюбилась? — спросила она.

— Да, как по телевизору увидела, так и всё! — тяжело выдохнула Алёна.

— Вот прямо зубы сводит?

— Да что там зубы! У меня, когда о нём думаю, и бабочки кружат, и мурашки бегают, и стрекозы крыльями шелестят. Даже птицы по-другому поют, вот!

Рада Шандоровна покачала головой. «Так и с ума сойти можно», — подумала она и вспомнила грустную историю о своей прапрабабушке, которая от неразделённой любви прыгнула с утёса.

— Ладно, красавица, — сказала цыганка. — Давай кофе выпьем, картишки раскинем и прикинем, как же проблему твою решить.

— Лейла! — крикнула она секретарше. — Свари-ка нам кофейку, да и себе тоже! И приходи сюда, думать будем!

Минут через пять Лейла принесла в кабинет мельхиоровый поднос с колодой карт и тремя чашками кофе. Она поставила его на журнальный столик, придвинула кресло и села рядом с женщинами.

Гадалка взяла карты и начала раскладывать их на столе, что-то приговаривая на цыганском.

Алёна обхватила ладонями чашку, сделала маленький глоток и замерла, наблюдая за её манипуляциями.

Цыганка, вытягивая очередную карту, качала головой и бросала быстрый взгляд на Лейлу. Та не переставая цокала языком, касалась рукой лба и тоже качала головой.

— Что, всё так плохо? — спросила Алёна.

— Нет, дорогая, — ответила Лейла. — Быть тебе в счастье, но через небольшую боль и перелом в судьбе.

— Через какую боль? — Алёна поставила чашку на стол.

— Успокойся, красавица, — Рада Шандоровна обняла Алёну за плечи. — Разве сейчас у тебя не боль? Душа-то твоя рвётся и болит. Ты нам расскажи лучше, где твой ненаглядный живёт, что делает, с кем дружит?

— Так я не знаю ничего. Я ЕГО вижу каждую пятницу не далеко от моего дома.

— Ну-ка, ну-ка, говори! — оживилась Рада Шандоровна.

— Нечего говорить. Я бегаю утрами в шесть часов. А ОН сидит в машине, пьёт кофе из стаканчика и на пятиэтажку смотрит.

— Не поняла? — воскликнула Лейла. — Скажи понятно!

— Да не знаю я, что сказать. Я каждое утро делаю пробежку по тихой улице, там и днём машины редко ездят. А в пятницу ОН туда приезжает, паркуется и сидит.

— Больной, что ли? — спросила Лейла и посмотрела на Рад Шандоровну.

— Может, маньяк? — предположила та.

— Да какой маньяк! — засмеялась Алёна. — Сидит сиднем с картонным стаканчиком в руках и кофе пьёт.

— Ты с ним не пробовала заговорить? — спросила Лейла. — Время узнать, например, или ещё чего.

— Пробовала. Но как к машине подойду, так меня словно парализует. Ни вперёд, ни назад.

— И что? Он тебя, такую красотку, не замечает? — усомнилась гадалка.

Алёна грустно вздохнула.

Цыганки, словно забыв про неё, уставились одна на другую и взорвались криками на родном языке. Они размахивали руками и словно спорили друг с другом. Казалось, что ещё секунда — и начнётся драка.

Алёна вжалась в диван и пыталась разобрать слова. Но кроме фраз «слепой баран», «чёртов импотент» и «драный козёл», произнесённых по-русски, так ничего и не поняла.

Гвалт закончился неожиданно, так же как и начался.

— Так, красавица, иди погуляй пару часиков, а потом приходи, — сказала Рада Шандоровна. — Нам подумать надо.

— Хорошо, — сказала Алёна, взяла сумочку и направилась к выходу. У дверей оглянулась и спросила:

— А вы точно что-нибудь придумаете?

— Бог поможет, да и карты не врут. Ступай! — ответила Лейла.

— Ну что, приступим? — спросила Рада Шандоровна, когда Алёна ушла.

— С удовольствием! — ответила Лейла. — Давно мы с тобой, Радужка, нормальной работой не занимались. Хорошая девка, жалко её.

— Вот и я думаю, что хорошая. Поможем ей!

Они сели за стол. Гадалка достала из ящика лист бумаги и взяла ручку.

— Итак, Лейла, что мы имеем? — спросила она, а затем нарисовала на бумаге два небольших круга и подписала: «Алёна», «Тыквин»...

...Алёна вернулась ровно через два часа, зашла в кабинет и остановилась у дверей.

В комнате было душно и накурено. Рада Шандоровна и Лейла сидели на диване вытянув ноги. Лица у обеих были красные. Журнальный стол завален листами бумаги с нарисованными на них кружочками, квадратиками и другими фигурками, соединёнными между собой стрелками разных цветов. Доверху забитая пепельница уже не вмещала окурки, и один из них, украшенный красным ободком помады, валялся на столе.

— Заходи, заходи! — позвала Рада Шандоровна и указала рукой на кресло.

Она дождалась, когда Алёна присядет, и протянула ей бархатный мешочек, похожий на кисет для табака, на четверть наполненный травой.

— Вот тебе приворот. Утром, когда будешь мимо машины Тыквина пробегать, надо его за номер засунуть. Только не в эту пятницу, а в следующую, через неделю. После этого он сам обратит на тебя внимание, а дальнейшее от тебя зависит. Поняла?

— Да. Спасибо. А это поможет?

Рада Шандоровна хмыкнула:

— Поможет, поможет. А сейчас шуруй с Лейлой в приёмную, она тебе вопросыки задаст, всё запишет, а потом иди домой и жди. Судьба сама всё подскажет.

— Спасибо! А деньги когда и сколько? — всполошилась Алёна.

Рада Шандоровна усмехнулась:

— Будет свадьба — будут деньги. А теперь иди...

Дмитрий Тыквин ещё в школе получил кличку «Тыква».

Не совсем благозвучная фамилия досталась ему от отца. Когда пришло время получать паспорт, Дима захотел сменить её на мамину, но с сожалением и горечью узнал, что до замужества мама была Слизняковой, и такой поворот событий мог только ухудшить его положение. Тогда он принял, как ему показалось, соломоново решение и поставил дефис между словами. В новом, пахнущем клеем паспорте было напечатано: Дмитрий Тык-Вин. «Новая фамилия — новая жизнь», — подумал он и принялся изучать китайскую философию.

Пропитываясь теориями великих древнекитайских философов, он незаметно для себя начал по-другому относиться к жизни и выстраивать её с оглядкой на конфуцианство и даосизм. И хотя эти направления считаются полной противоположностью, он умудрился выудить из них то, что идеально легло на сердце.

В повседневной жизни Тыквин стремился к гармонии, а покоряя очередную финансовую вершину, всегда помнил, что если вдруг ему захочется управлять миром, то он обязательно проиграет и будет предан забвению.

Дмитрий быстро усвоил правила российского бизнеса: хочешь быть богатым — будь им, главное — не переусердствовать. Как только доходы вылезут за допустимые рамки и это заметят, дела начнут развиваться по знакомой схеме: в лучшем случае придётся бежать из страны, в худшем — загреметь на Колыму и лет десять шить там тапочки или валить лес. Но в любом из вариантов бизнес отождут. Поэтому Дмитрий Тык-Вин хотя и числился в миллионерах, но отнюдь не долларовых. Жил на широкую ногу, но и о людях не забывал. Раз в месяц обязательно жертвовал деньги на развитие культуры, науки, искусства,

и вскоре получил награду от губернатора, стал популярным и узнаваемым меценатом.

К сорока годам Дмитрий полностью созрел для создания семьи, но сделать последний шаг к счастью не давал страх. Ему казалось, что всем женщинам, с которыми он знакомился, нужны только его деньги, а другими чувствами тут и не пахнет.

Дмитрий тосковал. Он понимал, что переполнен любовью и если в ближайшее время не встретит человека, достойного этой любви, то просто взорвётся и выплеснет чувства на очередную смазливую охотницу за его богатством.

Чтобы избавиться от дурных мыслей, Дмитрий придумал для себя ритуал: раз в неделю, когда город лишь просыпается, а тихие улицы ещё не наполнились выхлопом моторов и гомоном прохожих, пить кофе, сидя в машине у дома, в котором прошло детство.

«Полноту Вселенной можно постичь только эмоциональным переживанием», — повторял он про себя строчку из китайской философии.

Ранним утром в пятницу Дмитрий сел за руль своей «Тойоты», заехал на заправку и заказал два американо. Слушая равномерное жужжание кофейного аппарата и стук первых капель кофе о дно картонного стакана, он решил, что сегодня наконец познакомится с милой женщиной в красном спортивном костюме, которая, пробегая по пятницам около машины, останавливается, смотрит на него, а потом убегает вдаль по тихой улочке.

«Два месяца я её вижу. Может, это судьба? Выйду, предложу кофе, — подумал он, и тут же спохватился: — А вдруг она чёрный не пьёт?» Дмитрий почесал затылок и сказал оператору:

— Дайте мне ещё стаканчик, но теперь капучино.

Он остановил машину около хрущёвки, заглушил двигатель и приоткрыл окно.

Тишину нарушил дворник — он шуршал изношенной метлой по асфальту, поднимая клубы пыли.

— Уважаемый! — крикнул Дмитрий.

Дворник пристроил метлу на плечо и подошёл к машине. Дмитрий протянул ему сторублёвую купюру и спросил:

— Не могли бы вы на полчаса прекратить работу? Так хочется в тишине посидеть! Тут с торца дома пекарня, там очень вкусные круассаны и чай. Позавтракайте!

Небритое лицо мужика растянулось в улыбке:

— Ну ты даёшь, мужик, курвасаны!

Он взял деньги и побежал в аптеку.

Бегунью в красном спортивном костюме Дмитрий увидел сразу, она двигалась навстречу машине не спеша, лениво, словно не проснувшись. Поравнявшись с капотом, она вдруг исчезла.

«Это ещё что за наваждение? — подумал Дмитрий. — На секунду моргнул, а её нет. Может, там люк открытый и она провалилась?»

Он хотел открыть дверь, но в это время из двора, пробуждая улицу разрывающим колонки блатным шансоном, вылетела грязная ревушая «восьмёрка». Не сбавляя скорость, она с размаху врезалась в задний бампер машины Тыквина. «Тойота» подпрыгнула и сдвинулась вперёд сантиметров на тридцать. «Восьмёрка», скрипя тормозами, развернулась и умчалась с улицы.

— Ничего не понял! — пробормотал Дмитрий и вышел из машины.

Расколотый задний бампер валялся на асфальте.

— А женщина где?! — воскликнул он и в два шага подскочил к капоту.

Алёна сидела на асфальте в метре от машины, держалась за локоть и плакала.

— Простите, ради бога! — сказал Дмитрий. — Я, честно, не хотел! Меня ударили, поэтому она и дёрнулась вперёд!

Алёна протянула руку.

— Помогите встать!

Она поднялась, сморщилась и схватилась за локоть.

Дмитрий подобрал на дороге маленький мешочек.

— Это ваше? — спросил он.

— Моё, — всхлипнула Алёна, взяла кiset и не раздумывая зашвырнула его в кусты.

— Это вы меня простите, сама виновата, — сказала она.

— Как вас зовут? — спросил Дмитрий.

— Алёна.

— А я Дима. Давайте я вас в больницу отвезу.

— Наверное, надо. Мне кажется, я руку сломала. Только у меня с собой ни паспорта, ни полиса.

— Какой паспорт? Я вас сейчас в самую лучшую отвезу! Там документы не нужны.

Дмитрий аккуратно обнял Алёну за плечи и повёл к двери. Он помог ей забраться на переднее сиденье и почувствовал на своём плече тяжёлую руку.

Дмитрий резко повернулся и увидел сотрудника полиции с жетоном ГИБДД.

— Старший лейтенант Васильев, — представился он. — Что здесь происходит? Я вижу ДТП с пострадавшими. Приготовьте,

пожалуйста, водительское удостоверение, документы на автомобиль и страховку. Будем оформлять наезд на пешехода. Думаю, вам грозит реальный срок.

Дмитрий посмотрел по сторонам, взглянул на часы и подумал: «Теперь я окончательно ничего не понимаю. Сумасшедшая „восьмёрка“ въезжает мне в зад и исчезает, неизвестно откуда появляется сотрудник полиции, без машины и напарника, и, что самое интересное, всё это происходит в шесть пятнадцать утра! Не иначе как судьба».

— Товарищ полицейский! — заплакала Алёна. — Что вы такое говорите? Какое ДТП? Какой срок? Я бежала и упала, а Дима мне помог. А сейчас нам надо в больницу. Отпустите нас, пожалуйста!

— Ладно, уговорили! — улыбнулся полицейский. — Только расписочку напишите, что претензий к водителю не имеете.

Дмитрий засунул бампер в багажник и завёл машину.

Через три дня Алёна с тортом пришла в брачное агентство. Увидев её, Рада Шандоровна встала из-за стола.

— Ой, моя красавица, что произошло?

— Закрытый перелом, — Алёна с трудом пошевелила левой рукой, затянутой в ярко-розовый бандаж.

— Как же так? — удивилась Лейла

— Я только собралась мешочек за номер машины засунуть, а тут какой-то лихач в неё врезался. Машина прыгнула на меня, и вот, — объяснила Алёна, указывая на гипс, и продолжила: — Но Дима меня сразу в больницу увёз. Там всё сделали и сказали, что до свадьбы заживёт. Так что не пригодился ваш приворот. Получилось, что нас познакомил несчастный случай, без

вашей помощи. Значит, судьба, но всё равно спасибо! Это вам тортик, поешьте с чаем.

— Ну не пригодился, и бог с ним. Тыквин-то как?

— Вы знаете, он такой классный, третий день от меня не уходит. Спасибо вам за заботу!

— Жаль, что не смогли тебе помочь, — улыбнулась Рада Шандоровна. — А за торт спасибо. Будь счастлива, детка!

— Пока! — сказала Лейла.

Когда Алёна ушла, женщины подошли к окну и, спрятавшись за штору, уставились на улицу. Они видели, как Алёна вышла из подъезда, как Дмитрий выбежал из машины усадил её на переднее сиденье и помог пристегнуть ремень безопасности...

— Слушай, Радужка, так вот про какой перелом карты говорили! А я-то про перелом в судьбе подумала, — засмеялась Лейла.

— Ох и получают они у меня — и Штефан, и Ханзи! Перестарались. Чуть не убили девуку!

— Не убили бы! Главное, поставить её по центру получилось, чтобы не под колесо. Здорово ты придумала номер на машине слегка открутить, чтобы мешочек сунуть!

— Всё равно мы рисковали, — сказала Рада Шандоровна. — А Милош в форме — ну прям как настоящий мент. Молодец, напугал девуку! Всё на себя взяла: «сама бежала, сама упала», и расписку ещё написала. Оценил, наверное, Тыквин её заботу.

— Ладно, Радужка, помогли и помогли. Пусть думает, что судьба.

— И то правда. Давай, подруга, торт есть. Иди ставь чайник.

— Сейчас пойду. Только ты скажи мне, Радужка, мы это всё за тортик сделали? Барыша не будет?

— Не будет! Прапрабабку я свою вспомнила, вот и пожалела девку. А денег мы с тобой ещё заработаем!

Рада Шандоровна указала пальцем на пухлые папки с анкетами женихов и невест.

Митинг

Известие о том, что в столице задумали провести очередной митинг, докатилось до деревни Боголюбово. Несмотря на звучное название, деревушка на сорок домов давно была позабывта не только богом, но и страной. Молодёжь разъехалась, бросив стариков, которым только то и оставалось, что работать на огороде да смотреть сериалы.

Бывшая школьная учительница, разменявшая седьмой десяток, Вера Степановна презрительно сморщила губы, выключила телевизор, села на диван и принялась за вязание.

«Надо ехать, — подумала она. — Сколько можно терпеть? Новости послушать, так прекрасно живём. А на самом деле — как? Осточертело! Поеду в город, заодно с ребятишками повидаюсь».

«Ребятишками» Вера Степановна называла своих детей, Светланку и Сергуню, давно живших в городе. О встрече с ними ей оставалось только мечтать.

Вера Степановна, как и многие учителя, всё время проводила в школе, а до своих детей руки не доходили. Муж умер рано, и ребята выросли как-то незаметно, сами по себе...

Света после школы поступила в медицинский и уехала из деревни. К Вере Степановне приезжала на каникулы, да и то —

чтобы помочь справиться с младшим братом, который, затаив на мать обиду, всё делал наперекор ей.

Сергей учился неплохо, получал заслуженные «четвёрки», но хорошим поведением не блистал. Постоянно колотил одноклассников, а возмужав и почувствовав налившуюся тело силу, взялся за ребят постарше. В деревне его побаивались даже взрослые мужики и, проходя мимо, не глядели в его сторону, чтобы не накликать беду. Даже ненароком оброненный взгляд мог озлобить Сергея, и он, словно науськанный дьяволом, бросался в драку. О чём бы ни просила мать, Сергей делал наоборот, не слушал её увещаний и жил сам по себе, мечтая поскорее уйти в армию. После службы в десантных войсках он остался в армейском спецназе по контракту. А потом началось: первая чеченская, вторая...

В перерывах между командировками закончил училище и получил звание лейтенанта.

К матери он по собственной воле не поехал бы, да сестра Светлана замучила упрёками и просьбами — вконец извела... Поехали вместе и прожили у Веры Степановны три недели. Сергей занимался ремонтом: поставил забор, перестелил крышу, Света помогала по хозяйству, отмывала избу, закатывала банки с соленьями.

Но разговора по душам с мамой не получилось.

— Чего ты так, Сергуня? — спросила Вера Степановна, промокая глаза. — Родные же мы. В кого ты такой? Я же тебе добра хочу!

Сергей насупился.

— Ты знаешь, мама, я столько жестокости в этой жизни повидал, что тебе меня не разжалобить, да и откровенничать нам

с тобой не о чем. Помочь, конечно, я тебе всегда готов, но приезжать не смогу, сама понимаешь — служба. Буду нужен — звони.

С тех пор минуло лет пятнадцать...

Много раз она звонила сыну: прижимала трубку к уху, вслушивалась в длинные гудки до тех пор, пока щелчок не прерывал безнадёжный механический стон телефона. Дозволилась лишь однажды, и он, как обещал, приехал. На один день приехал. Оставил денег и умчался в очередную командировку. Вера Степановна и разглядеть его толком не смогла. Углядела лишь майорскую звезду на погонах, блёклую седину висков, да глаза — уставшие, ввалившиеся...

Дочь за эти годы вышла замуж и родила двоих детей. Она уговаривала Веру Степановну перебраться жить к ней, но, зная её характер, делала это ненавязчиво, с опаской, что та может и согласиться...

Однако Вера Степановна переезжать не собиралась. И не только потому, что за всю жизнь она словно корнями приросла к родным местам. Она понимала, что профессия учителя не отпустит никогда и вряд ли найдётся сила, которая заставит её уйти с работы. Да и жить с зятем, совершенно чужим человеком, она бы не смогла.

Светлана приезжала к матери нечасто, в основном они разговаривали по телефону, но и это было большой редкостью. Сотовой связи в деревне не было, и чтобы воспользоваться мобильником, приходилось карабкаться на крутой холм за деревней. Летом Вера Степановна пару раз в неделю справлялась с этой проблемой, а зимой поговорить с дочерью не получалось.

«Это меня Бог наказал, — сокрушалась Вера Степановна. — Раньше они были без меня, теперь я без них!»

Вера Степановна отложила вязание, достала тетрадку с ручкой и села за стол составлять список того, что возьмёт с собой в столицу...

Света встречала маму на Ярославском вокзале.

Вера Степановна ухватила за поручень и осторожно спустилась с высокой подножки на платформу. Навстречу уже бежала Светлана. Встретившись, мать приподнялась на цыпочки и обхватила руками дочь за шею. Света обняла маму и крепко прижала к себе. «Какая же она у меня маленькая стала, хрупкая». Подумала, и сердце её наполнилось щемящей нежностью.

— Ой, Светланка, а вещи?! — всполошилась Вера Степановна, вытерла слёзы и оглянулась.

Из вагона вышли два подвыпивших дембеля-пограничника. Они вытащили на перрон её большой потёртый чемодан и дорожную сумку.

Один из парней улыбнулся во весь рот, сдвинул фуражку на затылок и спросил женщину:

— Ну что — дальше сами или помочь?

— Помогите, пожалуйста! Я думала, что сынок встретит, а вот только дочка пришла.

— Да не вопрос, бабуля! Доставим куда надо.

Дембель поправил наскоро пришитый в поезде аксельбант и подмигнул товарищу.

— Пошли, Витёк, — сказал он.

Солдаты взяли вещи и быстрым шагом двинулись к выходу с вокзала.

Женщины едва успевали за ними.

— Ты на машине, Светланка? — тяжело дыша, спросила Вера Степановна.

— Нет, — вздохнула дочь. — Продали. Сейчас поедem на метро, потом пересядем на автобус. Можно было бы на электричке, но там ремонт путей, и когда закончится — неизвестно.

— Может, на такси?

— Ты что, мам? Это же Москва! Здесь такие цены! У меня таких денег нет.

— Не переживай, я заплачу, — ответила Вера Степановна и крикнула дембелям: — Ребята, не бегите вы так! Пожалейте вы нас!

Молодые люди уложили вещи в багажник и взяли с таксиста честное слово, что тот поможет женщинам занести их в квартиру. Вера Степановна достала из сумочки шоколадку в помятой упаковке и протянула её парням.

— Спасибо вам, мальчики! Пусть всё у вас сбудется!

Парни козырнули и помахали вслед отъезжающему такси.

— Ты надолго, мама, приехала? — спросила Света. — Зачем тебе вещей столько?

— Это не мне, это вам мои заготовки, прошлогодние ещё. Всё закручиваю, закручиваю... Все полки в доме заняты.

— Зачем?

— Ну, Светланка, во-первых, это хоть какое-то занятие. А во-вторых, иногда подкидываю их Кузьмичу, когда он на рынок едет мясом торговать. Нет-нет, да и продаст банок пять, а я денежки в кубышку... Тем и живу. А к вам ненадолго. На митинг завтра схожу — и домой.

Света посмотрела на таксиста и, перехватив его взгляд в зеркале, наклонилась к маме и шепнула:

— Тише, тише! Про митинг дома поговорим.

— Хорошо, — ответила Вера Степановна. — Как Сергуня? Как Мишка твой? Девчонки?

Светлана сжала её локоть и опять шепнула:

— Мама, Миша в больнице лежит с инфарктом. Давай обо всём дома, а то зареву сейчас.

Вера Степановна кивнула, поджала губы и уставилась в окно. Всю дорогу они ехали молча.

Света жила в девятиэтажном доме в новом районе Москвы. Небольшая двухкомнатная квартира была плотно заставлена мебелью.

Вера Степановна огляделась. «А ещё звала к себе жить, — подумала она. — Как они тут вчетвером уживаются? Не протолкнуться. Не понимаю, зачем нужна эта Москва... Всё равно её не видит. Продали бы квартиру да купили большую поближе ко мне. Жизнь, конечно, тут лучше, но, наверное, дороже. Я только за такси почти пенсию отдала. Как жить-то с такими ценами?»

— Мама! — позвала Света. — Иди к нам. Кушать будем.

Вера Степановна с трудом втиснулась на узкую кухню и села за стол. Из эмалированной кастрюли Света накладывала в глубокие тарелки ароматно пахнущую картошку с тушённой. Мясо сильно разварилось и обтянуло картошку тонкими коричневыми нитями.

— Ты, Светланка, банку-то открой: там огурчики твои любимые, хрустящие да с чесночком!

Света выложила пупырчатые огурцы с налипшими на них

листьями смородины и мелко нарезанными кусочками чеснока. Вдохнула запах и зажмурилась от удовольствия.

— Под такую закуску и выпить не грех, — улыбнулась она, достала из холодильника початую бутылку водки и две рюмки из навесного шкафчика.

— Как Сергуня? — осторожно спросила Вера Степановна.

Света положила вилку, вытерла руки о передник и сказала негромко:

— Плохо, мама. У нас у всех всё плохо.

— Ну не томи... — Вера Степановна затеребила подбородок.

— Приезжал он на прошлой неделе, часа три проговорили. Волнуется очень, ночами не спит, говорит, что продал душу дьяволу, когда в ОМОН перешёл.

— В ОМОН?..

— Да, мама, он там начальник большой. Полковника получил.

— Так что в этом плохого? — удивилась Вера Степановна.

— Так не по душе это ему! Раньше настоящих бандитов ловили да в горячие точки ездили, а теперь приходится митинги разгонять, с безоружными людьми воевать, теми, кто против власти идёт. «Иуда, — говорит, — я! Продался за тридцать сребреников и пошёл против своего народа! Нам, — говорит, — рты зарплатами заткнули, мы и молчим!..»

— Бедненький мой! — Вера Степановна всплеснула руками. — А что, уйти нельзя?

— Можно, говорит, но боится без работы остаться. Куда он сейчас устроиться сможет? Охранником в магазин?.. Он ведь только и умеет, что воевать! Многие его бойцы тоже понимают, что происходит. И тоже молчат, и мучаются... Серёжка никому

не доверяет. Рассказал, что майор у них один выступил против, так на следующий день исчез, хотя все свои рядом были. Я ему сказала, что ты на митинг собралась, он аж в лице изменился. Просил запереть тебя дома, чтобы не вздумала ходить. Всякое может быть: хватают всех, кто под руку попадёт — и молодёжь, и стариков... Серёжка там главным будет по охране порядка. Может, не пойдёшь?..

— Пойду, — ответила Вера Степановна. — Налей-ка нам по половинке!

Света наполнила рюмки. Они выпили, закусили огурчиками.

— Давай картошку разогрею, остыла за разговорами, — предложила Света.

— Не надо, и так нормально.

Вера Степановна подцепила вилкой крошечный кусочек тушёнки, показала его дочери и спросила:

— Что, Светланка, совсем плохо живётся?

Дочка глубоко вздохнула и расплакалась.

— Ой, мамочка, не знаю, что дальше будет! Мишка в последнее время сильно переживал. Новый ректор у него в университет пришёл, и началось: оптимизация, сокращение... Работы прибавилось, и вроде зарплату подняли. Но поднять подняли, а надбавки срезали. Он домой пришёл, злой-презлой, рюмку выпил — и за сердце схватился!.. «Скорую» вызвали — инфаркт. Я его к себе в больницу устроила. В другой бы не откачали. Лекарств не хватает, оборудование на ладан дышит... Я то там подсучусь, то тут... Где лекарства у старшей медсестры выпрошу, где об обследовании договорюсь...

— Так в новостях говорят, что в московских больницах всё в порядке?..

— Мама! Ты ещё веришь новостям? В центре, может быть, и порядок, а мы как были периферией, так и остались. Девчонки с нами не живут. Кавалеров заимели! Да только непутёвых. Работать толком не работают, а жрать-то надо, и жильё снимать надо. Вот я и кручусь, как могу, чтобы им помогать. С работы не вылезаю! Денег не хватает... Машину вот продали... Беда, короче.

Вера Степановна поднялась, подошла к дочери сзади и положила руки на плечи.

— Так бороться надо, Светлана!

— Как? С кем?!..

— Пошли завтра со мной на митинг.

— Мама, ты такая наивная? Что толку! Пойдём, поорём, и что? Потом Серёжка даст приказ своим, и начнут нам руки крутить... И поедем мы с тобой в полицию объяснения давать! А если на работу сообщат — так уволят сразу. И куда я потом?

— Куда?... Продадите квартиру, и к нам, в областной центр. У нас, конечно, зарплаты не такие, но жить попроще. Да и до меня сорок километров. Приезжать будете. Голодными не останемся. И Сергуню заберём. У нас митингов нет. Пойдём завтра?

— Не знаю, мам. Потом решим. Давай всё-таки картошечку подогрею. — Дочь поднялась, взяла тарелку и засунула её в микроволновку.

Полночи Светлана не спала.

Мамины слова хотя и посеяли сомнения, но в то же время показали выход на самый крайний случай.

«Ну и схожу на митинг, — подумала она. — И что?! Я же не против страны и президента. Я против тех, кто его обманывает.

Он же не может сам всё знать. А эти негодяи втёрлись к нему в доверие и врут. А он им верит. Сталин тоже доверял Берии, когда тот говорил, что кругом враги, и верил. И наш верит. Он же не может в каждую дыру влезать. Я же смотрела прямую линию: пожаловался человек Президенту на проблему, и её сразу решили! Настоящий мужик, правильный. Все врут ему, а сами боятся: вдруг он правду узнает, что люди плохо живут? Тогда им всем конец. Пойду завтра с мамой, обязательно пойду!..»

На площади собралась толпа. Народ гудел, как растревоженный пчелиный рой. Над высокой, наспех сооружённой трибуной развевались флаги России. Один за другим на неё поднимались люди и надрывно, в микрофон, призывали всех идти к Дому правительства. Ветер разносил их голоса, которые, растворяясь в воздухе, доносились до слушателей обрывистым эхом...

Вера Степановна и Светлана почти ничего не слышали, но, поддавшись общей нервозности, кричали вместе со всеми. Через полчаса митинг закончился, толпа заволновалась и двинулась по широкой пустынной улице. Стоявшие с краю Вера Степановна с дочерью оказались в первом ряду. Перед ними встали организаторы митинга и повели людей к Дому правительства.

Вера Степановна заметила, как из проулков выползают серые КАМАЗы — автозаки, вслед за ними автобусы с тонированными чернотой окнами.

Машины притормозили на обочине. Автобусы остановились и перекрыли улицу. Из них выпрыгнули омоновцы и ментально, словно горошины, рассыпались по дороге, выстраиваясь в шеренгу. Бойцы в полном обмундировании встали плечом к плечу, опустили забрала шлемов и прикрылись алюминиевыми щитами.

За первым рядом расположилось пять групп захвата, готовые в момент вырваться вперёд и скрутить любого оказавшего сопротивление. За ними, на расстоянии метров десяти, выстроились ещё два ряда бойцов.

Толпа в замешательстве остановилась.

Из рупора, установленного на одном из автобусов, раздался голос:

— Граждане, прошу разойтись! Вы нарушаете общественный порядок! Прошу разойтись!

Один из активистов рванул вперёд и закричал:

— Гады! Ненавижу!

Шеренга тут же расступилась, давая проход группе захвата. Бойцы подбежали, мгновенно скрутили орущего и утащили в автозак. Шеренга вновь сомкнулась.

Толпа загудела, но продолжала оставаться на месте.

Веру Степановну затрясло. «Как занавес в театре, — подумала она. — Открылся — закрылся».

— Мама, мама, — Светлана дёрнула её за руку. — Смотри, Серёжка!

— Вижу я! — нервно ответила Вера Степановна.

Вдоль шеренги, словно принимая парад, шёл Сергей. Высокий, широкоплечий, в сером камуфляже. Лучи солнца поблёскивали на кокарде крапового берета и звёздах погон.

— Сергуня! — закричала Вера Степановна.

Голос её сорвался на стон.

Полковник оглянулся и подошёл к ней.

— Мама! — прошептал он. — Мама! Света, я же просил!

Вера Степановна сквозь слёзы посмотрела на него и взяла его за руки:

— Сергуня, я прошу тебя! Не надо... Никогда ни о чём больше не попрошу! Пожалуйста, сделай, как я говорю. Не надо. Ты не такой, прошу. Умоляю, Сергуня! Умоляю! — не выпуская рук сына, Вера Степановна опустила на колени.

Сергей вздрогнул, поднял мать и, не разжимая зубы, процедил:

— Я сейчас.

— Отставить! — скомандовал он шеренге и побежал к автобусу с громкоговорителем. Крутанул ручку громкости так, что улицу прорезал резкий визг микрофона.

— Внимание! — прогремел голос Сергея. — Подразделение, стой! Отставить выполнение задачи!

Голос его на секунду задрожал, но он продолжил:

— Братишки! Говорит полковник Добролюбов... Братишки, что мы творим?! Против кого идём? Тут мои мать и сестра. Тут могут быть ваши родители, дети, друзья!.. Мы вместе через многое прошли. Ради памяти о наших братьях, которых мы отправляли домой «двухсотым»... Подумайте! Мы — солдаты России и должны защищать свой народ!..

Рация на портупее зашипела:

— Ты что творишь, полковник! Вообще охренел?! Да я тебя, тварь, сгною!.. Отставить самостоятельность! Выполнять приказ!.. Полковник, остановись, пока не поздно! Выполнять приказ!

— Да пошёл ты!.. — ответил Сергей, отцепил рацию и швырнул её на пол.

Он снова наклонился к микрофону.

— Подразделение, слушай приказ! Кругом! Технику развернуть. Обеспечить безопасность мирного населения!..

Сергей выдохнул, выпрыгнул из автобуса и подошёл к ликующей толпе. Он встал между мамой и сестрой, взял их за руки и облегчённо улыбнулся.

Народ в сопровождении ОМОНа двинулся к Краснопресненской набережной.

Урюк

Валера стоял у подъезда, кричал и грозил кулаком небу. Три старушки, сидевшие на скамейке, слушали его и утвердительно кивали.

— Как так? Меня, исконно русского человека, выгнали с работы, а этого урюка приняли! Куда президент смотрит? А? Скажите мне, куда? Скоро нас, настоящих русских, в России-матушке не останется! Когда жида в свой Израиль начали сваливать, я уж обрадовался: заживёт теперь русский народ по-человечески, так нет! Эти к нам повалили — черножопые да узкоглазые. Везде устраиваются за копейки, а нам, коренным россиянам, работать негде. Вот только и остаётся, что горькую пить.

Валера харкнул на асфальт и, громко шаркая, растёр плевок пыльным стоптанным ботинком.

— Что, бабульки, разве я плохо двор убирал? А? Скажите? Плохо?

— Да вроде, Валерочка, нормально, — заискивающе ответила одна, прижав к груди выдавшую виды сумочку. — Зимой только иногда снега у подъезда много было. Так ты-то не виноват — что делать, если он валит и валит...

— Снег, — хмыкнул Валера. — Посмотрим ещё, как урюк его убирать будет. Он, небось, снега-то и в жизни не видел. У них, на Востоке, его не бывает. Ладно, пошёл я!

Валера сунул руку в карман, wygrеб смятые купюры, разгладил на ладони и дважды пересчитал. Похлопал себя по полам пиджака, но звона завалявшейся мелочи не услышал. Взгляд его и вовсе помрачнел.

— Так, бабульки! Займите мне двадцать рублей, — сказал он. — Не хватает на лекарство. Я потом отдам, с получки!

Взяв деньги, мужчина поплёлся в магазин.

— Жди теперь, отдаст, как же! — жалобно пробормотала старушка, глядя в спину удаляющегося соседа. — Лодырь и алкаш! Хорошо, что его уволили. Может, теперь во дворе порядок будет.

Юсупу часто снился один и тот же сон, возвращающий в прошлое, которое не отпускало вот уже двадцать лет.

...Ранней весной он, мальчишка лет пяти, сидит на покрывале, расстеленном на свежей траве во дворе двухэтажного бабушкиного дома. Через открытую калитку заходит соседский щенок саги чупони*. Неуклюже переваливаясь на толстых лапах, он, твякая, упирается Юсупу в ладони влажным носом и смешно фыркает. Мальчик зажмуривается, гладит его. Щенок повизгивает и машет хвостом. В калитку заскакивает большая собака. Её мокрый язык вывалился из пасти, а обвислое розовое брюхо с торчащими сосками болтается из стороны в сторону. Сука прыгает, вгрызается в плечо Юсупу и оттаскивает его

* Щенок приотарной собаки Таджикистана.

от щенка. Затем, не разжимая пасти, крутит головой, таскает истошно кричащего мальчишку по траве...

Из дома выбегает отец, оглядывается по сторонам, хватается штакетину, лежащую у забора. Мужчина ударяет ею о край бочки с талой водой — палка с треском переламывается. С острым обломком наперевес отец кидается к псине и втыкает его в собачий бок. Собака ослабляет хватку, взвизгивает и отпрыгивает в сторону. Отец ударяет её ещё и ещё раз. Псина, истекая кровью, пытается подняться, но у неё уже нет сил...

На этом страшный сон прерывался. Юсуп открывал глаза и чувствовал, как тело медленно покрывается каплями пота, вызывая мурашки и сильный озноб. После того случая, в детстве, у него при виде даже маленькой собаки руки начинали трястись, ноги наливались свинцом, и он замирал столбом.

Два года назад Юсуп перебрался в Россию.

Родственники, приехавшие раньше, помогли устроиться на овощной рынок грузчиком: платят неплохо, жильё недорогое, прямо на территории. Денег хватало и на жизнь, и родителям отправить. Да и овощи, фрукты всегда под рукой. Можно из ящика зацепить украдкой, в карман сунуть, глядишь — и спать ложиться не на голодный желудок. Всё было бы неплохо, но три больших кобеля, охранявшие территорию, словно чувствовали страх Юсупа и реагировали на его появление зычным лаем. Они рвались к нему, а Юсуп замирал и боялся пошелохнуться: казалось, что натянутые звенья цепей не выдержат, собаки сорвутся и разорвут его на куски. С рынка пришлось уйти. Начальству не нравилось, что во время аврала при разгрузке

фур грузчик застывал на месте с полной телегой и тормозил работу. Ни крики, ни угрозы лишить его премии не помогали.

И опять выручили родственники. От них Юсуп узнал, что в жилой комплекс «Меридиан» нужен дворник.

Валера стоял на балконе и курил. Он увидел Юсупа, подметавшего тротуар, швырнул окурок в его сторону, схватил объёмный пакет с мусором и выбежал на улицу.

— Эй, урюк! — крикнул он. — Стой!

— Здравствуйте, — добродушно улыбнулся Юсуп.

— Здоровей видали! — огрызнулся Валера. — Ты чего в Россию припёрся?

Юсуп нахмурился и отошёл.

— Стой, я тебе говорю! — Валера схватил дворника за рукав. — Плохо метёшь.

— Почему плохо?

— А потому, — заржал Валера и высыпал мусор из пакета на асфальт. — Видишь, урюк, сколько грязи оставил!

Он скомкал пакет и кинул его в Юсупа.

— Теперь понятно?

Юсуп стиснул зубы и сжал черенок метлы.

— Плохой ты человек, — процедил он. — Злой.

— А с чего мне добрым быть? Понаехали, твари, а нам работы не хватает. Вали отсюда в свой Таджикистан! Тебя там ишак заждались. Россия для русских!

Юсуп сделал шаг назад, покрутил пальцем у виска, отвернулся и молча продолжил работу.

— Ах так?! Ну, ты у меня попляшешь! — прошипел Валера. — Посмотрим, кто кого!

На следующее утро Юсуп вышел во двор и ужаснулся: четыре мусорных контейнера валялись на боку. Содержимое из них вывалилось. Мелкие бумаги и полиэтиленовые пакеты разлетелись по двору. Подхваченные лёгким вихрем, они парили в воздухе и разносились всё дальше и дальше, цепляясь за забор и деревья.

Дворник сел на скамейку возле подъезда и обхватил голову руками.

— Ну что, урюк, призадумался?

Юсуп поднял глаза. Перед ним стоял Валера, ехидно улыбался и курил, выдыхая дым в лицо Юсупа.

— Видишь, урюк, как стихия ночью бушевала? А стихия — это я! И так будет всегда, пока ты не свалишь отсюда или не сдохнешь. Понял? — Накопив слюны, смачно плюнул на асфальт и сказал: — И не забудь это убрать. Приду — проверю!

Валера захохотал и пошёл к своему подъезду.

Юсуп поджал губы. Он расставил контейнеры на места и принялся собирать мусор.

С тех пор раз или два в неделю Валера опрокидывал баки. Он палкой раскидывал мусор, прокалывал пакеты с отходами, в надежде, что бездомные собаки, учуяв запах еды, будут растаскивать её по всему двору.

Юсуп молчаливо, едва сдерживая слёзы, раз за разом наводил порядок. Ему хотелось бросить всё и уехать домой, но, вспоминая бедность Таджикистана, он вновь закусывал губу и продолжал работать.

Жаловаться начальству он боялся — вдруг уволят. Кто тогда будет помогать отцу с матерью? У братьев и сестёр семьи, дети. Сами с трудом карабкаются, чтобы выжить. Родители могут надеяться только на него, на младшего.

Ночами он долго не мог заснуть, болело всё: руки, ноги, спина... Он и так убирал пять дворов в жилом комплексе, а тут ещё эти баки! Да и мысли не давали ему спать: мучили и злили. Юсуп вспоминал слова улема*, который говорил, что нельзя даже в помыслах своих желать смерти ближнему. Но как не желать смерти этому русскому, который издевается и унижает?!

Ненависть побеждала веру с каждым днём. «Будь ты проклят, злой человек — молил Юсуп. — Чтоб шайтан забрал тебя, паршивый шакал!»

Лето походило к концу. Деревья осыпались листвою, покрывая дворы. Работы прибавилось. Юсуп встал ни свет ни заря, чтобы всё успеть.

Однажды он вышел во двор, закинув метлу на плечо, и замер: у перевёрнутых баков хозяйничала стая из четырёх бродячих собак. Три небольших мохнатых пса с грязно-рыжей потрёпанной шерстью и здоровенная белая сучка со шрамами от уличных боёв на тощих боках. Она придерживала когтями пакет, пытаясь разорвать его зубами. Рядом с ней стоял рядом пьяный Валера и улыбался.

Увидев Юсупа, крикнул:

— Вот, урюк, помощники у меня появились! Сейчас кулёчки по двору растащат, и ты пахоть начнёшь. А я выйду на балкон и буду следить за тобой, чтобы всё до остаточка убрал. Сверху-то виднее. Да, моя хорошая? — спросил он и наклонился к собаке.

Сучка вздрогнула и цапнула его за рукав.

Валера вскрикнул.

* Официальный мусульманский духовный деятель.

Собака присела, стремглав бросилась вперёд, вцепилась ему в ногу и рванула в сторону. Мужчина не удержался и рухнул. Стая бросились на него. Но рвала его только одна. Те, что поменьше, тоже пытались куснуть. Сучка рычала, отпугивая их, словно это была только её добыча.

— Так тебе и надо! — прошептал Юсуп.

И в это мгновение почувствовал, что оцепенение прошло. Он нахмурился, быстро наступил на торчащие вицы метлы и прижал их к асфальту. Резко выдернул острый черенок и кинулся к бакам. Рыжие собаки, увидев его, отскочили и яростно залаяли. Сучка, не обращая внимания, пыталась зацепить горло Валеры окровавленными зубами. Дворник размахнулся и с силой вонзил черенок ей в спину, выдернул его и снова ударил. Собака вздрогнула несколько раз и затихла. Юсуп достал телефон и вызвал скорую помощь.

Прошёл месяц.

Юсуп ссыпал песок в плотный, прошитый суровыми нитками мешок.

— Здравствуй, Юсуп, — услышал он и оглянулся.

За спиной стоял Валера.

— Вот, выписали меня.

Юсуп пожал плечами и улыбнулся.

— Ты, это... Прости меня, брат, не прав я был... — Валера потупил глаза. — Давай, я тебе помогу.

Он взял из рук дворника мешок, встряхнул его и сказал:

— Сыпь давай, я держу...

Больше страшный сон не снился Юсупу никогда.

Домушник

Больше всего в жизни Коля Штырёв обожал вскрывать замки. Любые.

Эта жгучая любовь к механическим дверным запорам пердалась ему от отца, известного в определённых кругах домушника Штыря. Папаша души не чаял в отпрыске, и в перерывах между отсидками готовил сына к грандиозному будущему в уголовном мире. Разобрав до последнего винтика очередной замок, он раскладывал его на белой, со следами машинного масла тряпке и, нежно поглаживая Колю по голове огромной, синей от татуировок рукой, приговаривал: «Запомни, малой! Замок — он как женщина: его запаadlo на скачок фомкой брать. Тут подход нужен и нежность».

Сравнение замка с женщиной разогревало мальчишечью фантазию, и Коля с интересом наблюдал, как отец, ловко управляя отмычкой, сдвигает придавленные пружиной цилиндрики, и язычок замка без сопротивления уходит в сторону.

— Вот и всё, замок открыт. Тренируйся на нашей двери, малой. Тяжело в учении, легко в бою! Почую, что готов — возьму на настоящее дело. Зуб даю...

Штырь слово не сдержал, потому что в очередной раз сел. Коле очень хотелось практики, а без поддержки отца рискнуть и открыть чужую дверь он боялся. Но страх пришлось преодолеть — в школе намечалось родительское собрание, а расстраивать бабушку двойками в журнале Коля не планировал.

Рано утром до занятий он пришёл в школу, отцовскими отмычками с лёгкостью вскрыл дверь в учительской, сунул

классный журнал за пояс, прикрыл толстовкой и вышел, улыбнувшись вахтёрше. Потом стоял в ближайшем от школы дворе и с остервенением вырывал исписанные оценками листы. Поджигал их и бросал в мусорный бак.

Сердечко радостно подпрыгивало, по лицу бродила блаженная улыбка. «Получилось! — думал он. — У меня получилось! Я его открыл!» Коля поправил ранец и побежал в школу.

Огонь не спеша пожирал содержимое баков, и вскоре весь двор окутал вонючий чёрный дым.

С того дня Коля приходил в школу раньше всех. Он бродил по коридорам, крадучись, словно кот, подбирающийся к мыши, чтобы не наделать шума, ведь каждый неосторожный шаг разносился по сонному зданию громовым эхом.

— Тихо, мой дорогой, — нащёптывал он очередному замку, просовывая отмычку. — Я же тихонечко. Не волнуйся, всё будет хорошо.

И замок прислушивался, поддавался и гостеприимно распахивал дверь.

Если к окончанию девятого класса друзья взахлёб хвастались успехами — кто в спорте, кто в учёбе, — то Коле о своих достижениях приходилось молчать. Не мог же он в открытую заявить, что в школе осталась только одна дверь, которую он не пытался открыть с помощью отмычек. Это была окрашенная чёрной краской металлическая дверь на складе в столовой. Вместо обычной скважины для ключа в ней были высверлены две дыры, скрывающие в глубине потайные замки. Но желание открыть дверь победило ноющий страх.

Коля вооружился инструментом и налобным фонариком. После занятий спрятался в раздевалке спортивного зала. Он

дождался, когда телевизор монотонным бормотанием усыпил сторожа, и пробрался в столовую. Мастерски вскрыл подсобку и остановился перед заветной дверью.

Коля нацепил на лоб фонарь и включил его. В мерцании светодиодной лампы показалось, что дверь дрожит. Коля сделал шаг вперёд, провёл ладонью по холодному металлу и прошептал:

— Не волнуйся, я и сам волнуюсь. Всё будет хорошо.

Он без суеты орудовал отмычками: просунул первую, крючковатую, и отжал цилиндр, просунул вторую, прямую, тонюсенькую, и подцепил штифт. Мелкие детали замка послушно отходили в стороны, с лёгкими щелчками пропуская отмычки вперёд. Коля вытер пот и дёрнул за ручку. Дверь жалобно скрипнула и открылась. Заходить на склад он не стал: выключил фонарь и обессилено опустился на пол.

О том, что на складе была установлена сигнализация, Коля даже не подумал. Прибывшая через шесть минут группа быстрого реагирования скрутила его и увезла в участок. Дело возбуждать не стали, но провели суровую беседу и поставили на учёт.

Слух о приключении сына дошёл до отбывавшего срок Штыря. Захлёбываясь эмоциями, папаша переправил сыну маляву с весточкой о том, что он в восторге от его поступка и желает продолжать в том же духе, но постараться больше не сгорать на деле. Ещё он сообщил, где заныкал набор новых отмычек из высокопрочной стали, стыренной на оборонном заводе.

После школы Коля полгода отработал на заводе и ушёл в армию. Отслужив, он вернулся домой, где его встретил отсидевший на зоне свой срок отец.

— Чё же ты наделал, малой? — спросил он.

— Что? — удивился Коля.

— Я же тебе не такое будущее уготовил. Думал, вместе работать будем, с людьми правильными хотел свести, а там, глядишь, через какое-то время, может, короновали бы тебя. А ты чё? Поперёк закона пошёл, малой, все воровские понятия нарушил: на заводе работал, в армии служил. Это ж как отмыться перед братвой придётся? Думаю, что путь на вершину преступного мира для тебя закрыт надолго. Будешь, как я, по жизни обычным бродягой.

— Я хочу, папа, в МЧС устроиться.

— Куда?! — рявкнул Штырь. — МЧС? Это та же мусарня! Семью хочешь опозорить?

— А что плохого? Я же воровать не люблю. Мне главное, чтобы замочек был с заковыркой да с секретом. А воровать, батя, это не по мне. Не хочу всю жизнь на каторге провести, как ты.

Штырь после этого неприятного разговора крепко запил. Пил месяца три, а потом умер. Следом за ним ушла и бабушка. Коля остался один.

После долгих проверок в МЧС его не взяли, и причину объяснять не стали: возможно, всплыла давняя история с постановкой на учёт за вскрытую дверь склада, а может, и криминальная жизнь отца преградила Коле дорогу. Ему уже было не важно. Он вышел из проходного управления по чрезвычайным ситуациям и зло плюнул. Громко шаркнул ногой по асфальту, растёр плевок, зыркнул по сторонам и сказал:

— Ну что, батя, твоя взяла, ты победил! Не хотят меня в друзья, получают во враги!

Он перешёл дорогу и запрыгнул в подошедший троллейбус.

Коля вышел на остановке у магазина. Взял бутылку водки, пару пластиковых стаканов, пакет с чипсами и отправился на квартиру, в которой собиралась приبلатнённая шушера, потрещать о делах насущных. Ему срочно нужно было найти Сеньку-Хомяка.

Отец много рассказывал об этом человеке и рекомендовал в помощники.

Сенька получил кликуху Хомяк за пристрастие к карамелькам, которые он постоянно посасывал, перекатывая во рту, закладывая то за одну щёку, то за другую. А когда от удовольствия он вытягивал губы, то напоминал хомячка, пополняющего зимние запасы.

Квартира, где собирались блатные, находилась на окраине города, в чудом избежавших сноса старых двухэтажных бараках. Казалось, что этого места не коснулась цивилизация: четыре обветшавших дома зияли дырами отвалившейся штукатурки и окружали большой двор. Между проржавевшими турниками на натянутых верёвках сушилось впитавшее пыль бельё, останки детской площадки угрожающе торчали облезлыми трубами. Длинный стол и скамейки облепили пьяные мужики: одни резались в карты, другие наблюдали, громко хохотали, громогласным матом комментируя игру.

Хомяка Коля узнал сразу. Тот стоял чуть в стороне от толпы, держал открытую бутылку пива и успевал одновременно следить за игрой и отслеживать происходящее вокруг. Его колючий взгляд зацепился за Колю. Хомяк огляделся, отхлебнул пива, поставил бутылку на стол и подошёл к Коле.

— Чё хотел, братан? — спросил он, запихивая руки в карманы. — Потерял что или ищешь кого?

— Тебя ищу. Ты же Сенька-Хомяк?

— Допустим. А ты какого роду-племени будешь? — поинтересовался Сенька, закидывая в рот конфету.

— Я Коля, сын Штыря.

— То-то, я смотрю, рожа знакомая... — Хомяк почесал затылок. — Срисовал я тебя на кладбище, когда предка твоего провожали. Короче, чё хотел?

— Работать со мной будешь?

— Батя твой перед смертью просил братву приглядывать за тобой и помогать, если что. Но поговаривают, что ты соскочил с темы и в мусора подался. Это так?

— Ты, Хомяк, на пустом базаре уши не грей. Вот я перед тобой стою, без клифта серого, обычный бродяга. Будешь работать?

— Чё надо-то?

— Хату бы пожирнее. Батя ремесло передал, вскрыю легко. Ты барыгам барахло скинешь, а барыш пополам...

— Ладно базаришь, — улыбнулся Хомяк. — Валим отсюда! Потрешим по делу. Пошли?

— Пошли, — кивнул Коля.

— О, погоди! — спохватился Хомяк.

Вернулся к столу, залпом допил пиво и швырнул бутылку в кусты осыпающейся сирени.

Они устроились на скамейке в аллее на ближайшей улице.

— Ну, давай за знакомство! — сказал Коля, и вытащил из шуршащего чёрного пакета водку, стаканы и чипсы.

Первую квартиру Хомяк «подогнал» через месяц.

— Так, Колян, — тараторил он, перекатывая во рту карамель. — Хата верная, упакована на сто процентов. Сигналки нет, два замка. Третий этаж, лифт есть, на площадке две двери. Дом на выходные вымирает, все на дачах. Даже машин во дворе не остаётся. Домофон я обрежу, подъезд будет открыт. Лучше днём в субботу. Я, когда ночью хату пас, то думал, что оглох — такая тишина, а чихнул — как выстрелил, чуть сам от страха не обделался. Так что только днём.

Коля медленно поднимался по вышарканным ступеням на третий этаж. По спине потянулись тонкие, холодные струйки пота. Чем ближе он подбирался к квартире, тем сильнее неме-ли руки, а ноги наполнялись тяжестью. Пустая чёрная сумка, переброшенная через плечо, казалась непосильной ношей.

«Возомнил себя домушником, — подумал он, остановившись у железной двери. — Я ведь, кроме школьного журнала, никогда ничего не брал. Для меня главное — открыть замок, и это весь мой интерес. Обнести квартиру — это совсем другая тема. Да ладно, решил — надо делать. Бог не выдаст, свинья не съест».

Коля несколько раз провёл взмокшими ладонями по бёдрам, потёр руки, словно отогревая их от мороза, надел резиновые перчатки и три раза плюнул через левое плечо. Огляделся, достал отмычки и, прислушиваясь к каждому шороху, аккуратно просунул их в замочную скважину. Через несколько минут, показавшихся ему вечностью, дверь открылась. Он зашёл в квартиру и ахнул: иконы и картины на стенах, на полочках фарфоровые и бронзовые статуэтки, чайнички, чашечки, блюдечки и разные мелкие поделки.

«А что брать-то? — задумался Коля. — Я же в этом ничего не понимаю. Наберу баракла, и куда его потом?»

Он прошёлся по комнатам. В спальне стоял старинный комод из резного морёного дуба. Коля выдвинул ящик, приподнял бельё и увидел пластиковую коробку. Быстро открыл её и снова ахнул: коробка до краёв была набита золотыми украшениями. «Всё! Беру и ухожу», — решил Коля, сунул добычу в сумку, вышел из квартиры и тихо притворил дверь.

Сенька-Хомяк ждал Колю в условленном месте.

— И это всё? — удивился он, заглянув в коробку. — А мне цинканули, что хата набита старинными досками и другим барахлом.

— Там полно всего, — опустил глаза ответил Коля. — Но я же не понимаю в этом ничего.

— Да-а-а, — глубокомысленно произнёс Хомяк, шелестя фантиком. — Полный облом вышел.

— Как облом? Тут золота килограмма на полтора!

— «Рыжья», конечно, много. Факт. Но барыга цену скинет — раз, на общак надобно закинуть — два... И что нам останется? Шиш да маленько. Так что, считай, облом. Ладно, отчалил я. Бабки как получу — сразу весточку зашлю. Будь!

Деньги Хомяк принёс через три дня.

— Держи доляху, бродяга, — радостно сказал он, посасывая карамельку. — Ты был прав. Нормально сработали. Жди новой темы. Аривидерчи!*

Коля пересчитал деньги и присвистнул: «Так это моя зарплата на заводе за полгода! Десять минут страха — и жизнь в

* «До свидания!» по-итальянски.

шоколаде. Может, прав был батя? Хотя на ийти зону за такой сармак* неохота. Да и вообще — не моё это всё. Надо что-то своё замутить, чтобы без криминала... Козлы! Взяли бы в МЧС — и им польза, и мне по кайфу. Эх, батя, лучше бы ты меня чему другому научил! Я же без этих чёртовых замков жить не могу...»

Хомяк появился через месяц.

— Слушай, Колян, тут очень интересная тема нарисовалась, но какая-то мутная...

— Говори, не тяни!

— Короче: засёк я одного фраера. Непростой. Прикинут шикарно, болт на пальце огромный, цепура грамм на триста.

— И чё?

— Да ничё! А баул у него — как у бомжа вокзального! Покоцанный. Не бывает так! У таких фраеров сидоры обычно классные, а этот — с баулом... Нестыковочка получается.

— Ну. Дальше что? — спросил Коля.

— Пасти его начал. Так, для интереса. Короче, я узнал: хату он месяца четыре уже снимает на Старом бульваре. Утром выходит с баулом, садится в тачку и уезжает. Вечером возвращается с тем же баулом. И так два раза в неделю во вторник и пятницу. В другие дни бродит по антикварным лавкам и скупкам. Вечерами в кабаке зависает, но сильно не бухает. Я его уже месяц пасу. Ничего не понимаю: какой смысл тяжёлый баул туда-сюда тягать?

— Хомяк! Я не врубаюсь. В чём подвох?

— Колян, и я про то же. Барыжит он чем-то, сто пудов. Товар увозит — бабки привозит. Понял?

* На воровском жаргоне — кошелёк с деньгами.

— Нет, — признался Коля.

Раздосадованный Хомяк нервно развернул конфету.

— Ты вообще дятел? Если я прав, то в хате или товар, или бабки. Одно из двух, третьего не дано. Усёк?

— Усёк. Забавно ты накрутил. Может, и прав.

— Надо хату обнести. Баул-то там, когда фраера нет. В любом случае в куражах будем: либо барахло, либо бабло. Бабло, конечно, лучше, но — как уж бог даст... Я уже всё проверил: дом беспонтовый, пятый этаж, а дверь в хату такая страшная, что от неё бежать хочется, а не открывать. Ну что? Выставим хату?

— Да легко! — хмыкнул Коля. — Только тачку надо, не попрусь я с торбой по городу. Готовь почву.

— Решено. Тачка будет, — ответил Хомяк и закинул конфету в рот.

Коля уверенно поднялся на пятый этаж и встал перед изгаженной граффити дверью. Надел перчатки, по-хозяйски достал отмычки и принялся колдовать над замком. Дверь сдалась не сразу. Казалось, что она не хотела слышать Колины заклинания. Наконец, не выдержав натиска, замок звонко щёлкнул и открылся. Коля зашёл в квартиру и огляделся.

От убогости обстановки и спёртого запаха его передёрнуло. Выцветшие обои, облезлый пол и одинокая лампочка без абажура под потолком. Обстановка была не из лучших: расправленный, заваленный подушками и одеялами диван, стул со сломанной спинкой и обеденный стол с потускневшей полировкой.

Из-под стола торчал край чёрного баула. Коля наклонился, аккуратно открыл молнию, выпучил глаза и замер. В бауле,

поблёскивая маслом, лежали несколько автоматов Калашникова и заряженные патронами запасные рожки. Коля задёрнул замок, попятился и плюхнулся на диван, но тут же соскочил, ударившись локтем о что-то твёрдое. Он откинул одеяло и увидел хромированный кейс с двумя цифровыми замками. В рту пересохло, руки затряслись, на лбу выступил пот. Сердце тяжело ухало в унисон тревожным мыслям: «Что делать? Что делать? Брать или бежать? Бежать? Брать? Жуть!..»

Он схватил кейс, сунул его в свою сумку, выскочил из квартиры и захлопнул за собой дверь.

Коля выбежал на улицу, шмыгнул в арку и запрыгнул на заднее сиденье выдавшей виды «шестёрки», за рулём которой сидел Хомяк.

— Гони, Сенька, быстрее! Гони! — закричал он.

Машина сорвалась с места.

— Что случилось, Колян? — спросил Хомяк, ловко лавируя между машинами.

— Потом, Сеня, потом! Едем ко мне домой.

Хомяк через зеркало заднего вида взглянул на бледное лицо подельника, кивнул и прибавил газу.

Машину они бросили в проулке и пешком направились к Колиному дому.

— Ну скажи уже что-нибудь! — умоляюще попросил Хомяк.

— По ходу, вяпались мы с тобой, Сеня, по самые помидоры...

В квартире Коля рассказал про автоматы.

Хомяк хмыкнул и пожал плечами:

— И чего ты кипишуешь? Мало ли, кто чем барыжит? Этот

калашами. И чё? Каждому своё. Интересно, что в кейсе? Надеюсь, бабло.

— Я такие замки не умею открывать.

— Чего тут уметь? Тащи отвёртку! — Хомяк постучал кулаком по крышке кейса. — Хотя, Колян, лучше стамеску и ножницы по металлу. Есть?

— У меня от бати столько инструмента осталось, что слесарную мастерскую открывать можно.

— Молодец, Колян! Шутишь — значит отпустило. Тащи!

Коля, поджав губы, смотрел, как Хомяк вырезает в крышке кейса неровную дыру.

— Не подглядывай, Колян, сам от интереса угораю. Ещё чуток — и заглянем. Вот китайцы молодцы: по виду — вроде сейф неприступный, а открывается как консервная банка. Замки с цифрами повесили, одни понты кругом. Ну всё! Готово.

Он отогнул крышку.

— Хомяк, что это? — спросил Коля, разглядывая два допотопных сотовых телефона, связки скрученных проводов, несколько электронных плат и чёрную квадратную коробку с зелёным циферблатом электронных часов.

— Ты знаешь, Колян, если бы я родился году так в тридцать шестом, то ответил бы, что это набор юного техника. Но думаю, что, скорее всего, это взрывное устройство, которое осталось только собрать. Так что ты действительно вяпался!

Хомяк подошёл к открытому окну и выплюнул изо рта конфету.

— Что теперь делать-то, Хомяк?

— Прости, Колян, это теперь твои проблемы. Ты взял — тебе и срок тянуть. Я не при делах. Если на очняк подтянут —

я в отказ пойду. Нам теперь с тобой не по пути. Будь здоров! — быстро отчеканил Хомяк и вышел из квартиры.

Коля заложил руки за спину и заходил из угла в угол. «Что теперь делать? — подумал он. — Такая история всё равно всплывёт, и не в ментовке, а в конторе, а с ФСБ шуточки не прокатят. Припаяют срок за терроризм. И буду я всю оставшуюся жизнь шнырять из угла в угол с руками за спиной, только не по квартире, а по камере. Вот Хомяк, сука, подсуропил дельце! Хоть в петлю...»

Он пошёл на кухню, повернул ручку смесителя и сунул палец под толстую шипящую струю. Убедившись, что холоднее вода уже не станет, вытащил из шкафа литровый ковш с нарисованной весёлой пчёлкой на красной эмали, наполнил его до краёв и начал жадно пить. Холодная вода не охлаждала внутренности, а выдавливала липкий пот, который стекал по лбу, спине и даже по животу.

«Что делать? — атаковала назойливая мысль. — Кто он — этот терпила? Террорист, бандит? Кто? Кого он хотел взорвать? Если не своих дружков-подельников, а детский сад или торговый центр? Получается, что я об этом узнал и никому не сказал. Значит, я такой же гад, как и он? Если я сейчас всё расскажу ментам, то сколько мне дадут? Это — как повернуть: за выставленную хату можно тройком отделаться, а за бомбу и к пожизненному подведут. Нет, к ментам точно нельзя...»

Коля уселся на диван, откинулся на спинку и закрыл глаза. В голове калейдоскопом закрутились кадры былых хроник, показывающих последствия взрыва во французском кафе: дым, пожар, трупы в чёрных мешках, крики, плач...

— Да чёрт со мной! — воскликнул Коля и подошёл к сто-

лу. — Меня по-любому не расстреляют, а люди помрут. Батя сколько лет чалился — и ничего, выжил. И я выживу.

Он схватил раскуроченный кейс, положил его в сумку и вышел на улицу.

Фасад здания Федеральной службы безопасности радовал глаз нежно-васильковым цветом стен. Коля позвонил в домофон и, услышав шелчок, открыл дверь. Едва передвигая окаменевшие ноги, подошёл к дежурному. Пот крупными каплями стекал по лицу, застилая глаза, озноб пробежав по телу, вздыбил мелкие редкие волоски на руках.

Трясаясь, Коля достал паспорт, протянул его в окошко и, потупив взгляд, негромко сказал:

— Я бомбу нашёл. Разобранную. Она тут. — И он приподнял за лямку сумку, висящую на плече.

— Очень хорошо, — невозмутимо ответил дежурный, пролистывая паспорт. — Сумку оставьте здесь, а сами проходите туда. Видите открытую дверь? К вам сейчас спустятся.

Коля зашёл в кабинет. Дверь, притянутая доводчиком, с лязгом захлопнулась. Он огляделся: яркий свет, белоснежный потолок, светло-серые гладкие стены без окон. Два стула, намертво прикрученные к полу, между ними стол, тоже закреплённый тяжёлыми болтами.

— Ну вот и началось, — вздохнул Коля, закрывая лицо руками.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл пожилой лысоватый мужчина. Он сел за стол и положил перед собой два чистых листа бумаги и ручку.

— Здравствуй, Николай, присаживайся!

— Здравствуйте, — процедил Коля, опустился на стул и выпалил скороговоркой: — Я украл бомбу и могу показать квартиру, где спрятаны автоматы.

Мужчина пристально, словно гипнотизируя, посмотрел на Колю, улыбнулся и спросил:

— Ты мог залечь на дно, но пришёл к нам, зная, что за кражу посадят. Почему?

Коля опять почувствовал предательскую дрожь в коленях.

— Я в любом случае останусь жить, а люди могут погибнуть.

— Не понял? Ты готов получить пожизненный срок ради того, чтобы спасти чужих, незнакомых тебе людей? Да?

Коля кивнул, развёл руками и понурил голову.

— Ну что, Николай, пришло время представиться. Меня зовут Сергей Борисович. Я начальник отдела по борьбе с терроризмом. Хочу тебя обрадовать: в тюрьму ты не сядешь. Пока, во всяком случае.

Коля открыл рот, выпучил глаза и уставился на мужчину.

— Скажу больше, — продолжал Сергей Борисович. — Ты очень нам помог и сделал то, к чему мы тебя подтолкнули. Кража кейса была частью секретной операции, которая, в том числе и благодаря тебе, благополучно завершилась. Прости, но мы использовали тебя втёмную. Мне оставалось только посмотреть, как ты поступишь потом — придёшь к нам или нет. Ты пришёл. Молодец!

Коля облизнул пересохшие губы.

— Так я украл кейс для вас?

— Николай, больше я тебе рассказать ничего не могу. Хочешь и в дальнейшем нам помогать?

— Конечно!

Сергей Борисович пододвинул Коле листы бумаги и ручку.

— Вот и напиши: так и так, хочу помогать и содействовать. И ещё. В магазине «Замки и ключи», что на улице Ленина, есть место консультанта. Можем посодействовать в трудоустройстве. Мы же теперь друзья! А друзьям надо помогать. Согласен?

— Согласен! — ответил Коля и на всякий случай потряс головой, чтобы убедиться, что это не сон.

...Николай устроился на работу консультантом. Покупатели прознали о его способности открывать замки, и теперь, потеряв ключ, они звонили не в МЧС, а в магазин. Коля усаживался в служебную машину и мчался на помощь.

Агент ФСБ Семён Леденцов, много лет работающий под псевдонимом Сенька-Хомяк, получил очередное звание и был представлен к правительственной награде.

Каждый из них был по-своему счастлив...

Теннис

История эта произошла в то милое для моего сердца время, когда вера в светлое будущее манила покорением мира и уверенностью в завтрашнем дне.

В восемнадцать лет, после окончания техникума, я устроился на работу в пермскую контору Стройбанка СССР. В восьмидесятые труженики копили средства в сберегательных кассах, и на этом фоне от слова «банк», хотя бы и строительный, повеяло на меня приятным ароматом загнивающего Запада и посулило

непыльную и денежную работу. На деле же оказалось, что Стройбанк — скучнейшая организация, которая занимается проверкой смет и выделением финансирования. Перспектива ежедневно копаться в толстенных справочниках и сверять расценки вызывала тоску, а небольшая зарплата молодого специалиста добивала окончательно. Единственной отдушиной был перерыв на обед, во время которого появлялась возможность порезаться в настольный теннис в просторном холле. Но, как вскоре выяснилось, желающих заменить горячий супчик в столовой партией в пинг-понг оказалось немного. Пришлось взять инициативу в свои руки и предложить начальству провести турнир по настольному теннису среди работников.

На удивление, главный инженер принял мою идею с восторгом. Он приспустил очки на кончик носа, вышел из-за стола и долго тряс мою руку.

— Это замечательно! — сказал он. — Скоро чемпионат областного совета профсоюзов, и мы наконец-то сможем послать туда нашего представителя, и я обойдусь без выговора. Молодец! Составляй турнирную таблицу...

Коллеги смотрели на меня с ненавистью. Тратить обед на игру никто не хотел.

Женщины, перекусив в столовой, мчались в магазины с надеждой поживиться выкинутым в продажу дефицитом, а мужчин в конторе, кроме меня, было ещё трое: главный инженер, водитель Витёк и часто выпивающий инженер Андрияша — вылитый Винни Пух.

Главный инженер обедал дома, и его пришлось вычеркнуть из таблицы. Вслед за ним выпал Витёк, так как он возил шефа домой. Оставался только Андрияша. Но в обед он ходил в пив-

ной бар «Нептун», где тратил выданный женой рубль на две кружки разбавленного пива и подсохший кусочек хлеба с половинкой крутого яйца и ароматным серебристым ломтиком сельди иваси.

Хотя мой опыт игры в настольный теннис закончился в пионерском лагере восемь лет назад, я стал победителем в нашем соревновании. Дело было не в моём мастерстве, просто участники турнира подходили ко мне и просили поставить им проигрыш, ссылаясь на неотложные дела. А обыграть подвыпившего Андрюшу, постоянно роняющего ракетку, не составило труда.

Путь на чемпионат облсовпрофа был открыт.

Тщеславие победило разум, и уже через два дня все мои родственники, друзья, знакомые и малознакомые знали, что я единственный из всей конторы удостоен высокой чести.

Радость омрачилась появившейся проблемой. Как человек, абсолютно далёкий от спорта, я не имел в гардеробе спортивного костюма. Конечно, у меня где-то валялось шерстяное трико с вытянутыми коленями, но надевал я его пару раз в году, когда нас посылали в подшефный колхоз на уборку картошки. После долгих поисков я обнаружил штаны в кладовке, но надеть их уже было нельзя: моль нашла им лучшее, с её точки зрения, применение. Судя по количеству мельчайших дырочек, становилось ясно, что это мерзкое насекомое не только обедало моим трико, но и устраивало настоящие пиршества с приглашением гостей. Потому что так изрешетить ткань в одну ночь просто невозможно!

Мечта о лёгкой победе на чемпионате по теннису накрывалась медным тазом. И я уже хотел смириться с проблемой, но тут я вспомнил о Вовчике.

Володя, по прозвищу Сморода, был старше меня лет на пять и жил в соседнем доме.

Как мы с ним познакомились, я уже не помню, да и немудрено, ведь общих интересов у нас не было. Так, приятели: «привет — привет», «как делишки?» — и разбежались. То, что у Володи есть спортивный костюм, я знал точно, ведь частенько видел его в нём.

«Хорошая идея, — подумал я. — Попрошу у него костюм. Комплекция у нас примерно одинаковая, а то, что он пошире в плечах, так это не важно...

На моё счастье Сморода был дома. Он внимательно выслушал меня в коридоре и, улыбаясь, хмыкнул:

— И вся проблема? Ну ты даёшь! Дам, конечно, только постарайся сильно не уделать, он мне ещё пригодится. А обувь есть?

— Конечно! — воскликнул я. — Кеды «два мяча».

Володя заржал. Не засмеялся, а именно заржал так, что мне даже послышался цокот копыт.

— Уморил, сосед! — сказал он успокоившись. — «Два мяча» — это не вариант. У тебя какой размер?

— Сорок второй.

— Нормально. Мои подойдут. Тебе костюм синий или красный?

Я растерялся окончательно: не избалованный изобилием, я и подумать не мог, что у Смороды аж два спортивных костюма.

— А какой лучше?

— Да оба хорошие. Синий — шерсть, красный — эластик.

Слово «эластик» я не знал, поэтому решил рискнуть.

— Давай красный!

Володя ушёл в комнату и через пару минут вернулся с цветастым пакетом, из которого торчал спортивный костюм. На пакете были изображены алые женские губы, сжимающие пуговицу от джинсов «Вранглер».

«Ничего себе, — подумал я. — Ведь такой пакет на толкучке стоит три рубля, а он так, запросто, в него вещи складывает».

Володя перехватил мой взгляд и сказал:

— Короче. Тут костюм, футболка, кроссовки. Победы тебе, сосед!

— Спасибо, — ответил я и пожал ему руку.

Дома я рассмотрел форму. Костюм был очень красивый: сочно-красный, по рукавам и бокам штанов шли три белые полосы, слева на груди вышит герб Союза, а на спине большими белыми буквами надпись: «СССР». Кроссовки были чёрные, с тремя жёлтыми полосами. Мягкий валик, расположенный внутри, ровно ложился под изгиб ступни.

Я примерил костюм и посмотрелся в зеркало. Всё было идеально. Я взял ракетку, выданную на работе, провёл по пупырышкам пальцем и улыбнулся.

— Советский спортсмен к соревнованиям готов, — отрапортовал я и салютовал своему отражению.

Дворец спорта находился в трёх остановках от моего дома, и хватило бы пятнадцати минут, чтобы преодолеть это расстояние. Но разве можно было нацепить такую шикарную экипировку и остаться незамеченным?

Накануне соревнований я разработал свой маршрут, следуя которому, я потратил бы на дорогу два часа, проехал через весь город и засветился в трёх трамваях, троллейбусе и двух автобусах. Садиться на свободные места в транспорте я не собирался.

В планах было пройтись по салону пару раз, а потом встать в центре, чтобы меня было видно со всех сторон. Потом я позвонил всем знакомым и попросил прийти во дворец и поддерживать меня.

День соревнований не задался с утра. Во-первых, пошёл дождь, и пришлось поверх костюма надеть плащ, так что идея тащиться через весь город не имела смысла. Во-вторых, у входа во дворец спорта меня ждал только Андрюша Винни Пух: желающих поболеть за меня больше не нашлось.

Мы разделись в гардеробе и зашли в большой зал, где стояли теннисные столы.

Народу было много. Спортсмены разминались: прыгали, приседали, размахивали ракетками. Гомон стоял такой, что закладывало уши.

Мы подошли к столу регистрации. Администратор выпучила глаза, окинула меня взглядом, поздоровалась и поставила галочку в списке напротив моей фамилии.

И тут мне показалось, что я оглох. Вокруг повисла полная тишина. Я посмотрел на Андрюшу. Он сунул палец в ухо и судорожно тряс рукой. Мы переглянулись и повернулись к залу. Народ с интересом разглядывал нас.

— Бить будут? — шёпотом спросил Андрей.

Я почувствовал лёгкую дрожь под коленками и ответил:

— Думаю, нет.

— А чего они? — опять спросил Андрюша и громко икнул. — Может, у меня ширинка расстёгнута? Или ещё чего...

— Здравствуйте! — громко сказал я замолкшей толпе. Народ отреагировал по-разному: кто-то ответил, кто-то махнул рукой, и через секунду все продолжили свои дела.

Я повернулся к администратору, которая протянула мне синий талон с печатью.

— Это талон на питание, после соревнований пойдёте в кафе «Спутник».

— А мне талончик? — спросил Андрюша, продолжая икать.

— Вы участник? — уточнила администратор.

— Нет. Я тренер-представитель, а значит, положено.

— Хорошо, — ответила она и записала Андрюшу в журнал.

После жеребьёвки нас развели по парам.

Моя соперница Татьяна представляла профсоюз фабрики Гознака. Приятная пожилая женщина, судя по возрасту, годилась мне в мамы и, как я предполагал, не представляла для меня угрозы: ведь я был намного моложе и проворнее.

Из цветного пакета с пуговицей от джинсов «Вранглер» я вытащил ракетку. Татьяна недоуменно посмотрела на неё, открыла кожаный чехол «Адидас» и достала свою. Пришёл черёд моего удивления. В отличие от моей новенькой, с коричневыми пупырышками ракетки, её была абсолютно гладкая и неприятно чёрная.

«Вот дура, — подумал я. — Как она собралась играть такой затёртой, лысой ракеткой?»

Судья подбросил монетку: право первой подачи досталось сопернице, а я выбирал сторону.

Мы встали у стола. Татьяна подкинула шарик и легко взмахнула рукой. Шар летел ровно, я даже предположил, куда он опустится, и встал наизготовку. Но не тут-то было! Шарик, едва коснувшись стола, полетел совсем не туда, куда я ожидал, и спрыгнул на пол. Подача была проиграна, как, впрочем, и вся партия: всухую, со счётом 11:0.

Татьяна улыбнулась и протянула мне руку, я пожал её и улыбнулся в ответ.

— Вы в сборной по какому виду спорта? — спросила она.

Пока я соображал, про какую сборную она говорит, Андрюша, стоявший рядом, быстро ответил:

— По шахматам.

Он взял меня под локоть и вывел из зала.

В кафе «Спутник» мы уговорили администратора, и вместо положенного обеда он отоварил наши талоны четырьмя бутербродами с копчёной колбасой и кувшином крышона. Мы с Андрюшей говорили о разном, но темы тенниса старались избегать.

Вечером я принёс Смороде пакет с формой. Стоя в коридоре, я рассказал ему всё, что произошло в зале: и об улыбчивом администраторе, и о спортсменах, молчаливо разглядывавших нас, и о работнице Гознака Татьяне.

Володя заржал, как и в прошлый раз. Успокоившись, он спросил:

— Пиво чешское будешь?

— Конечно, — ответил я.

— Проходи, сейчас принесу, — сказал он и ушёл на кухню.

Я зашёл в комнату и замер.

Вся стена была увешана выпелами и медалями на разноцветных лентах. На высокой этажерке стояли наградные кубки, штук тридцать, разной величины, от небольшого до огромного, размером с самовар.

Я молча опустился в кресло.

Зашёл Володя, протянул мне открытую бутылку, сел рядом и сказал:

— Хочу тебя успокоить, шансов победить у тебя не было. Я Таньку знаю. Она мастер спорта по настольному теннису. Говорят, что её вьетнамская ракетка стоит как машина. Шар закручивает так, что даже специалисты не могут рассчитать траекторию полёта.

— Так она же на Гознаке работает! — удивился я.

— Ты чего такой наивный? Она не работает, она числится, как и все профессиональные спортсмены в городе. Ты что, этого не знаешь? Хоккеисты «Молота» — рабочие на заводе Ленина, футболисты — на Свердловском... Я вот, к примеру, в армии служу — капитан!

— А как же соревнования? — удивился я.

— Ты, видимо, в спортивной теме вообще не тямаяешь, — сказал Сморода и отпил пива из бутылки. — Первенство облсовпрофа — серьёзное соревнование, и все фабрики, заводы, конторы присылают на них только профессиональных спортсменов. Если нет своих, нанимают.

— Зачем? — удивился я.

— Ну ты чудак! Для славы!

— Так это же нечестно!

— Если все выставили спортсменов — значит, честно! Думаю, что ты там один был такой простой.

— Поэтому на меня все и смотрели?

Сморода захохотал.

— Слушай, Пермь не такой большой город, и мы все, профессиональные спортсмены, знаем друг друга. А если люди, которые живут спортом, — мастера и кандидаты в мастера — видят незнакомого человека в костюме сборной Советского Союза? Конечно, они удивлены...

— Сборной Советского Союза? — опешил я, залпом допил из бутылки и поставил её на пол.

— Да, а ты не знал?

— Нет.

— Ну тогда смотри. — Сморода поднялся, взял с полки журнал «Советский спорт» и протянул его мне. — Читай!

Фотография улыбающегося Володи занимала всю страницу. На следующем развороте шёл текст: «По мнению читателей нашего журнала, чемпион Советского Союза в беге на четыре-ста метров, мастер спорта СССР Владимир Смородин признан лучшим спортсменом года».

Я поднялся и тихо сказал:

— Пойду я, Володя. Спасибо тебе за костюм, ну и прости меня!

— За что? — удивился он.

— За то, что не знал, кто ты.

Володя усмехнулся.

— Не смейся, теперь же знаешь!

В коридоре он протянул мне пакет с пуговицей от джинсов «Вранглер».

— Там подарок для тебя, потом посмотришь. А со спортом надо дружить. Понял?

— Понял, — ответил я и пожал ему руку.

Дома я достал из пакета белую футболку с тремя красными полосами на рукавах. Слева на груди был вышит герб Союза, а на спине большими красными буквами надпись: «СССР».

Футболка смотрелась впечатляюще, но выйти в ней на улицу я так и не решился...

Разлучник

Оля достала из холодильника и поставила на стол три пластиковых контейнера. Остатки приготовленных на новогодний праздник салатов больше не радовали.

«Ну сколько можно это есть? — подумала она. — Третий день одно и то же! Хочется уже нормальной еды».

Она зашла в комнату и сказала мужу:

— Слава, пойдём куда-нибудь поужинаем. Лет десять нигде вместе не были.

Слава отвлёкся от ноутбука, с удивлением посмотрел на жену и спросил:

— А что, дома нельзя?

— Не хочу готовить. У меня ведь тоже праздник.

— Ну пойдём.

— Спасибо! Сейчас подкрашусь и через двадцать минут буду готова.

— Ага, — буркнул Слава и с неохотой закрыл ноутбук.

Стены в фойе кафе блистали зеркалами, в которых отражались огни тяжёлых люстр. Слава отдал куртку гардеробщику и взял номерок.

— Пойду столик выберу, — бросил он через плечо и направился за администратором.

Оля недоумённо пожала плечами, сдала пуховик и посмотрелась в зеркало: прямые белые волосы до плеч, ровная, скрывающая лоб чёлка, ямочки на щеках. Лёгкая полнота не портила фигуру, а наоборот — добавляла привлекательности. Она одёрнула ворот блузы, двумя пальцами коснулась волос,

словно поправляя их, и подмигнула отражению: «Очень даже неплохо! Если не приглядываться к морщинкам, так и не скажешь, что ещё пару лет — и баба-ягодка опять». Оля улыбнулась и вошла в зал.

Слава расположился за столиком в дальнем углу и что-то разглядывал на экране телефона.

Оля села напротив и улыбнулась подошедшей официантке.

Та поздоровалась и положила на стол меню.

— Выбирайте, я подойду через пять минут.

— Слава! — раздражённо сказала Оля. — Ты можешь оторваться от телефона? Мы же ужинать пришли.

— Подожди, мне нужно ответить. Это по работе.

Он отправил сообщение и положил сотовый на стол.

— Всё, дорогая, я в твоём распоряжении! Что будешь? Паста есть, стейки. Что хочешь? Винца выпьем?

Они сделали заказ.

— Слушай, — начала Ольга, но телефон мужа звякнул и прервал её.

— Секунду, — сказал Слава. — Сейчас отвечу, и продолжим.

Оля облокотилась на стол и молча посмотрела на мужа. «Может, лучше, чтобы у него любовница была, чем этот дурацкий телефон? — подумала она. — Вообще разговаривать перестали. И днём, и ночью из рук не выпускает. Куда катимся? Раньше везде вместе ходили, с друзьями встречались. А сейчас: внук родился, фото его всем отправил, а в ответ радостные рожицы. Вот и всё общение».

Официантка принесла две большие тарелки с пастой и бутылку красного сухого вина. Она налила его в бокалы, пожелала романтического вечера и ушла.

Оля намотала на вилку спагетти и посмотрела на мужа. Слава сосредоточенно жевал и писал в телефоне.

«Тихий семейный ужин, — подумала она. — Ни тебе приятного аппетита, ни звона бокалов, ни улыбки. Только телефон».

Оля поймала себя на мысли, что ей захотелось взять тарелку и вывалить на голову мужа дымящуюся пасту. Она улыбнулась, представив дикие глаза Славы, свисающие с ушей спагетти и налипший на небритых щеках расплавленный сыр.

Есть расхотелось. Ольга взяла бокал, откинулась на спинку кресла и оглядела зал.

Посетителей было мало.

За двумя сдвинутыми столами сидела молодёжь: три парня и три девушки. Все в красных шапочках Санта-Клауса. Они разложили настольную игру, кидали кубики, двигали фишки и звонко смеялись.

«Вот сейчас бы к ним, — подумала Оля. — Нацепить такой же колпачок и веселиться до упаду. Но я, к сожалению, не их формат».

— Ты чего не ешь? — удивился Слава.

— Пропал аппетит, — тихо ответила Оля.

— Точно не будешь? Тогда я съем.

— На здоровье!

Оля пододвинула мужу свою тарелку. Он отложил телефон и принялся за спагетти.

— Как тебе паста? — спросила Оля. — Может, попросишь, чтобы подогрели?

— Нормально. Так съем. Ты что-то на десерт будешь?

— Пожалуй, возьму... — начала Оля, но опять её прервал Славин телефон.

В зал зашла пара: мужчина лет пятидесяти и молодая женщина. Она что-то говорила в полголоса и резво жестикулировала, но мужчина не обращал на неё никакого внимания.

«Такой же перец, как и мой, — подумала Оля. — Она с ним разговаривает, а ему хоть бы что. Может, все мужики сейчас такие?»

Пара села за соседний столик у большого панорамного окна. Женщина продолжала говорить, но мужчина по-прежнему не слушал её и вообще не смотрел в её сторону.

Когда официантка положила на стол меню, мужчина коснулся плеча спутницы, та подняла глаза и вытащила наушники.

«Ах, вот в чём дело, — подумала Оля. — Случай-то похлеще, чем у меня. Славик просто пишет, а эта ещё и умудряется разговаривать».

Кафе постепенно заполнялось посетителями. Оля с любопытством разглядывала их. Почти у всех в руках были телефоны. Люди писали сообщения и не переставая звонили. Со всех сторон раздавались звуки присланных посланий.

«Неужели я одна такая отсталая? — подумала Оля. — Почему я ненавижу эти переписки? Я люблю слушать голос, чувствовать эмоции и интонации. Разве можно сопереживать коротенькому тексту? Как почувствовать душу собеседника? Как можно всерьёз поверить написанной фразе: „Я тебя люблю“, не услышав дыхания и тембра голоса?»

— Может, кофе выпьем? — спросил Слава.

— Давай, — согласилась Оля. — И мороженое возьмём.

— Оль, у тебя серёжки новые? Красивые. Я раньше не видел.

— Да, Славочка. Новые. Полтора года назад купила.

— Странно, не помню.

Оля улыбнулась, закрыла лицо руками и спросила:

— Славик, а какого цвета у меня глаза?

Слава молчал.

— Ну? — повторила она. — Какого цвета?

Не дождавшись ответа, Оля опустила руки.

— Видишь, дорогой, что и требовалось доказать.

— Да ладно, разве в этом дело? — сказал Слава.

— В этом, Славочка, в этом, — ответила Оля.

Официантка принесла кофе и мороженое.

Слава отхлебнул глоток и взял телефон.

Ольга взглянула на пару за соседним столом. В ожидании заказа мужчина смотрел в окно, а женщина положила перед собой планшет и водила пальцем по экрану.

«Интересно, кем она ему приходится? — подумала Оля. — Дочь? Вряд ли, далеко не девочка. Любовница? Нет. Любовники так себя не ведут, им каждая минута встречи дорога. Значит, жена. Видимо, не только у меня такая ситуация. Получается, что телефон, созданный для связи, эти связи и разрывает. Вот такой он, разлучник».

Оля посмотрела в окно.

На улице зажглись фонари. Блики новогодних гирлянд, развешанных на столбах и деревьях, отражались в витринах магазинов.

— Как в сказке, — прошептала Оля.

Она повернула голову и увидела, что мужчина за соседним столом смотрит на неё. Перехватив её взгляд, он приподнял бокал с вином и слегка склонил голову. Оля улыбнулась и подняла свой. Они выпили. Мужчина кивнул в сторону спутницы,

которая не отрывалась от планшета, и развёл руками. Оля указала взглядом на Славу и понимающе покачала головой.

Оля поднялась с места.

— Слава, пошли домой, — сказала она.

— Ага. Я сейчас догоню.

Ольга направилась к выходу. Краем глаза она увидела, что мужчина из-за соседнего столика пошёл за ней.

Гардеробщик забрал номерки.

— Позвольте мне, — мужчина взял Олин пуховик, помог ей одеться и сказал:

— Я Александр.

— А я Ольга.

— Я жду вас здесь в восемнадцать ноль-ноль.

— Когда? — удивилась Оля.

— Всегда! Пока не дожусь, — ответил Александр.

— Но...

Александр приложил палец к губам.

— Тихе, — прошептал он. — Сегодня не надо больше слов.

Они вышли из кафе и побрели в разные стороны, думая о своём.

Справедливость

В начале промозглой, слякотной осени неожиданно повалил снег. Валил не переставая. Крупные влажные хлопья безжалостно цеплялись ко всему, что попадалось на пути. Резкий свистящий ветер полировал их и сковывал в блестящую корку.

Дима вышел из регистрационного отдела автоинспекции. Прячась от ветра, он наклонил голову, подошёл к облепленному снегом новенькому мерседесу-купе и дёрнул за ручку. Примёрзший лёд треснул, дверь открылась. Дима забрался в салон, завёл двигатель, крепко сжал руль и прошептал: «Спасибо тебе, Вселенная, ты исполнила все мои мечты». Он настроил кондиционер и нажал кнопку обдува лобового стекла.

Жаловаться на судьбу Диме не приходилось. Он не шёл по жизни, а катился по заготовленной Богом дороге — ровной, без ухабов и колдобин.

После окончания медицинского института его распределили в маленький городок в двухстах километрах от областной столицы. Другой бы затосковал, но Дима рассудил так: пробиться к высотам на периферии проще; глядишь, заметят, и чья-то сильная рука выдернет из глухомани и усадит в мягкое кресло, а там и до благ социалистических рукой подать. Дни и ночи он проводил на работе: кроме дежурств в своём отделении прихватывал ещё и подработку в приёмном. Рвение молодого, талантливого травматолога-интерна заметил главный врач центральной больницы и взял его под крыло. А когда пришло время уходить на пенсию, протащил Диму на своё место.

Начавшаяся в стране перестройка вскрыла в нём предпринимательскую жилку. Он перевёл больницу на хозяйственный расчёт и принялся развивать платные услуги. Немного поразмышляв, Дима открыл в больнице аптечный киоск, потом ещё один — в поликлинике.

В девяностых его уже причислили к новым русским, а в нулевые все аптеки в городе принадлежали ему. Диме везло.

Он продолжал катиться вперёд, ловко лавируя между бандитами, полицией и ФСБ, желающими отжать его бизнес. Мастерски обходил драконовские законы, загоняющие в тупик. Он выстроил большой дом и женился. О работе главным врачом и муниципальной зарплате теперь вспоминал с усмешкой, да и мечта вернуться в столицу области постепенно развеялась.

Дима решил, что лучше быть тузом в маленьком городе, чем шестёркой в большом, и подался в депутаты городского поселения. Он стал заместителем председателя думы и, заручившись определённой неприкосновенностью, развернулся на полную катушку. Все медикаменты, которые продавались в городе, проходили через его руки. В народе его презрительно величали Аптекарем и ненавидели за постоянное повышение цен на лекарства. Людям было невдомёк, что снизить цену ему не дают, ведь, начав бизнес, он вступил в монополию, где играют по единым правилам и любой шаг в сторону грозит утратой всего: вышвырнут, разорят, растопчут.

Ни власть, ни деньги не помешали Диме в душе оставаться врачом. Он помогал всем страждущим: договаривался о консультациях у профессуры в столице, выбивал министерские квоты на операции, а если кто-то из жителей городка обращался к нему за помощью, то всегда выручал дорогими лекарствами. И всё же, несмотря на проявляемый альтруизм, для большинства обывателей он оставался Аптекарем...

Снег прекратился, но порывы ветра набирали силу и свирепели. Дима пристегнул ремень безопасности.

«Так, — подумал он. — Сейчас за коньяком, и домой, по такой погоде часа три ползти буду».

Магазин элитных напитков находился в двух кварталах от ГИБДД. Армянский коньяк двадцатилетней выдержки привлекал внимание и красотой бутылки, и ценой. Дима покачал головой и подумал: «Да чёрт с ним, один раз живём. Что за жлобство? Министру и его замам коньяки таскаю — не жалею денег, а для себя любимого тридцатки жалко. Событие всё-таки сегодня, не каждый день новые мерседесы покупаю! Вечером и обмоем этим коньячком».

Он вышел из магазина, бережно держа бутылку обеими руками. Скользя по асфальту, обтянутому наледьё, медленно переставляя ноги, Дима подошёл к мерседесу. Он сел в машину, аккуратно завернул бутылку в пакет и положил её в бардачок.

— Всё, — сказал Дима сам себе, — теперь домой!

Он завёл двигатель и выехал на дорогу, покрытую рыхлым, раскатанным машинами снегом.

Стемнело быстро, и трасса почти опустела. Редкие попутные фуры пытели клубами дыма, прижимались к обочине и пропускали уверенно идущий по дороге мерседес. Снег прекратился, но вместо него блестящим бисером посыпались капли острого дождя, которые, попадая на лобовое стекло, затягивали его матовой паутиной. Дворники, работающие на бешеной скорости, не могли скинуть её, а лишь бесполезно елозили, придавая наморози нарядный глянец. Горячий воздух кондиционера не справлялся с обледенением, он с шумом вырывался через решётку, оставляя на стекле две небольшие проталины.

«Ехать осталось всего ничего, и надо же — такая круговерть началась! Так и буду теперь плестись», — подумал Дима.

Он сбавил скорость и... зажмурился. Яркие лучи осветили трассу: вылетев со встречной полосы, на него мчалась машина.

Дальний свет ослепил Диму, он резко затормозил и вывернул руль в сторону обочины, но встречный автомобиль протаранил мерседес и выкинул его с дороги. Подушка безопасности хлопнула и с силой ударила по лицу. Дима почувствовал, как машина накренилась, завалилась на бок, перевернулась через крышу и встала на колёса. Люк вывалился из искорёженного потолка и саданул в лоб, рассекая кожу.

Дима перевёл дыхание и прошептал:

— Ничего себе!

Он выбрался наружу и огляделся. Метрах в тридцати, в потоке света включённых фар мерседеса, он увидел то, что осталось от второй машины. Покачиваясь и вытирая кровь с лица, он подошёл к ней. Женщина-водитель и пассажир, зажатые смятым металлом, не шевелились. Помочь им Дима уже ничем не мог. Он достал телефон, позвонил в полицию и сообщил об аварии. Голова кружилась, Дима ощупал ноги и руки, покрутил шей.

«У меня вроде всё в порядке», — подумал он и вытер лицо. Дима посмотрел на окровавленную руку, подошёл к мерседесу и поднял с земли оторванное боковое зеркало: из ссадины на лбу текла кровь.

— Всё-таки зацепило! — с досадой произнёс он.

Аптечки в новой машине не было. Дима с трудом открыл заклинившую дверь, достал пакет с салфетками и протёр руки. Бутылка коньяка валялась на полу.

«Вот это то, что надо, — подумал он. — Сапожник без сапог, аптечку-то уж можно было в машину положить».

Дима скрутил пробку, налил коньяк на носовой платок и прижал его ко лбу. Озноб пробивал тело. Дима забрался на

заднее сиденье и смотрел на струи дождя, заливавшие салон сквозь дыру от люка.

Через полчаса он услышал звуки приближающихся сирен. На фоне чёрного неба замелькали разноцветные огни мигалок. Вскоре подъехала полиция, за ней МЧС и скорая. Из машин выбежали люди, надели дождевики и принялись за работу. Зацепили за деревья полосатую бело-красную ленту, оградив место аварии.

Спасатели, вытащив приспособления, принялись разрезать стойки машины и вытаскивать тела. Врач недовольно принюхался и начал осматривать Диму. Увидев недобрый взгляд, Дима сказал:

— Вы не подумайте, я не пил. Только рану коньяком обработал.

— Конечно, — хмыкнул доктор, — только обработал. Да так, что теперь у нас два трупа!

— Я готов на любые экспертизы.

— Конечно, на любые. С вашими-то деньгами, да с депутатской ксивой, вам любую экспертизу сляпают. Даже не сомневаюсь.

— Вы меня знаете? — удивился Дима.

— Кто же вас, народных избранников, не знает? — зло ответил врач.

Он забинтовал Диме голову и спросил:

— В больницу поедете?

— Нет.

Врач окликнул лейтенанта:

— Петрович, состояние стабильное, от госпитализации отказался. Можете работать.

Лейтенант с Димой сели в патрульную машину.

— Ну что, начнём? Права, свидетельство о регистрации, страховку, — сказал Петрович и достал планшет с бланками протоколов.

Он внимательно просмотрел документы, записал данные, достал алкотестер и протянул его Диме.

— Ничего не понимаю, — сказал Петрович, глядя на прибор. — Сломался, что ли? Алкоголем за версту разит, а он не показывает. Здесь закончим и поедem в лабораторию кровь брать.

— Пожалуйста, поедem! Я не пил. Рану обработал коньяком.

— Разберёмся! Рассказывайте, как дело было.

Лейтенант всё записал и протянул Диме объяснение.

— Пишите: с моих слов записано верно и мной прочитано.

Он убрал документы и сказал:

— Я вот считаю, Дмитрий Андреевич, что всё было не совсем так.

— А как?

— Да знаем мы, как вы на своих мерседесах погонять любите, вот в условиях плохой видимости и налетели на «Логан»! Плюс выпили по дороге чутков. Но не моё это дело. Следствие разбираться будет. Двое погибших — это не шутки!

К машине подошёл сержант. Петрович приоткрыл окно.

— Товарищ лейтенант, — козырнул сержант. — Работать невозможно из-за дождя, следов никаких. Надо схему рисовать, без вас никак. Регистраторов в машинах нет, хотя в «Логане» провода торчат.

Он протянул Петровичу паспорт и права.

— Что это? — спросил лейтенант.

— У погибших изъяли.

— Иди в машину, погрейся, я сейчас подойду, — сказал Петрович, закрыл окно и начал рассматривать документы.

— Так. Пепеляева Анна Ивановна и Пепеляев Сергей Анатольевич.

— Что?! — закричал Дима и вырвал документы из рук лейтенанта.

Он пролистнул паспорт, взглянул на права и швырнул их на панель машины.

— Не может быть, Господи! — процедил Дима и закрыл лицо руками. — Аня, Серёжа... Не может быть!

— Знакомые? — сочувственно спросил Петрович.

— Да. Очень давно. Лет двадцать назад их сын, Сашка, со второго этажа упал, ему тогда десять было. Я его, можно сказать, по кусочкам собрал.

— Дружили?

— Нет, но с днями рождения поздравляли...

— Вот видите, как бывает, Дмитрий Андреевич! Сына спасли, а родителей... Посидите тут, а я пошёл. Работать надо. А дождь смывает все следы... Так вроде кино называлось — или песня?..

Лейтенант вышел из машины и громко хлопнул дверью.

Погода постепенно налаживалась. Арктический циклон, обрушивший в октябре горы снега, уступил место относительно тёплой и сухой погоде.

Слух о том, что Аптекарь Дима, депутат думы, сел пьяным за руль и убил двух человек, разнёсся по городу с невероятной быстротой. И хотя несколько экспертиз полностью доказали, что на момент аварии водитель был трезвым, этому никто

не верил. Все понимали, что экспертиза — это фикция. И чем больше Дима доказывал свою невиновность, тем меньше было веры его словам. Опасаясь самосуда, Дима не выходил из дома, даже на похороны не пошёл.

«Что же теперь делать? — подумал он. — Нам в любом случае придётся отсюда уезжать. Конечно, суд меня оправдает, но люди! Людей не переубедить. Я для них всегда буду убийцей, который отмазался: экспертизу купил, следователя купил, судью купил... Надо — значит уедем. Когда-то ведь хотел... Ладно, хватит убиваться, надо же к Сашке сходить. Как он там один? В один день и отца, и маму похоронить. Как я ему в глаза смотреть буду? Но я же не виноват. Вот сейчас и пойду!»

Дима оделся, вышел из дома, сел в старенькую «Ниву» и поехал к Сашке. Долго переминался с ноги на ногу, не решаясь нажать на звонок. Затем перекрестился и поднял руку, но позвонить не успел. Дверь открыл Сашка.

— Здравствуйте, дядя Дима, — сказал он. — Я вас в окно увидел. Куда, думаю, подевались: в подъезд зашли, по ступенькам поднялись и пропали! Заходите.

Дима снял куртку и туфли.

Саша указал на тапки.

— Надевайте, это папины.

И, увидев Димино замешательство, добавил:

— Надевайте-надевайте, других нет. А полы немытые, я две недели не убирал дома. Всё недосуг.

Они прошли на кухню. Дима сел за стол, а Саша достал из холодильника бутылку водки и тарелку с нарезанной колбасой.

— Помянём родителей, — сказал он и поставил на стол две рюмки.

Они молча выпили.

— Сашка, пожалуйста, поверь мне. Они правда на меня вылетели. Я и сделать ничего не успел. Голый лёд. Скорость у них была бешеная. И не пил я.

— Дядя Дима, какая сейчас разница, кто прав, кто виноват? Родителей не вернуть. Давайте ещё выпьем.

Он налил водку.

Закусив колбасой, Дима сказал:

— Я хочу, Сашка, чтобы ты поверил мне. Понимаю, что родителей не вернуть, но как мне жить, если все считают меня убийцей? Следов никаких. Схему с моих слов составили.

— Да знаю я всё, — ответил Саша. — Может, и суда бы не было, и все бы обвинения с вас сняли, но народ бушует. А они ведь не справедливости хотят, а чтобы вас наказали. А разве правильно — невиновного посадить? Я хочу, чтобы всё честному было. Я вам верю, но хочу узнать правду.

Саша поднялся и ушёл в комнату, через минуту он вернулся. В руках у него была коробка из-под обуви.

— Вот, посмотрите, — сказал он и начал выкладывать содержимое на стол: — Это мамино кольцо, это помада, это папина зажигалка и визитница. Да тут много чего.

— Что это? — спросил Дима.

— Я часто езжу на место аварии и брожу там. И каждый раз что-нибудь нахожу. Там на десятки метров всё разбросано. Ночью-то темно было. При включенных фарах многое не заметили.

— Пойду я, Сашка, — Дима поднялся с места.

— Хорошо. Конечно, я вам верю! И всем говорю, что верю, — ответил Саша и вытер слёзы.

Здание суда было окружено полицией. Власти опасались бунта. Диму забрали из дома на полицейском «уазике» задолго до заседания. Провели под конвоем через служебный вход и для безопасности посадили за стеклянную перегородку.

В зал повалили слушатели. Расталкивая друг друга, они рассаживались по местам.

— Встать, суд идёт! — объявила секретарь.

Судья прошёл на своё место.

Дверь открылась, и в зал вошёл полицейский. Он держал под локоть Сашку.

— Ваша честь, — громко сказал он. — Извините, тут гражданин говорит, что у него важное заявление.

Сашка сделал шаг вперёд и сказал:

— Я Александр Пепеляев, сын погибших. У меня есть информация.

Судья махнул рукой:

— Пропустите.

Сашка подошёл к судье.

— Дядя Дима не виноват. Мама сама... — процедил он сквозь зубы. — Я нашёл сегодня на месте аварии видеорегистратор из нашей машины. Он под куском бампера валялся. В полицию не успел, регистратор заряжался долго. Я сразу сюда.

Зал замер в ожидании.

Секретарь поставила перед судьёй ноутбук и подключила видеорегистратор. В полной тишине зазвучали голоса:

— Аня, сбрось скорость, дорога ужасная!

— Нормально всё, не первый раз за рулём.

— Аня, не дури! Сто двадцать летим! Чёрт! Чёрт! Куда ты?! Куда?!

— Всё!.. А-а-а-а!..

Послышался лязг металла и звон осыпающегося стекла...

...Дима опустил голову и закрыл лицо руками. Сашка смотрел на него глазами, полными слёз.

Люди молчаливо поднялись с мест и пошли к выходу...

Соседи

Потрёпанная квартира в старом двухэтажном доме, много лет ожидающем сноса, приютила трёх жильцов. Людьми они были простыми, не злобными, и каждый имел законное право на свою комнату.

Самую большую занимал разнорабочий из ЖЭКа Колян. Мощный мужик, чуток за сорок, с сильными, расписанными татуировками руками и могучей спиной, украшенной куполами. Синеватый цвет его кожи наглядно доказывал причастность к уголовному незабываемому прошлому. Он, хотя и пил как невменяемый, но работу свою знал и слыл мастером на все руки.

Его популярность у обитателей уютных гнёздышек в ближайших новостройках была запредельна. Случись какая проблема, Колян, несмотря на состояние нестояния, всегда приходил на выручку: и унитаз прочистит, и мебель передвинет. Да и тариф у него был невысок — всё исчислялось бутылками недорогой водки или наличными пропорционально её стоимости.

В комнате поменьше лет пятнадцать назад обосновался преподаватель технического университета, кандидат филоло-

гических наук Аркадий, мужчина непьющий, интеллигентный и аккуратный. Именно интеллигентность и привела его в это жилище после развода.

Будучи настоящим мужчиной, он искренне полагал, что, расставаясь с женой, не подобает делить имущество — нужно просто уйти. И неважно, что шестикомнатная квартира с высокими потолками на третьем этаже в центре города досталась ему от деда-академика. Мужик есть мужик. Но у бывшей оказалось многострадальное сердце, и пустить Аркадия по миру она не могла. Жена загнала когда-то подаренные мужнину деду золотые карманные часы «Павел Буре» в антикварную лавку. Вырученных денег хватило не только на комнату, но и на продавленный диван, который она приобрела со вторых, а может, и с третьих рук по объявлению. Аркадий так растрогался, что на минуту пожалел о разводе и даже хотел прослезиться. Но мужская гордость победила: он сдержал слёзы, сложил свои вещи в старый плед и завязал его концы в узел. Аркадий уходил из квартиры с высоко поднятой головой, попросить у жены сумку или чемодан не позволило самоуважение.

Третью комнату с окном на солнечную сторону облюбовала увядающая проститутка Елизавета Аристарховна по прозвищу Лизок.

Когда-то Лизок танцевала в кордебалете местного театра, и, возможно, продолжала бы служить Терпсихоре, но неудачно подвернула ногу и, оформив государственное пособие, вышла в тираж. Мысли о дальнейшей жизни на копейки её не тревожили. За время работы в балетной труппе она редко отказывала толстосумам из ложи в желании проводить её до дома после спектакля. Но маршрут обычно менялся, и, вместо своей ком-

наты, она оказывалась в затрапезном номере отеля со всеми вытекающими из этого последствиями. За последние двадцать лет она заметно раздобрела, но привлекательности не потеряла. Даже наоборот, из доходяги она превратилась в аппетитную шанежку, с округлыми боками и румяными щеками. Лёгкая хромота придала походке вальяжность, а незначительная боль в суставе не мешала заниматься выбранным ремеслом.

Соседи уживались миром, перекидывались парой слов, никогда не ругались, а к Новому году подкладывали друг другу под двери маленькие сувениры, чтобы как-то скрасить тоскливую жизнь. Их небольшая кухня не была заставлена мебелью, как это водится в коммуналках.

Стол и табуретки принадлежали Коляну, Аркадий приволок бесхозный сервант, брошенный у подъезда новостройки, и поставил в него пару кастрюль да сковороду, Лизок же имела старую медную турку, пузатый красный чайник в белый горох и разномастные чашки, блюда и тарелки, оставшиеся от старых перебитых сервизов. Не сговариваясь и не спрашивая разрешения, соседи пользовались мебелью и утварью, не разделяя её на «твоеё и моё».

Скромность обстановки кухни и комнат была объяснима: потеряв надежду на снос дома, соседи копили деньги на собственные квартиры.

День за днём, год за годом они бы так и теснились, не обращая особого внимания на жизнь друг друга, но в конце мая Аркадия неожиданно уволили.

Он брёл сквозь серую толпу, глядя под ноги. То ли от яркого полуденного солнца, то ли от мук, терзавших обиженную душу, на глазах блестели слёзы. Впервые за многие годы Аркадию

захотелось выпить. И не просто выпить рюмашку, как это бывало на праздники, а назюзюкаться в хлам и забыться, хотя бы на время.

Он зашёл в квартиру и услышал звуки музыки, доносившейся из комнаты Коляна. «Вот и хорошо», — подумал Аркадий. Как напиться в одиночку, он не представлял.

За долгие годы работы в университете у Аркадия скопилось огромное количество коньяка. Не было сессии, после которой благодарные студенты не вручали ему бутылку. Он молча принимал подарок, растерянно улыбался и краснел. При этом крупные капли пота выступали на его носу.

— Вот и пришёл ваш час, — сказал Аркадий и распахнул дверь шкафа, все полки которого были заставлены разнокалиберными бутылками коньяка.

Он стянул туфли, надел тапочки и бросил куртку на диван. Взял первую попавшуюся бутылку, вышел в коридор и постучал Коляну в дверь.

— Открыто, заходи! Ты, Арканя?

Колян сидел на расправленной кровати в трусах и футболке перед табуреткой, накрытой бумажной салфеткой. На ней стояли наполненная рюмка, пустая чекушка и открытая банка консервов.

— Николай, — обратился Аркадий, — выпьете со мной?

Увидев соседа с бутылкой в руке, Колян сразу заподозрил неладное. Он быстро глотнул из рюмки, закусил шпротинкой из банки и прищурился.

— Что случилось, Арканя? Обидел кто?

— Да, Николай! Даже не представляете, как обидели! Можно сказать, наплевали в душу.

— Понятно, — Колян насупил брови, поднялся, качнулся, взял со стула джинсы и быстро их натянул.

— Не ссы, Арканя! Сейчас пойдём, покажешь кто. Я ихние сопатки моментом расплещу. Размотаю так, что мать родная не соберёт!

Услышав слово «ихний», Аркадий втянул голову в плечи.

— Нет-нет, Николай! — пробормотал он. — Не надо никуда ходить. Меня уволили. Я просто хочу выпить, а один не могу. Составите компанию?

Колян оскалился и выдохнул.

— Ну ты напугал, сосед! Я уж думал, что проблемы у тебя. Подумаешь, уволили! Меня тысячу раз увольняли, и ничё, жив. А компанию составлю, конечно. Пошли на кухню.

— А Елизавету не потревожим, вроде дома она?

— Не смейся, Арканя! Она с ночной вахты пришла. Дрыхнет, наверное. Чё у тебя? Коньяк? погоди!

Колян открыл холодильник, стоящий у окна комнаты, и достал сморщенный лимон.

— Подсох немножко, ну ничё, — сказал он, обнял соседа за плечи и повёл на кухню.

Пока Аркадий нарезал лимон и раскладывал его на блюде,

Колян принёс из комнаты три коньячные рюмки и поставил их на стол.

— Почему три? — удивился Аркадий.

— А Лизок проснётся. Чё мы, хорошей бабе не нальём? — спросил Колян.

— Нальём. Елизавета Аристарховна — женщина божественная, сердечная. И аромат от неё приятный. Так от моей бабушки пахло, — согласился Аркадий.

— Тогда, Арканя, давай за богины! — Колян налил коньяк, поднял рюмку и залпом выпил.

Аркадий сделал маленький глоток, с завистью посмотрел на собутыльника, махнул рукой, с шумом выдохнул и, широко открыв рот, залил коньяк. Обжигающий ручеек саданул горло и покатился вниз, будоража теплом нутро. Сладкая пелена ментально застила глаза.

— Давай ещё, Арканя, по одной накатим. Вдгонку, — предложил Колян и наполнил рюмки.

— Нет, Николай, вы пейте, а я пропущу.

Колян выпил, провёл по губам ладонью, вытер её о джинсы и сказал:

— Выкладывай, сосед, что стряслось у тебя?

— Вы представляете, Николай! У нас в университете закрыли кафедру филологии! — возмутился Аркадий.

— Вот ёк-макарёк! Сволочи! — поддержал Колян. — И чё?

— И всё. Я без работы, но это полбеды. Мы теряем язык! Вот проблема!

Колян налил себе, выпил и внимательно уставился на собеседника.

Аркадий смотрел на Коляна взглядом уставшего шарпея.

— Вы понимаете, Николай! Филология — это наука, изучающая культуру народа, выраженную в языке! Нет языка — нет культуры. Нет культуры — нет народа.

— Ты чё, Арканя? Правда? А куда народ денется?

— Вымрет! Давайте, как вы говорите, накатим, — ответил он и, не дожидаясь Коляна, выпил.

Бутылка закончилась быстро.

Аркадий выпил не больше трёх рюмок, но уже понял, что

состояние, которого он хотел достигнуть, приближается: голова слегка кружилась, лицо горело, а на душе, хотя и стало тепло, но спокойствие не наступило.

Колян же, наоборот, казалось, что он трезвел с каждым глотком. Засевшая в голове мысль о вымирании народа не давала расслабиться и вызывала тревогу.

— Арканя, давай-ка я в магаз слетаю, пару водочки возьму. Тут без бутылки точняк не разобраться.

— Минуту! — Аркадий поднялся с табуретки. — Я мигом.

Он покачнулся, схватился за край стола, покрутил головой в надежде разогнать хмель и неровным шагом пошёл по коридору.

Аркадий вернулся на кухню с четырьмя бутылками коньяка, зажатými между скрюченных пальцев.

— Вот! — выдохнул он и поставил бутылки на стол.

Колян приподнял брови и выпучил глаза.

— Ты чё, сосед, склад бомбанул? — спросил он.

— Ну что вы, Николай! Это студенты подарили. У меня много ещё. Если вам надо будет, не стесняйтесь, заходите и берите, сколько душа пожелает.

Аркадий криво улыбнулся, вытер скатившуюся слезу и сел за стол.

Колян откупорил бутылку и налил.

— Почему мы вырем, Арканя?

Аркадий приподнял рюмку, мужчины звонко чокнулись и выпили.

— Понимаете, Николай, — глубокомысленно начал Аркадий, почесав взопревший лоб. — Вы слышали, как вы разговариваете?

— Чё не так? — удивился Колян.

— Вот, вот! «Чё». Вы говорите: «Чё», вместо «Что». Вы сократили слово на одну букву, ваши дети сократят ещё на одну, а внуки вообще начнут мычать.

Аркадий схватился за голову.

— Мне страшно, Николай! Мне страшно, когда я представляю, что будет с нашими правнуками.

— Чё? — Колян испуганно смотрел на соседа. — Чё будет-то?

— Чё, чё! Они подтвердят теорию Дарвина, только в обратную сторону. Мы превратимся в обезьян.

Колян зычно захохотал.

— Ну, Арканя, ну уморил! Не будет такого! Потому что у меня нет детей, а значит, не будет ни внуков, ни правнуков.

— Ни-ко-лай! — нараспев проговорил Аркадий. Смотрите на проблему шире. Вы не замечаете, что творится вокруг? Отечество в опасности! Россия в огне!

— Вот тут ты прав, Арканя! Америкосы со всех сторон ракеты поставили, всем наша нефть нужна и газ. Уничтожить нас хотят, суки!

— Николай! — Аркадий хлопнул по столу ладонью. — Никому мы не нужны именно потому, что мы сами себя уничтожим.

Мужчины замолчали и прислушались к шагам в коридоре. На кухню вплыла Лизок. Сиреневый атласный халат давно не соответствовал её размеру, он плотно облепил тело, будоражаще подчёркивая округлости форм.

— Привет, мальчики! — улыбнулась она. — Чего расшумелись? Часа два уже бу-бу-бу да бу-бу-бу!

— Здравствуйте, Елизавета Аристарховна! — Аркадий приподнялся и кивнул головой.

— Привет, Лизок, — оскалился Колян и легонько хлопнул соседку по пышной заднице. — Выспалась, боец невидимого фронта?

— С вами выпишесь, как же, — Лизок провела ладонью по голове Коляна и взглянула на стол.

— Ого! — воскликнула она. — Вы решили всё это выпить? И без закуски? Нет, мальчики, так не пойдёт! Объявляю перерыв.

Она надела фартук, проворно убрала со стола, протёрла его тряпкой и ушла в свою комнату.

Аркадий с Коляном недоумённо переглянулись.

Через минуту Лизок вернулась с неполной трёхлитровой банкой ухи и голубой скатёркой. Застелила стол, перелила уху в кастрюлю, поставила её на плиту и включила газ. Снова упорхнула в комнату и принесла палку сервелата, белый батон, кусок сыра и пачку масла.

— Потерпите, мальчики, сейчас всё организую, — сказала она и начала нарезать продукты.

Лизок суежилась как заправская официантка. Через пять минут на столе стояли небольшие тарелки с нарезанными колбаской, сыром и хлебом. Прозрачная уха манила парящим ароматом и крупными кусками розовой разваренной рыбы. Лизок поставила на стол бутылку и рюмки, вытерла руки о фартук, сняла его и села за стол.

— Вот это другое дело, — сказала она и протянула Коляну рюмку. — Наливай!

Колян налил, и соседи выпили.

Появление на кухне женщины добавило посиделкам нежности. Мужчины начали разговаривать тише, а их взгляды жадно

сlediли за каждым движением Елизаветы Аристарховны в ожидании, что вот-вот невзначай халат распахнётся и оголит кусочек её пышного тела.

— А ну-ка быстро закусывать! — приказала она, и Колян с Аркадием, громко стуча ложками, принялись за уху.

— Что случилось-то у вас? — спросила Лизок. — Тебя, Аркаша, я вообще таким ни разу не видала. Умер кто, не дай бог?

— Уволили его, — сказал Колян, вытер рот и отодвинул тарелку.

— Как уволили? За что?

— Спасибо, Елизавета Аристарховна, за уху, — сказал Аркадий. — А уволили просто так. Закрыли нашу кафедру. Не будем, говорят, в техническом университете гуманитариев учить.

— Ну, мать-перемать, дела! — Лизок хлопнула себя по бёдрам и закачала головой. — И что теперь думаешь делать?

— Не знаю, — жалобно сказал Аркадий, — хоть в петлю!

— Давайте выпьем и вместе подумаем, — предложил Колян.

Коньяк больше не обжигал Аркадию горло, он беспрепятственно скатывался и согревал. Язык становился тяжелее, а Лизок всё симпатичнее и притягательней.

— Придумал! — вскрикнул Колян. — Тебе надо в школу устроиться. Там точно учителя нужны. Я вчера по телеку слушал, так они там по сорок тыщ получают. Вот, бляха-муха, жизнь. А чё, пришёл на работу, побалаболил, и сороковник в кармане. Даже у меня за месяц с шабашками столько не выходит, хотя я по уши в дерьме и пыли. А в школе светло, тепло и мухи не кусают.

— Коля, ты чего сравниваешь себя, перекажи поле, и учителя? — усмехнулась Елизавета Аристарховна. — У тебя не работа,

а фигня. А учитель раньше всегда в почёте был. Особенно до революции.

— Вот-вот, до революции, но не сейчас, — поддержал Аркадий.

Колян надул губы, молча налил всем коньяк и, не дожидаясь остальных, выпил.

— Ты чего, дуралей, обиделся, что ли? — Лизок дёрнула Коляна за рукав футболки. — Не обижайся, нам без тебя никак!

— То-то же, — улыбнулся Колян. — Я вот недавно в первую квартиру на засор пришёл — каналью забило. Вонюща стоит страшная! Я трос-то засунул, а в это время кто-то на верхних этажах воду спустил. Из унитаза дерьмо фонтаном, и вся эта херня мне в морду. Так у кого работа сложнее? Скажи ещё, что у учителя!

Колян взял бутылку и опять налил.

Елизавета Аристарховна подняла рюмку.

— Колян, налей себе, и давай выпьем за нашего Аркашу!

Аркаша пить не стал. Он грустно посмотрел на рюмку, поставил её на стол.

— А может, и правда в школу?

Лизок прожевала колбасу, подумала и сказала:

— У меня деваха знакомая после пединститута пять лет в школе поработала. Больше не смогла. Так вот она сказала, что учитель нынче — никто, а имеют его все: и начальство, и родители. Дети вообще ни во что не ставят. Понятно? Вот она к нам и подалась. Говорит, раз уж имеют, то пусть за деньги. Кстати, недавно машину купила. Живёт и радуется!

— Уеду я, — тихо произнёс Аркадий.

— Чё? — переспросил Колян.

— Уеду я, в Израиль.

— Правильно, Арканя! За это надо выпить.

Колян посмотрел на полную рюмку Аркадия, прищурил один глаз и, прицелившись, налил себе и Елизавете Аристарховне.

— Аркаша, кому ты там нужен? — спросила Лизок.

— А тут кому? — вопросом ответил Аркадий. — Всё уже забрали, даже работу. И с чем я остался в сорок лет? С комнатой в треснувшем доме, да с надеждой не помереть до пенсии.

— А там что, по-другому? — не унималась Лизок. — Там всё то же самое. И кем там работать будешь?

— Буду детей русскому языку учить и русской литературе! — выкрикнул Аркадий.

Колян захохотал.

— Ты чё, Арканя, сбрендил? В Израиле — русскому языку? Ну насмешил. Там же все на еврейском говорят.

— Во-первых, не на еврейском, а на иврите. Во-вторых, у нас один с кафедры уехал, так он там учеников взял и дома с ними занимается. Неплохо зарабатывает, между прочим.

— Сомневаюсь, — хмыкнула Лизок.

— Я тоже, — подтвердил Колян и налил всем коньяк.

— Зря, — сказал Аркадий. — В Китае, кстати, десять процентов людей учат русский язык.

Колян поднял рюмку, выпил и сказал:

— Китай — понятно. Они хотят напасть на Россию и забрать наши природные ресурсы. Не помню, но где-то я про это слышал.

— Бред какой! — возразил Аркадий. — Что вы, Николай, говорите? Они и так берут у нас всё, что им надо. Овощи на на-

шей земле выращивают, лес от нас тащат. Зачем им война? Они учат русский, чтобы читать Достоевского, Чехова, Тургенева, да мало ли кого.

Елизавета Аристарховна посмотрела на мужчин.

— Так, мальчики, перерыв, а то ещё подерётесь! Давайте-ка я чайник поставлю и покурю у окошка. Не возражаете?

Она поднялась с места, набрала в чайник воды и поставила его на плиту. Взяла с полки серванта сигареты и, наклонившись, прикурила от горящей конфорки. Елизавета Аристарховна распахнула окно. В кухню ворвался тёплый воздух с запахом машинных выхлопов.

— Ой, мальчики! — сказала она, выдыхая дым. — А в деревне-то, наверное, сейчас как хорошо: тишина, свежий воздух, природа.

— Точно! — пьяно выкрикнул Аркадий. Подскочил с табуретки, покачнулся и плюхнулся обратно. — Точно. Я поеду в деревню. Куплю дом, устроюсь в школу, буду огород копать. Овощи выращивать без нитратов, барашка заведу. Буду жить на природе, и пошло всё на фиг!

Колян сверкнул глазами.

— Арканя! Возьми меня с собой. У меня тоже деньги есть. А чё, купим большой дом и будем жить вместе. Вдвоём-то веселее. Да и один по хозяйству ты не справишься. Ты же не умеешь ничего: ни плотничать, ни столярить. А я работу всегда в деревне найду.

— Поедмете, Николай, поедмете, — воодушевился Аркадий.

Елизавета Аристарховна аккуратно потушила окурок в пепельнице и села к столу.

— Мальчики, а я? Вы что, хотите меня тут одну оставить? Мы же за все годы родными стали. Время-то нас проверило на прочность. Я же так к вам привыкла! Да я из тысячи мужиков вас по запаху найду с завязанными глазами! И денег я тоже скопила.

— Берём, Елизавета Аристарховна, конечно берём! — радостно крикнул Аркадий. Потом отодвинул тарелку, положил на стол руки, уткнулся в них головой и моментально захрапел.

— Готов! — глубокомысленно изрёк Колян.

— Тише ты, пусть спит, — шёпотом сказала Лизок. — Намалялся сегодня. Всё на нервах. Налей-ка мне, Коля.

Они выпили, и Колян хитро прищурился.

— Скажи-ка, Лизок, вот Арканя учителем будет, я рабочим, а ты-то чё будешь в деревне делать? Смотри, поколотят тебя бабы!

— Я, между прочим, могу танцам ребят учить, вышивке. Да и к огороду я привычная с детства, я же из деревни. А кто вам готовить будет?

Она посмотрела на Аркадия.

— Давай-ка, Коля, его в охапку, и тащи в комнату, я пойду постель расправлю.

Колян отодвинул стол, подхватил Аркадия на руки и, раскачиваясь от стены к стене, понёс по узкому коридору. Они уложили его на диван, накрыли одеялом и вышли из комнаты.

— Пойду я тоже подремлю, — сказал Колян.

— Иди, иди, — ответила Елизавета Аристарховна. — Я посижу маленько и в магазин схожу за фаршем, а вечером котлет вам нажарю.

— Денег дать на фарш? — спросил Колян.

— Иди спать, спонсор! — ответила Лизок и подтолкнула соседа в спину.

Она зашла на кухню, быстро убрала со стола и помыла посуду. Налила полчашки коньяка, отковыряла от блюда засохшую дольку лимона, выпила и закусила.

Елизавета Аристарховна закурила и посмотрела в окно: «Эх, мужики, мужики, ну прямо как дети малые! Напридумывали, помечтали и пошли спать. Потом проснутся, и жизнь пойдёт дальше. Жизнь, которую вряд ли можно изменить. А вдруг можно? Если, конечно, очень захотеть».

Непогода

В кабине старенького КАМАЗа-тягача дальнбойщик Петя чувствовал себя намного уютнее, чем в квартире.

Отсиживаясь дома между командировками, он изнывал от скуки в ожидании прихода жены с работы: покупал продукты, готовил обеды, ужины. Но на это уходило часа два-три, в остальное время, устроившись в кресле, Петя перебирал кнопки пульта, переключая каналы: со спорта на рыбалку, с рыбалки на спорт. Вечером возвращалась Ирина, он накрывал на стол, выслушивал её рассказ о незаметно пролетевшем дне, и они вместе садились смотреть какой-нибудь сериал о превратности чужих судеб.

Петя тосковал. Ему не хватало простора дороги, когда, утопив педаль газа, он мчится по трассе, обгоняя плетущихся ботаников. Двигатель ровно гудит, а перед глазами мелькают

взлохмаченные кроны берёз и раскидистые ели. Одинокие деревья торчат сначала робко, сиротливо, а затем, словно переплетаясь, превращаются в тревожный густой лес. Разве свора потрёпанных городских голубей, гоняющих по асфальту почерневшую от пыли хлебную корку, может сравниться со стаей встревоженных рёвом мотора птиц, взметнувшихся к небу с неизмеримых раздолий полей?

В очередной рейс Пете нужно было выезжать в пять утра. Он постарался не разбудить жену, умылся, закрыл дверь на кухню и позавтракал. Раньше Ирина всегда провожала его в дорогу — вставала и ранним утром, и поздней ночью, но за двадцать лет совместной жизни эта традиция незаметно стёрлась и постепенно изжила себя. Петю это не тяготило, ему всё чаще нравилось бывать одному. Он надел спортивный костюм, накинул кожаную куртку, взял рюкзак и отправился к автомобильной стоянке.

На улице шёл мелкий дождь. Резкие порывы ветра подхватывали колючие капли и с силой швыряли их в лицо. Петя поднял воротник и ускорил шаг.

«Вот же лето в этом году! — подумал он. — Август-месяц, а погода как в октябре. Ну ничего, сейчас в кабине печку включу, и в путь».

Петя обошёл КАМАЗ, пнул по переднему колесу, забрался в кабину и захлопнул дверь.

«Чего-то замок разболтался, вернусь — надо в сервис заехать», — решил он, завёл двигатель, включил магнитолу, прибавил звук и выехал со стоянки...

Ирина улыбнулась и открыла глаза.

Пушистый серый кот по-хозяйски разложил на подушке мохнатый хвост, тихо мурлыкал и монотонно мял лапами её плечо, торчащее из-под простыни.

— Ну ты наглец! Увидел бы Петька, что ты на его подушке пристроился, получил бы уже, — позёвывая сказала она и скинула кота с кровати.

Тот плюхнулся на пол, недовольно фыркнул, улёгся на спину и раскинул лапы.

— Вот жизнь! Ваяйся себе весь день, ни забот, ни хлопот. Сказка! — хмыкнула Ирина и начала собираться на работу.

Она вышла из дома, перешагнула через большую лужу, села в вишнёвый форд, припаркованный у подъезда, и сунула ключ в замок зажигания. Дворники на лобовом стекле сорвались с места и, елозя по стеклу, принялись размазывать толстые струи непрекращающегося дождя.

«Конец лета, а уже первые жёлтые листья... Скоро их будет всё больше и больше, а потом опять нескончаемая зима. Хочу весну, с её запахами, кружащими голову, с тревожным стуком сердца, не попадающим в ритм с мыслями. Интересно, когда Петька уходил, он меня, спящую, поцеловал?»

Она пристегнулась, посмотрела в боковые зеркала, вывернула руль и тронулась с места, осторожно лавируя между вприценку стоящими машинами.

Ирина работала в университете. В конце учебного года она защитила кандидатскую диссертацию, и тут же возглавила кафедру дизайна архитектурной среды, на которой до этого работала доцентом. Ирина, хотя и числилась в отпуске, с утра

до вечера торчала на работе, перетряхивая толстенные папки с документами, наводила порядок.

Она зашла в кабинет, повесила плащ и села за стол. Телефон внутренней связи вздрогнул звонком, словно дожидался её прихода.

— Слушаю, — сказала она.

— Ирина Михайловна, здравствуйте! Это Маша из приёмной. Григорий Иванович просит вас подойти к нему в двенадцать сорок пять. Вам удобно?

— Конечно. Зайду, — сказала Ирина, положила трубку и подумала: «Когда вызывает ректор, то, наверное, всегда надо говорить, что удобно. Даже если и неудобно».

Она встала, достала из маленькой красной сумочки сотовый и набрала номер.

— Да, Ир, слушаю.

Вместе с голосом мужа из динамика вырвались гул мотора и громкая музыка.

— Привет, Петя! Говорить удобно?

— Говори. Я на трассе, громкая связь.

— У тебя всё нормально?

— Конечно. За бортом ливень, а в кабине тепло. Кайф! Еду и балдею.

— Ну давай, балдей. Счастливого пути!

— Давай. А ты чего звонила?

— Да просто так. Целую!

— Пока!

Ирина положила телефон, достала из шкафа коробку с чаем, бросила пакетик в прозрачную стеклянную кружку

и наполнила её горячей водой из кулера. «Вот чудака-человек, — думала она, глядя, как за окном хлесткий переменчивый ветер перебирает струны дождя. — Ливень на улице, а он балдеет! Наматывает по тысяче километров дороги за день, и ему хорошо. В театр не вытащишь, а если и вытащишь, так заснёт. На выставке Рериха через каждые пять минут курить ходил. Мы такие разные, а живём столько лет без ссор и скандалов, хотя весной в доме давно не пахнет». Она поставила чашку на подоконник, села за стол и склонилась над документами.

Время до встречи с ректором пролетело мгновенно.

Ирина посмотрела на часы, подошла к зеркалу, подкрасила губы, едва коснувшись волос, поправила причёску и вышла из кабинета. Она шла по замершему тишиной коридору и ловила себя на мысли, что за много лет, проработанных в университете, никак не может привыкнуть к величию этого старинного здания: к высоченным потолкам, широким окнам, тяжёлым распашным дверям и покрытому лаком вековому паркету. И сейчас, в каникулы, когда бурлящая жизнь, наполненная суетой, замерла и только стук её каблучков отзывается в пустоте звучным эхом, Ирина чувствовала себя маленькой принцессой, идущей по королевскому замку.

Она поднялась на третий этаж и зашла в приёмную, обустроенную по её проекту.

— Можно заходить, Маша? — спросила она.

— Да, конечно, Ирина Михайловна, — ответила секретарь и открыла перед ней дверь в кабинет ректора.

Ректор вальяжно расположился в кресле возле невысокого дубового чайного стола с гнутыми резными ножками. В соседнем кресле устроился широкоплечий мужчина чуть за

пятьдесят в сером летнем костюме. Перед ними стояли неполная бутылка коньяка и бокал. Рядом две чашки с недопитым кофе, блюдце с нарезанным лимоном и открытая коробка шоколадных конфет.

Увидев Ирину, оба встали.

— Вызывали, Григорий Иванович? — спросила Ирина.

— Да, Ириночка, проходите. Позвольте мне представить вас друг другу. Это наш бывший учащийся, ныне успешный предприниматель из Москвы — Максим Антонович. А эта очаровательная женщина — дизайнер, Ирина Михайловна, доцент и заведующая кафедрой.

Ирина кивнула, Максим Антонович учтиво склонил голову и поцеловал протянутую Ириной руку.

— Присаживайтесь, Ириночка. Кофе, чай или, может, коньяк? — продолжил ректор и указал Ирине на свободное кресло.

— Спасибо, ничего не надо. Я сейчас на обед пойду.

Пока Григорий Иванович расписывал гостю достоинства Ирины, она рассматривала мужчину: «Словно белый офицер из какого-то кино: высокий и статный, голову склонил, руку поцеловал. Костюм как влитой сидит, ворот рубашки застегнут, галстук шёлковый. Волосы светлые, глаза то ли голубые, то ли серые. Нет. Не белогвардеец, а кавалергард, они же все блондины были с голубыми глазами. Да хоть кто! Не мой типаж».

Она невольно улыбнулась. На ум пришли строчки Окуджавы: «Кавалергарды, век недолог, и потому так сладок он...»

— Ирина Михайловна, вы нас слышите? — спросил ректор.

— Извините, Григорий Иванович, задумалась.

— Ох уж эти женщины! — усмехнулся ректор и налил себе коньяк. — Не для работы их Бог создал, не для работы.

Он глотнул из бокала, ловко зацепил кусочек лимона чайной ложкой, закинул его в рот, кашлянул в кулак и сказал:

— Давай, Максим, излагай проблему.

— А давайте, Григорий Иванович, не так. Ирина Михайловна на обед собиралась, так, может, составим ей компанию? Посидим в ресторане и всё обсудим.

Он широко улыбнулся и, глядя в упор на Ирину, спросил:

— Вы не будете возражать?

— Нет. Давайте пообедаем, — согласилась Ирина.

Ректор встал с кресла и сказал:

— Нет, друзья мои. Я обедаю тут и ем только то, что приготовила моя жена. А вы давайте идите, обсуждайте, а потом возвращайтесь.

Максим Антонович открыл дверь и галантно пропустил Ирину вперёд.

— Собирайтесь, я жду вас внизу.

Она кивнула и пошла к себе в кабинет.

«Наверное, хочет мне шабашку предложить в Москве, — подумала Ирина. — А что? Тоже неплохо. Деньги всегда нужны, да и развеяться можно».

Песенка о кавалергарде не выходила из головы.

Ирина накинула плащ, взяла сумочку и спустилась на первый этаж. Максим Антонович, чуть приподняв голову и заложив руки за спину, не спеша прохаживался по фойе. Он увидел Ирину, подскочил к выходу, потянул за массивную латунную ручку и открыл дверь.

— Пожалуйста, — сказал он и кивнул головой.

Дождь закончился. Влажный ветер раздвинул клокастые тучи, освободив просвет робкому солнцу.

— Пойдёмте, Максим Антонович! — сказала Ирина. — Тут кафе рядом, пять минут идти. Кормят хорошо и недорого.

— Ирина Михайловна, уважаемая. Давайте лучше в ресторан. Скажите, где самый лучший? Поедем туда. Я на машине.

— Неловко как-то, — Ирина опустила глаза. — Да и не знаю я, не хожу в рестораны.

— Успокойтесь, я же не на свидание вас приглашаю, а на деловую встречу.

Он молча взял её за руку и повёл к искрящемуся дождевыми каплями мерседесу, припаркованному под знаком «Стоянка запрещена».

«Вот это номер, — подумала Ирина, взглянув на машину. — Три семёрки и регион московский: семь-семь-семь. Шесть семёрок в ряд. А цвет какой? Тёмно-коричневый с перламутром, да ещё с какими-то чёрными подпалинами. Шик!»

Максим Антонович открыл перед Ириной переднюю дверь машины.

— Прошу, — сказал он и, не отпуская Ирину руку, помог устроиться на сиденье. Нажимая кнопки регулировки, Максим Антонович двигал кресло вперёд-назад, наклонял и поднимал спинку и непрерывно интересовался:

— Так удобно? А так? Или вот так оставить?

Ирина не выдержала.

— Максим Антонович, может поедем уже? — спросила она, скривив улыбку. — А то я скоро умру от голода.

— Пардон! Едем, — ответил он и сел за руль. — Куда?

— Угол Баррикадной и Весенней. Знаете, где это?

— Конечно, там раньше пельменная была «Минутка».

— Точно, — ответила Ирина. — Сейчас ресторан «Париж».

Ехали молча. Негромкая музыка наполнила салон нежной мелодией.

«Можно подумать, что он не у нас в универе учился, а паже-ский корпус окончил, — подумала Ирина. — Манеры — словно он из позапрошлого века. Но самое интересное, что он всё делает не наигранно, а непринуждённо, словно это в крови. За последние пятнадцать минут три раза передо мной двери открыл, под локоток подхватил, когда с крыльца спускались. Не-обычно как-то. Кавалергард и есть кавалергард. А Петька мой? С кем его сравнить можно?»

Молчание затянулось.

Ирина посмотрела на Максима Антоновича и спросила:

— Почему вы на машине приехали? На самолёте не проще?

— Проще, но скучнее. Я люблю дорогу — сам себе хозяин. Да и на такой машине — одно удовольствие! А вот и наш «Париж»!

Вслед за администратором они прошли в зал.

Максим Антонович помог Ирине снять плащ и повесил его на изящную витиеватую вешалку-стойку рядом со столиком.

— Где вам удобнее будет? — спросил он.

— Мне всё равно, давайте здесь.

Максим Антонович взялся за спинку стула, отодвинул и, когда Ирина начала присаживаться, подвинул его к столу и кивнул головой.

— Удобно?

— Да, — засмеялась Ирина. Её начинали забавлять обхождения, к которым она не привыкла.

Они сделали заказ и дождались, пока официант принесёт закуски.

— Максим Антонович, пока мы не начали говорить по делу, можно один вопрос? Иначе меня разорвёт от любопытства, — Ирина широко улыбнулась.

— Конечно, только у меня одно условие — перейдём на «ТЫ».

— Хорошо.

— Тогда задавай вопрос.

— Мне очень неудобно, но почему вы, ой, ты постоянно киваешь головой?

Максим засмеялся, глаза его озорно заблестели.

— У меня в роду все мужчины были офицерами. Говорят, что прапрадед гусаром был. И я с детства хотел быть военным. Увидел в кино, как один офицер поворачивал ногу на носочке, а потом щёлкал каблуком о каблук, наклонял голову и красиво произносил: «Честь имею». Мне это так понравилось, что я ещё с садика начал тренироваться. Так и вошло в привычку. Ладно хоть каблуками сейчас не щёлкаю.

Ирина тоже засмеялась.

— Спасибо, здорово! Что, перейдём к делу?

— Конечно. Дело в том, что я построил дом в Подмосковье. Небольшой, но очень красивый, не вычурный. Простой. Два этажа, веранда. Смотрится изумительно на фоне реки и леса. Особенно сейчас, когда ветви деревьев начинают покрываться разноцветными листьями. А теперь я мечтаю, чтобы и внутри всё было так, как я хочу, но как хочу — не знаю. Могла бы ты мне помочь? Григорий Иванович сказал, что ты лучшая. Мне понравилось, как по твоему проекту переделали интерьер его кабинета. Получилось строго, но душевно. Мне не надо металла, стекла и пластика. Лучше что-нибудь классическое или, как

говорят, вечное, чтобы на все времена. Вся работа будет оплачена.

— Ну, это понятно, — усмехнулась Ирина. — А что, в Москве дизайнеры интерьеров перевелись?

— Нет, конечно. Просто они уж очень много берут за своё усердие, но это полбеды, они при этом бегут вслед за модой. Мне кажется, что мода — это в любом случае штамп. Сколько видел интерьеры у друзей — вроде отличаются, но в то же время как-то уж всё одинаково.

— Понятно. У тебя есть с собой план дома, либо наброски какие-то?

— Нет, Ирина. В этом-то и вся проблема. Я хочу, чтобы ты поехала в Подмоскovie на день или два, осмотрелась, погуляла по лесу, в общем — пропиталась атмосферой.

— День-два? А жить в недостроенном доме? — усмехнулась Ирина.

— Нет-нет, там. Там на участке ещё и старый дом стоит. Я его специально оставил для строителей. Всё необходимое есть: свет, вода, холодильник. Телефон берёт, интернет медленный, но терпимо. Даже «Нива» есть, старенькая, но бегаёт будь здоров. Не хочешь там оставаться — можно в гостинице в райцентре. До неё километров семь, дорога хорошая, на «Ниве» за пять минут доскочишь. Ну как? Заинтересовал?

— Необычно! Я так никогда не работала — с натуры. Значит, полная свобода? Но примерные предпочтения мне надо знать. И ещё. Какую сумму ты готов потратить на интерьер, и сколько будет стоить моя работа?

— Давай так: считай, что в эти дни у тебя оплаченная командировка. Поживёшь, отдохнёшь, надышишься, пропитаешься

природой, созреешь для работы, тогда всё и обсудим. По рукам?

Максим Антонович протянул Ирине руку.

— Была не была! — ответила Ирина и пожала крепкую ладонь. — Когда вылетать?

Максим Антонович улыбнулся:

— Едем на машине завтра. Думаю часов в шесть утра, чтобы до ночи приехать.

— На машине? Это же долго! Я никогда не ездила так далеко.

— Ирина, в этом проекте у тебя всё впервые. Договорились?

— Не знаю даже, всё так неожиданно, да и кота надо пристроить куда-то.

— И?.. — Максим Антонович выжидательно посмотрел на Ирину.

Она нахмурила брови, почесала лоб и махнула рукой:

— Едем!

Максим Антонович рассчитался с официантом, вывел Ирину из-за стола, снял с вешалки плащ, чтобы помочь ей одеться.

Ирина, смеясь, долго не могла попасть в рукав, который, словно сопротивляясь, закручивался и выворачивался.

Максим Антонович улыбался, едва задевая губами её затылок.

— Ну слава богу, — сказал он и облегчённо выдохнул.

Ирина почувствовала, как его мягкое дыхание коснулось шеи. Тепло мурашками пробежало по плечам, спине и плавно скатилось по рукам до кончиков пальцев. Она вздрогнула, замерла и закрыла глаза. Ей на секунду показалось, что запахло весной.

— Что-то случилось? — спросил Максим Антонович.

— Нет, — тихо ответила Ирина. — Пойдём.

Они доехали до университета и вышли из машины.

— Я, наверное, домой поеду, — сказала Ирина и протянула визитку. — Тут мой адрес.

— Конечно, собирайся в дорогу. Завтра в шесть утра заеду. Сейчас зайду к Григорию Ивановичу и скажу, что мы обо всём договорились.

Максим Антонович взял визитку, поцеловал Ирине руку, кивнул, развернулся и, не сгибая спину, начал степенно подниматься по широкой мраморной лестнице, ведущей ко входу в университет.

Ирина посмотрела ему вслед. Развернулась на носочках туфель, склонила голову, улыбнулась и пошла к своей машине. В голове вновь всплыли слова: «И как ни сладок мир подлунный, лежит тревога на челе, не обещайте деве юной любви вечной на земле...»

В суете Ирина не заметила, как день подошёл к концу. Она покидала в сумку вещи, занесла соседке ключи от квартиры и взяла с неё клятвенное обещание приглядывать за котом. Ближе к полуночи приняла душ, выпила чаю, легла в кровать и позвонила Пете.

— Привет, Петь! Ты где?

— Привет, Ирка! Я в Москве. Загрузился. Утром поеду домой.

— Ночевать где будешь?

— На стоянке, наверное, как всегда. Я тебе рассказывал: там всегда дальнобой собираются. Что у тебя?

— Я завтра с утра тоже в Москву еду на машине. Шабашку взяла. Ректор подкинул.

— Надолго?

— Дня на три.

— Нормально. А чего на машине?

— С заказчиком. На «мерсе». Петя, я ключи Нине оставила, чтобы за Барсом приглядывала. Ты приедешь — заberi.

— Конечно. Давай, целую. На созвоне. Может, в дороге и увидимся. Счастливого пути!

— И тебе, Петенька. Высматривай меня на трассе: коричневый мерседес, номер три семёрки и регион семь-семь-семь. Целую.

— Пока.

Ирина поправила подушку, выключила ночник, повернулась на бок и подумала: «Вот прицепилась же песня:

*Крест деревянный иль чугунный,
Назначен нам в грядущей мгле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.*

Станный всё-таки Петька, совсем меня не ревнует, что ли? Вот интересно, смог бы он мне изменить? А я? Всё, дура, спи».

Петя сунул телефон в карман, забрался в КАМАЗ и захлопнул дверь, но она отпружилила и не закрылась. Петя выругался и захлопнул ещё раз. С третьей попытки замок сработал и крепко прижал дверь.

— Вот так-то лучше, — сказал Петя. — А то ещё не хватало тут на ремонт застрять.

Он завёл двигатель и поехал на стоянку.

Свободную площадку у отеля «Придорожный» давно облюбовали дальнбойщики. Хозяин гостиницы понял, что настоящий дальнбойщик никогда не променяет свой спальник в кабине на номер с мягкой кроватью, и облагородил это место, огородив его забором из сетки-рабицы. За небольшие деньги он пускал большегрузы на территорию для ночёвки или мелко-го ремонта. Водители были довольны, да и хозяин не внакладе, ведь уставшие мужики набрасывались на еду в гостиничном кафе, которое работало круглые сутки и приносило приличный доход.

Петя заехал в ворота и двумя протяжными гудками поприветствовал водителей, столпившихся у мангала. Он припарковал КАМАЗ, выпрыгнул из машины и подошёл к мужикам. Со многими он был уже знаком, а некоторых знал только по позывным, общаясь с ними по рации. Петя поздоровался с водителями, отошёл в сторону, достал телефон и набрал номер.

— Привет, солнце, я приехал. Хорошо. Иду.

Он зашёл в гостиницу и подошёл к стойке, за которой стояла черноволосая девушка лет тридцати. Увидев гостя, она кивнула и сказала:

— Здравствуй, Петя, с приездом!

— Здравствуй, Светуля. Как делишки, отель забит?

— Ага, как всегда. Вообще все номера пустые. Даже транзитников нет. Зато кафе не успевает салаты крошить, ваши какой-то праздник решили устроить. Лилька одного мяса пятнадцать килограмм замариновала.

— Понятно, а то смотрю, чего это вдруг мужики мангал раскочегаривают. А Лилька-то где?

Света хмыкнула и злобно зыркнула на Петю.

— А ты не знаешь? В люксе, конечно. Тебя ждёт. Час уже как прихорашивается да круги от окна к окну нарезает. Тебя, кобеля, выглядывает.

— Светка! — грозно одёрнул Петя. — Смотри у меня, дождёшься!

— Чего дождёшься? — Света начала закипать. — Подруга она мне или кто? Тебе-то что? У тебя в каждом городе небось по бабе. А у неё любовь! Ты уедешь, а она потом ещё три дня порхает, как бабочка: улыбается, песни напевает. А потом опять злыдней становится. Я по её поведению уже определяю, что ты приехать должен. Да что я тебе говорю. Вся ваша братия — одни кобели!

Петя вцепился пальцами в стойку.

— Что ты несёшь, Светка? Какие кобели?!

Света облокотилась на стойку, вытянула шею и шёпотом спросила:

— Вот скажи мне, Петя, по секрету, зачем тебе она? Приехал, напряжение сбросил и уехал ни свет ни заря. Почему вы для этого нормальных баб выбираете? Ты потом к жене под бочок, а Лилька страдает, ждёт и думает, когда же на её улице перевернётся твой сраный КАМАЗ с пряниками. Петя! Тебе «плечевых» мало? Посмотри, сколько их отирается. На любой вкус.

— Светка, замолчи! Ты ничего не понимаешь.

— Всё я понимаю, ты уже лет шесть ей мозг выносишь, а я больше не могу смотреть, как она мучается. Ещё что сотворит с собой — на твоей совести будет.

Света хлопнула по стойке ладонью и ушла в подсобку.

«Вот стерва! — подумал Петя. — Всё настроение, дрянь, испортила».

Он медленно поднялся на второй этаж, прошёл длинным коридором, увешанным плакатами с изображениями большегрузных автомобилей, и упёрся в дверь с табличкой «Люкс». Повернул ручку и зашёл номер.

Из ванной комнаты доносилось шипение воды и негромкий женский голос, напевающий незатейливую мелодию.

Петя огляделся. Между двумя массивными мягкими креслами стоял журнальный столик, накрытый нежно-голубой скатёркой. На столе красовалась вазочка с букетом полевых цветов, бутылка сухого белого вина и стеклянное блюдо с очищенным от корки и нарезанным на кусочки красным арбузом. Косточки были убраны. Дырочки от них наполнились прозрачным соком, постепенно стекающим по спелой мякоти неровными тонкими ручейками.

Петя прошёл в спальню. Широкая кровать с деревянным изголовьем была заправлена пахнущим свежестью бельём, край тонкого одеяла откинут уголком. «Старается, Лилька, и вот всегда же так. Сразу видно, что ждёт она меня», — улыбнулся Петя, вышел из спальни и открыл дверь в ванную комнату.

Лиля в махровом халате стояла перед зеркалом и, напевая, сушила волосы неприятно дребезжащим феном.

— Ой, Петенька! Я чуток не успела, — сказала она, выключила фен, положила его в раковину и обхватила Петю за шею.

Он крепко обнял её и поцеловал.

Лиля закинула голову, посмотрела ему в глаза и спросила:

— Что-то случилось? Ты как будто каменный.

— Да Светка на ресепшене мозги выклёвывала!

Лиля слегка оттолкнула Петю, прошла в комнату, села в кресло и закинула ногу на ногу.

— Не обращай внимания, — сказала она. — Молодая ещё. Ничего в жизни не понимает. Меня всё устраивает. Так. Хватит говорить. Примерно через часик Арсен мясо принесёт. Я заказала тебе стейк на гриле. Иди в душ, а я в спальню. Иди. Я жду.

Петя проснулся в шесть утра. Он поднялся с кровати и раздёрнул тяжёлые шторы. Тёплый свет погожего утра заполнил комнату. Петя ушёл в ванную, принял душ и заглянул в спальню. Лили не было.

Он быстро оделся и спустился на ресепшен. У стойки стояла Лилия.

— Держи, Петя, — она протянула ему чёрный полиэтиленовый пакет. — Тут в дорогу: мяско жареное, лаваш, помидоры, огурчики, сок в коробке.

Петя взял поклажу и обнял Лилию, она поцеловала его в щёку и шепнула на ухо:

— Приезжай, я буду ждать!

Петя кивнул и направился к выходу.

«Конечно приеду! — подумал он. — А вот уезжать мне с каждым разом всё тяжелее и тяжелее».

На стоянке бурлила жизнь. Дальнобойщики крутились у своих машин, кто-то уже собирался в дорогу, кто-то завтракал.

— Чего, Петька? Погнал домой? — спросил бородатый водитель. Он взобрался на подножку и протирал тряпкой боковое зеркало большого грузовика «Вольво».

— Да, Фарид, погнал. Ты тоже собираешься?

— Сейчас Фархад кашу в кафешке дожует, и поедем.

— Ну давай! Ровной дороги!

— И тебе, Петюня.

Петя обошёл КАМАЗ, пнул по переднему колесу, забрался в кабину и со второй попытки захлопнул дверь. «Замок совсем разболтался, у сервиса машину брошу, а домой на тачке доеду», — подумал он, завёл двигатель, включил магнитолу, прибавил звук и выехал со стоянки.

Знакомая дорога была Пете не в тягость. Тяготили мысли. Много раз он давал себе слово порвать с Лилей, но вновь и вновь просил рейс в Москву, чтобы на обратном пути заехать к ней. «Дура ты, Светка, — подумал он. — Откуда тебе знать, что на душе? А может, Лилька и есть моя настоящая любовь? Если она для меня ничего не значит, что же мне дома не сидится? Тянет к ней как магнитом. Что делать-то? Кто подскажет?»

Он посмотрел на икону, приклеенную к приборной панели.

— Господи, если ты есть, сделай так, чтобы это всё закончилось! Устал я.

Погода портилась на глазах. Небо быстро затягивали косматые непробиваемые тучи, и первые тугие капли начинающегося дождя забарабанили по стёклам летящих по трассе машин. Вскоре ливень уже стоял беспросветной стеной. Водители включали противотуманные фары и сбрасывали скорость.

Ирина откинулась на спинку кресла и старалась не заснуть под ровное, убаюкивающее урчание массажного валика, вмонтированного в спинку сиденья. Она не заметила, как пролетели шесть часов пути. Сначала они болтали, останавливались на заправках, пили крепкий кофе с пирожными или бутербродами. Потом Максим Антонович веселил её анекдотами, затем наступила тишина: лёгкая музыка расслабляла, нагоняя

нежные мысли. Волнение у Ирины полностью исчезло, постепенно становилось спокойно.

«Окна закрыты, а пахнет весной, — подумала Ирина и закрыла глаза. — Может, конечно, у него такой парфюм, а может, я просто схожу с ума. Не понимаю, что со мной, но мне удивительно хорошо».

Максим Антонович, не отрывая взгляд от дороги, протянул к Ирине руку, коснулся её шеи и провёл по ней пальцами. Ирина вздрогнула и хотела отпрянуть, но вместо этого, подчиняясь желанию, наклонила голову к его ладони.

Левое переднее колесо КАМАЗа разорвалось с диким грохотом. Петя нажал на тормоз, выкрутил руль, но машина на мокром асфальте перестала подчиняться, она летела юзом. Грузёный прицеп оторвало и понесло в сторону. Кабина накренилась, Петя навалился на дверь, дверь распахнулась, и он вывалился на дорогу. Он хотел откатиться, но кабина, скрежеща металлом, перевернулась и накрыла его. Неуправляемый прицеп, поднимая брызги, вылетел на встречную полосу. Его закрутило, и он завалился набок, подмяв под себя мчащийся в Москву мерседес с номером три семёрки и регионом семь-семь-семь.

Красная площадь

Матвей Ильич, или, как его величали в деревне, дед Матвей, жил на севере Урала. Только один раз за девяносто два года он надолго оставил эти места, и не по своей воле, а когда ушёл на фронт.

Так распорядилась безжалостная судьба, что пережил он и жену свою, Марию Фёдоровну, первую красавицу в деревне, угаснувшую от рака в неполные шестьдесят, и сына-офицера, погибшего в Афганистане. Горевал он тогда люто. Запивался самогоном до разрывающей горло рвоты и до впадения в беспмятство. И даже руки пытался на себя наложить, но, вспомнив Божьи заповеди, вовремя спохватился. Утомился, постепенно принимая невосполнимость утраты, а чтобы не свихнуться от ноющих мыслей, уходил в лес и бродил там, наматывая десятки километров потаёнными тропинками, разговаривая с птицами и деревьями, или шёл на пруд, где в любую погоду целыми днями просиживал с удочкой, перебирая воспоминания о юности. Но капризная, уставшая от нудной жизни память словно вычеркнула всё хорошее, оставив только картинки тяжёлого военного времени.

Может, так и жил бы дед Матвей один на один со своими мыслями, если бы лет десять назад не появилась в его доме угловница Анька.

Отсидев очередной срок за поножовщину, Анька возвращалась в город, но не успела на автобус, который ходил раз в неделю, и стала бродить по деревне в поисках ночлега. Бродить-то особо было негде. От когда-то добротного колхоза имени Дзержинского осталось пять домов, остальные, брошенные хозяевами, горестно торчали прогнившими остовами на фоне густого хвойного леса.

Аньке тогда было пятьдесят. Назвать её красивой было сложно: кривой шрам на щеке от глубокого пореза ножом, неаккуратно зашитого тюремным лекарем, короткая мальчишечья стрижка, жилистая шея. Она была похожа на мужика-

работягу, посвятившего жизнь бетонным работам или перетаскиванию рельсов.

Всю ночь просидели они с дедом Матвеем: пили крепкий самогон и, вытирая слёзы, жаловались друг другу на горемычную судьбу. Под утро Матвей Ильич вытащил с антресолей подушки, одеяло, постельное бельё и длинную ночную рубаху жены.

— Будешь спать здесь, — сказал он и ушёл.

Разогретая алкоголем остывшая женская душа пробудилась и не давала Аньке заснуть. Она скинула одежду, зашла в комнату к деду и тихонько, чтобы не разбудить, легла рядом. Почувствовав на груди тяжёлую руку, Матвей Ильич открыл глаза и толкнул Аньку так, что она слетела на пол.

— Что это ты удумала, бесстыжая? — грозно спросил он, приподнимаясь на локте.

Анька сидела на выцветшем половике, прикрывая руками голую грудь.

— Прости меня, Ильич, — сказала она. — Прости. Понимаю я, что старый ты и не можешь, наверное. Но и меня пойми. Я семь лет запаха мужика не чуяла. Разреши с тобой рядом лечь, просто так лечь, прижаться и заснуть. Просто по-бабьи. Да и тебе теплее будет. А?

Дед Матвей недовольно хмыкнул, почесал голову и пододвинулся к стене, освобождая Аньке место на широкой кровати.

Анька осталась жить у деда Матвея. Она готовила, стирала, убирала, ходила с ним в лес собирать грибы, ягоды и заготавливала их на зиму. Да и Матвею Ильичу стало полегче. Хотя Бог и наградил его завидным здоровьем, в последнее время он начал сдавать. По лесу уже не нахаживал больших расстояний, но

наполненную водой сорокалитровую флягу ещё тягал от ко-
лодца к бане.

За долгие девяносто два года тягучей жизни дед Матвей ни разу не болел. Бывало, конечно, что подцепит какую-никакую простуду, продрогнув в заснеженном лесу или промочив обувь на рыбалке в прохладной воде, но такого, чтобы серьёзно, с жаром да в лёжку, не бывало. От лёгкой хвори он всегда избавлялся просто: посидит в покосившейся от старости натопленной баньке, а потом выпьет целебных трав, заваренных крутым кипятком в древней металлической полулитровой кружке со сколотой темно-зелёной эмалью. Наденет телогрейку, вскараб-
кается на печь да погрееется пару часов. Хорошенько пропотев, дед Матвей наливал до краёв гранёный стакан самогона и залпом опрокидывал его в рот. Закусывал обычно кусочком горячего сала, расплавленного на сковороде, предварительно густо посыпав его солью и перцем. Потом ложился спать, а утром от намечавшейся болезни не оставалось и следа.

Матвей Ильич поднялся в четыре утра.

— Анька, ты где? — крикнул он.

— Ты чего орёшь как резаный? — Анька заглянула в комна-
ту. — Поесть тебе готовлю в дорогу, ты же на рыбалку собрался.

— Ёксель-моксель, а ты откуда знаешь?

— Так сам вчера сказал. Забыл, что ли?

— Забыл, — вздохнул дед.

Анька присела на край кровати и погладила Матвея Ильича по голове, выравнивая торчащий клоч седых волос.

— Вот скажи мне, Ильич, у тебя когда-нибудь была мечта? Такая, чтобы ух! Чтобы сбылась она и ликovalo всё внутри,

а потом и умереть можно было спокойно. Ведь у тебя, кроме меня, в последнее время никакой радости-то и нет... Ой, пирожки горят, — приняхалась Анька и шмыгнула на кухню.

Дед Матвей надел брюки и вышел во двор. Шурясь мартовскому солнцу, он пробил широкую дыру в плотном насте и, зачерпнув ладонями мягкий снег, кряхтя и покрикивая, начал растирать им тело. Анька, накинув рваную телогрейку, стояла у дверей избы. Перебирая в руках махровое полотенце, она наблюдала за стариком.

«Повезло мне в жизни под старую задницу, — подумала она. — Вот встретить я его раньше, может быть и не отправилась бы на четвёртую ходку. Радоваться надо каждому дню, кто знает, сколько ему отмерено...»

Она улыбнулась и протянула полотенце подошедшему Матвею Ильичу.

— Пошли, Ильич, чай с пирожками пить, — сказала Анька и похлопала деда по покрасневшей спине.

Позавтракав, дед Матвей оделся, застегнул на все пуговицы длинный, с побитым молю мохнатым воротником тулуп, сунул в карман завёрнутые в тряпку два пирога с капустой и натянул на лоб шапку-ушанку. Подхватил самодельный бур, закинул на плечо алюминиевый, выдавший виды рыбацкий ящик на засаленном брезентовом ремне, и отправился на рыбалку.

Он брёл по толстому льду, сковавшему на зиму деревенский пруд. Яркое солнце слепило глаза, выдавливая слезинки. Дед Матвей выбрал место, пробурил лунку и уселся на ящик. Нацепил на крючок жирного мотыля и опустил леску в воду.

И снова пришли мысли о юности. Сегодня ему не вспомнились ни размётанные по земле окровавленные куски тел,

ни булькающие, вырывающиеся из груди хрипы умирающих друзей, ни вши и голод. Не вспоминались и прочие ужасы, снившиеся ему в первые годы после войны, на которую Матвей Ильич призвался в сорок третьем, как только ему исполнилось семнадцать лет.

Сегодня память вытащила из своих потаённых глубин тот июньский день сорок пятого года, когда он, пытаясь утихомирить бешеную внутреннюю дрожь, звучно отбивая каждый шаг, под барабанную дробь шёл по Красной площади, сжимая в окаменевших руках опущенное к земле трофейное немецкое знамя. С тех пор дед Матвей в Москве не бывал.

...Хлыст удочки качнулся, и поплавок, цепляя дряблую налесь, ушёл под воду. Матвей Ильич ухватился за леску и, торопливо перехватывая её руками, потащил вверх: на крючке, поблёскивая зазубренной чешуёй, дёргался крупный окунь. Дед Матвей скинул варежки, схватил рыбу за голову и аккуратно вытащил крючок.

— Живи, — немного подумав, сказал он и кинул трепыхающегося окуня в лунку. Быстро смотал удочку, уложил её в ящик и отправился домой.

— Что случилось? — озабоченно спросила Анька, увидев вошедшего в дом старика. — Заболел? Тебе плохо, Ильич? Не молчи.

— Мне хорошо, — задумчиво пробормотал Матвей Ильич, поставил на пол ящик и положил сверху бур. — Помоги раздеться. Чаю хочу с мёдом.

Когда они сели за стол, дед Матвей сказал:

— Поедем в Москву, пока силы есть. Хочу посмотреть парад девятого мая на Красной площади. Живьём, а не по телевизору.

— Чего вдруг? — усмехнулась Анька.

— А вот мечта у меня теперь такая. Чтобы сбылась, а потом и умереть можно было спокойно.

— Ну ты точно сбрендил на старости лет! — сказала Анька.

— Чего сбрендил-то? До города как-нибудь доберёмся, а там сутки на поезде, и в Москве. Только загвоздка есть — жить где-то надо.

— Вот это как раз не загвоздка. Деваха у меня в Мытищах живёт, Нинка, интеллигентка из профессорской семьи, за мелочёвку сидела. Я её в зоне спасла, а она, когда по УДО освободилась, мне грев* посылала, на свиданку приезжала. Подругами, короче, стали. Мы с ней до сих пор переписываемся, я же тебе говорила.

Дед Матвей махнул рукой:

— Не помню уже.

Анька подошла к комоду, накрытому белой ажурной салфеткой, вытащила пачку конвертов, перевязанных бечёвкой, и положила на стол:

— Вон, читай! В каждом письме в гости зовёт. Так что и приютят нас, и накормят. Можешь не волноваться. Я, кстати, Ильич, в Москве ни разу не была.

— Ну, на том и порешим, — сказал дед Матвей. — Добавь-ка мне кипяточку.

* Грев — уголовный термин. Обозначает недопустимые внутренним тюремным распорядком вещи, продукты питания, предметы первой необходимости и вещества, которые нелегально переправлялись в места лишения свободы.

Он протянул Аньке большую керамическую кружку с недопитым чаем.

Нина встречала их на Ярославском вокзале. Обняв и расцеловав подругу, она пожала руку деду Матвею.

— Не очень устали в дороге?

— Чего уставать-то, — улыбнулся Матвей Ильич. — Не пешком шли.

— Ну и отлично! — сказала Нина, прикрываясь ладонью от солнца. — Я тут решила инициативу проявить. Сейчас в кафешке перекусим, а потом я вас отправлю на обзорную экскурсию по Москве. Вещи я к себе увезу в Мытищи, а вы после экскурсии на такси ко мне приедете. А завтра с утра на Красную площадь отправитесь. Нормально, Ань?

— Нормально, — Анька обняла подругу. — Я знала, что ты у меня умничка.

— Только проблема есть маленькая, — Нина покачала головой. — Я узнала, что пройти на Красную площадь вряд ли удастся. Пропуск нужно было заказывать заранее. Кто говорит, за два месяца, кто за три. Так что шансов маловато, а вернее, нет совсем. Но мне сказали, что с Баррикадной или с Болотной можно увидеть, как военная техника идёт. В общем, на месте сориентируетесь.

— Спасибо, Нина! — сказал Матвей Ильич. — Сориентируемся. И по Москве с удовольствием проедем.

Нина достала из сумочки пачку тысячных купюр, перетянутых резинкой.

— Держи, Аня, это вам на мелкие расходы. Вдруг перекусить захотите, или на такси... В общем, мало ли что.

— Да есть у нас деньги, — сказал Матвей Ильич.

Нина сунула пачку Аньке в карман красной куртки.

— Не спорить! Вы мои гости. Пошли.

Она обняла Аньку за плечи, взяла деда Матвея под руку и повела в кафе.

После завтрака Нина устроила гостей в сверкающем белизной экскурсионном автобусе. Подошла к окну, завешенному голубыми занавесками, встала на цыпочки и постучала кулачком по автобусному стеклу. Увидев, что Анька с дедом смотрят на неё, улыбнулась и помахала им рукой.

В Мытищи после экскурсии гости добрались только к вечеру. Нина накрыла праздничный стол, но Матвей Ильич ужинать не стал — сразу бухнулся спать. А женщины за разговорами просидели на кухне почти всю ночь.

Таксист остановился в паре километров от Красной площади!

— Всё, дальше пешком. Проезд закрыт.

Дед протянул ему деньги и спросил:

— А дальше нам как?

— Идите за толпой, она выведет. На Бульварном кольце первый периметр. Не заблудитесь.

— Спасибо!

Выйдя из машины, Анька бережно поправила медали на пиджаке деда, подышала на орден Красной Звезды, прикреплённый на лацкане, и протёрла его рукавом.

— Волнуешься? — спросила она,

— Да, как тогда, в сорок пятом.

— Неужто помнишь?

— Не забывается такое! Да и как-то не в себе я сегодня. Голу обнесло, в груди стучит необычно.

— Не переживай, Ильич, справимся! Нам с тобой трудности нипочём.

Матвей Ильич шёл, оглядываясь по сторонам. Ему хотелось ухватить в памяти хотя бы кусочек тех чувств, которые переполняли его в тот далёкий день парада. Но чувств не было. Всплывали картинки, даже не картинки, а клочки картинок, серые, блёклые обрывки, а хотелось не этого. Хотелось царапающих душу эмоций, будоражащих сердце ноток ностальгии.

Ближе к первому кордону народу стало значительно меньше. К подковам металлоискателя выстроилась небольшая очередь. Дед Матвей волновался и нервно сжимал Анькину руку.

— Документы! — потребовал полицейский.

— Какие? — спросил Матвей Ильич

— А какие у вас есть? Пригласительный билет, спецпропуск или паспорт с пропиской, подтверждающей проживание на временно перекрытой территории.

— Вы, наверное, не поняли, — пробормотал Матвей Ильич. — Мне на парад надо пройти, на Красную площадь.

— Всем надо. Без какого-либо из этих документов не положено.

— Отойдите, не мешайте проходу, — полицейский легонько оттолкнул его в сторону.

Анька выскочила из-за спины деда Матвея, окинула полицейского злобным взглядом и закричала:

— Ты чего его толкаешь? Какие тебе ещё документы надо? Посмотри на его медали! Тебе этого мало? Он ветеран, он на параде Победы в сорок пятом был. Пропусти, говорю!

Второй полицейский вышел из ограждения и попятился, оттесняя Аньку и деда Матвея от металлоискателя.

Лицо Аньки налилось кровью. Она смотрела на деда и понемалу, как ему неуютно. Матвей Ильич и вправду не мог понять, что происходит — почему он, бывший врага, заслуживший семь медалей и орден, никогда ничего не просящий у страны, не может пройти на парад. Почему людям, не имеющим никакого отношения к победе, можно, а ему нельзя. Он обмяк, лицо его посерело, брови насупились, а губы, превратившись в тоненькие бескровные полосочки, мелко дрожали.

Анька с силой ткнула полицейского кулаком в спину и взвизгнула:

— А ну старшего зови! Кто тут у вас главный?

— Сейчас позову, — рявкнул через плечо полицейский. Он поднёс ко рту шипящую рацию и чётко проговорил:

— Четырнадцатый, код два. Четырнадцатый, код два.

Двери белого с зелёными полосами «пазика», стоящего неподалёку, открылись, и на улицу повыскакивали бойцы ОМОНа. Они побежали к полицейскому, вызвавшему подмогу, на ходу выстраиваясь в ровную шеренгу: опустили пуленепробиваемые забрала и вытащили дубинки. Огромные чёрные шлемы делали их похожими на бескрылых страшных стрекоз, сбившихся перед засухой в пугающую стаю. Чёткие ритмичные удары «берцев» об асфальт звучали зловеще. Полицейский отпрыгнул за ограждение, и Анька увидела озлобленный взгляд бойца, замахнувшего на неё дубинкой. Дед Матвей, как хищник, бросающийся на жертву, ринулся вперёд и закрыл её от удара. Дубинка глухо опустилась ему на плечо, ноги словно подломились, и Матвей Ильич рухнул на асфальт.

— Гады! — закричала Анька, упала на колени и склонилась над дедом, прикрывая его от возможных ударов. Аньке показалось, что стук его сердца отдаётся в её груди созвучием тонов и ритмов.

Ударов больше не было. Очередь, ожидавшая прохода на площадь, оживилась. Народ сбился в плотное кольцо, оберегая лежащих на асфальте людей. Анька слышала разноголосие доносящихся сверху истеричных криков: «Ребята, не надо! Он ветеран! Не бейте! Вы же люди!» Но их не слышали. Наслаждаясь безграничной вседозволенностью, бойцы выполняли свою работу. Они дубинками гнали возмущённую толпу к автобусу.

На деда Матвея и Аньку уже никто не обращал внимания.

— Вставай, Ильич, — сказала она. — Пойдём отсюда скорее, пока до нас не добрались!

— Не могу, Анечка. Грудь сейчас разорвётся. Умираю я, — прошептал Матвей Ильич и закрыл глаза.

— Ско-о-рую! — срывая голос закричала Анька. — Ско-о-рую!

Полицейский, вызвавший ОМОН, не ожидал такой развязки событий, и смерть ветерана, за которую запросто можно было слететь с работы, была ему ни к чему. Он что-то сказал в рацию, и через секунды подъехала дежурившая рядом реанимационная бригада. Врач склонился над дедом Матвеем, раздвинул пальцами веки, померил пульс и давление.

— В стационар. Срочно! — скомандовал он фельдшеру.

Матвея Ильича на носилках вкатили в машину скорой, врач с фельдшером устроились рядом.

Анька тоже попыталась сесть, но фельдшер потянул дверь на себя и коротко сказал:

— Нельзя!

Анька вцепилась в дверь левой рукой и рванула её на себя с такой силой, что фельдшер чуть не вывалился на улицу.

— Нельзя, — повторил он.

— Можно! — сквозь зубы процедила Анька и резко опустила правую руку. Длинный строительный гвоздь выпал из рукава и ровно, словно патрон в патронник, лёг в её ладонь. Она зажала его в кулаке так, что покраснели пальцы, и злобно спросила:

— Так мне можно с вами?

— Садись быстро к водителю, нам работать нужно, — сказал врач.

«Как чувствовала, что пригодится», — подумала Анька, отшвырнула гвоздь и забралась на переднее сиденье, захлопнула дверь, и машина рванулась с места.

— Как он? — спросила Анька, оглянувшись назад.

Врач недовольно зыркнул на неё и резко захлопнул матовое стекло, отделяющее кабину от салона.

Ей стало страшно. Впервые за время, проведённое с дедом Матвеем, она задумалась о себе. Что будет с ней, если его не станет? Как она будет жить? Кто он ей? Ни муж, ни любовник, ни брат, ни отец. «Господи, — подумала Анька. — Я растворилась и стала частью него. Если он умрёт, то что останется от меня? Пустая оболочка. Без души и эмоций, без тепла и любви. Всё уйдёт с ним».

— Что это? — прошептала она и провела ладонью по мокрой щеке. — Я плачу? Я?

Анька не плакала лет тридцать. Больше половины жизни, наматывая сроки, она ломала себя: училась терпеть и, стиснув зубы, подавлять любые захлестнувшие переживания.

Обстоятельства высушили глаза, сделали её жёсткой и стойкой. Любые чувства не отливались слезами, а оседали на сердце, покрывая его шрамами, срастающимися в прочную корку, прошибить которую уже ничего не могло. Она слизнула с пальца солёную слезинку и, закрыв лицо руками, завывала. Завывала надрывно, как изголодавшаяся волчица, отчаянно и протяжно. Анька чувствовала, что вместе с воем из неё выплёскиваются ненависть, обиды, горечь и страх — всё то, что накопилось в душе за корявую беспутную жизнь.

Водитель от неожиданности резко затормозил. Доктор отодвинул матовое стекло и заглянул в кабину:

— Что случилось? — спросил он.

Водитель пожал плечами, pokrutil пальцем у виска и показал на Аньку, которая уже не голосила, а неумело крестилась и нащёптывала:

— Господи, прошу, оставь его! Господи, спаси его!

— Хватит причитать, — оборвал врач. — Спас уже его Бог. Вон, лежит улыбается твой дед. Да не вертись, всё равно отсюда не видно. Сейчас доедем до больницы, и нагладишься.

Анька опять почувствовала, как горячие слёзы безудержно потекли по щекам.

В больнице их продержали часа три, сделали все анализы, и теперь в ожидании выписки Матвей Ильич и Анька молча сидели на узкой кушетке у приёмного отделения. Из кабинета вышел врач, окинул коридор взглядом и сел рядом.

— Ну что сказать, — начал он, перебирая документы. — Звоночек прозвенел! Стенокардия — штука серьёзная, с ней шутить не надо. Приедете домой, и сразу к врачу по месту

жительства. Но скажу честно, за все годы работы я второй раз встречаюсь с ситуацией, когда у пациента в девяносто два года анализы как у шестидесятилетнего. Конечно, в геронтологии ещё есть тёмные пятна, поэтому живите как жили, а сердце берегите. Я всё в рекомендациях написал.

Врач сунул документы в файл, протянул его Аньке, пожал деду руку и сказал:

— Надеюсь, больше не увидимся. Всего хорошего! Не болейте!

Билеты удалось купить только в дорогуший спальный вагон с шикарными двухместными купе. Анька, привыкшая путешествовать только в пересыльных вагонах, не могла успокоиться. Она щупала белоснежные простыни и пододеяльники, тыкалась носом в пропитанные цитрусовой отдушкой полотенца, вдыхая их аромат, и наглаживала деревянные полированные накладки на стенах.

Проводница зашла в купе, ещё раз проверила билеты и, пожелав приятной поездки, вышла, захлопнув за собой дверь. Дед Матвей и Анька сидели за столом друг напротив друга и держались за руки.

— Хорошо, Ильич, что ты не прошёл на Красную площадь, — сказала Анька.

— Чего ж хорошего-то? — удивился Матвей Ильич.

— А того! Если бы ты прошёл, то исполнилась бы твоя мечта, и ты после этого мог спокойно умереть. А я этого не хочу.

Матвей Ильич хмыкнул, почесал голову и сказал:

— Пить хочу. А организуй-ка, Анечка, нам чаю! Если получится, то с мёдом.

— Конечно.

Анька встала и раздёрнула занавески. За окнами набирающего скорость поезда мелькали покрытые молодой листвой деревья.

Майская гроза

Эта история — всего лишь вымысел, а все совпадения имён и событий случайны.

Я вышел из школы. Необычный для мая жаркий, душный день завершился бешеной грозой. Тяжёлые, словно из пожарного брандспойта, струи колотили по остывающему асфальту, взбивая прозрачные пузыри, которые тут же лопались и на их месте моментально появлялись другие. Скрываясь от ливня под козырьком крыльца, взгромоздившись на перила, курил одиннадцатиклассник Даня. Он был похож на промокшего, нахохлившегося ворона. Мокрые разводы чёрными пятнами сползали по капюшону на спину толстовки. С белой подошвы сырых матерчатых «слипонов» стекали редкие капли. Увидев меня, он спрыгнул с перил и, словно фокусник, спрятал сигарету в неплотно сжатом кулаке.

— Опять на территории куришь? — спросил я.

— Нет, что вы! — с хорошо сыгранным удивлением ответил Даня, и — как ему показалось, — незаметно, шелчком отправил окурок в траву.

— Ну-ну, — усмехнулся я. — Последнее предупреждение, потом держись. Ты чего домой не идёшь?

— Дождь, — ответил он, и снова уселся на перила.

— Подвезти?

— Нет, я человека жду.

— Надеюсь, дождёшься, — сказал я, махнул ему рукой и, не обращая внимания на захлюпавшую в туфлях воду, быстро пошёл к машине.

В салоне было душно, окна запотели, надёжно скрывая всё, что происходило снаружи.

«Так ехать невозможно, придётся минут пять подождать», — подумал я. Добавил звук магнитолы и включил кондиционер на полную мощность.

Воздух рванул через вентиляционные решётки, с шумом обрушился на стёкла, сдувая белёсую пелену, которая, сопротивляясь, медленно съезжала вниз. Сквозь появившийся в окне просвет я увидел её — хрупкую, вымокшую девушку, выскочившую из-за угла школы. Она бежала, подняв голову к небу, подставляя лицо дождю, и размахивала раскинутыми руками, будто крыльями. Пробежав немного, она подпрыгнула и ещё быстрее замахала руками, точно несмыслённый птенец, который пока не умеет летать, но искренне верит, что у него обязательно получится. Заметив девушку, Даня, перепрыгивая через ступеньки, бросился ей навстречу и легко подхватил на руки. Она обняла его за шею, задргала ногами и засмеялась искристо и звонко. Даня закружил её, словно в вальсе: не сгибал спину, быстро и уверенно переставлял ноги, подчиняясь едва уловимому ритму, звучащему у него в голове: раз -два-три, раз-два-три, раз -два-три...

Хотя я сразу узнал нашу Оксану, или, как её называли в школе, Оксю, но не мог поверить, что это она. За десять лет работы

директором я ни разу не видел ребёнка, который не смеялся. Вообще. Иногда задумчивая, поблёкшая улыбка мелькнёт и тут же исчезнет, но лицо при этом всегда оставалось истомлённым и отрешённым.

В прошлом году Окся пришла к нам в восьмой класс. Что мы только не делали, чтобы вернуть девочке пусть пока робкую, но веру в людей и надежду на возможное счастье! И вот сегодня я услышал этот доверчивый, неудержимый смех пятнадцатилетней девочки, нашедшей свою любовь.

...В шесть лет Оксана чувствовала: происходит нечто плохое, но что именно, понять не могла.

Она забилась в угол дивана, закуталась в плед и теребила пахнущую резиной симпатичную куклу с копной ярких рыжих волос. Кукла податливо изгибалась, издавая писклявые, мяргающие звуки. Папа, не поднимая глаз, ходил по комнатам, доставал из шкафов свои вещи и швырял их в большой чёрный чемодан. Мама, поджав губы и скрестив руки на груди, стояла у окна. Она с презрением смотрела на мужа, но её взгляд проходил сквозь него и упирался в торчащий из стены гвоздь, на котором ещё недавно висела семейная фотография в тонкой деревянной рамке.

— Ну вот и всё, — сказал папа и застегнул на чемодане молнию. Он сунул руку в карман, достал связку ключей и бросил её на диван.

— Иди сюда, Окся.

Девочка отбросила куклу и подбежала к отцу. Он взял её на руки, поднял и крепко прижал к себе. Дочь уткнулась в колючую щетину и заплакала.

— Когда папа приедет? — спросила маму, услышав, что отец захлопнул дверь.

— Никогда! — отрезала та.

— Почему?

— Вырастешь — поймёшь!

— Мы будем жить без него?

— Да!

— Я не хочу так! — Глаза девочки наполнились слезами, губы расплылись и стали похожи на сплюсненную пухлую трубочку.

— Вот только не ной сейчас! Мне и так тошно, — сказала мама. — Есть хочешь?

— Нет, — буркнула Оксана, забралась на диван, взяла куклу и зарылась с головой под плед. В этом тёмном домике ей было тепло и спокойно, и казалось, что за его мягкими стенами всё по-прежнему: мама, как обычно, нежно улыбается, а папа никуда не ушёл...

...Мама начала выпивать.

Сначала понемногу — на ночь бокальчиком вина запивала таблетку феназепама, чтобы заснуть, — но постепенно втянулась. Спокойствие не приходило, а вот вялость и угнетение появились: работать главным бухгалтером становилось всё труднее. Оксана видела, что мама заболела, и старалась помочь. Когда та проваливалась в пьяный сон, подкладывала ей в кровать свою любимую куклу, надеясь, что она сможет её вылечить. Утром, продрав глаза, мама наскоро собирала дочь в детский сад. Оксана, поджав губы и сдерживая слёзы, тихонько поскуливала, когда мама дрожащими руками нервно расчёсывала ей длинные, сбившиеся за ночь в клубок волосы.

Окся терпела, понимая, что мама болеет и расстраивать её нельзя...

Вечером в садик мама сильно опоздала.

Щебетание в игровой постепенно умолкало. Оксана нетерпеливо поглядывала на большие настенные часы в виде симпатичной мордочки весёлой лягушки. Мама обычно приходила за ней, когда большая стрелка вставала на цифру двенадцать, а маленькая разделяла улыбающийся рот лягушки на две половинки и упиралась в цифру шесть. Стрелки уже давно побежали в разбег, но определять время девочку ещё не учили.

— Где же наша мамочка? — спросила воспитатель. — Она не говорила тебе, что задержится?

— Нет, — ответила Оксана, развернулась и подошла к окну, из которого была видна дорожка, ведущая к калитке детского сада. Её сердечко взволнованно застучало: «А вдруг мама умерла? Она же болеет! Как я одна буду жить? Я же боюсь! Что я буду есть? Кто меня будет в садик водить? И где папа живёт, не знаю. Я, наверное, тоже умру». Уголки её рта потянулись вниз, нос покраснел, а глаза наполнились слезами. Оксане стало так жалко себя, что она громко заплакала.

Придя с мамой поздно вечером домой, она взяла любимую куклу, на секунду задумалась и внезапно оторвала у игрушки голову с копной ярких рыжих волос.

...Забирать Оксану из садика, а порой и отводить по утрам, стала соседка по площадке, странноватая пенсионерка тётя Валя. Казалось, что к шестидесяти годам она впала в раннюю юность: красила волосы в яркие, сочные тона и наводила боевой

макияж, модный в далёкие восьмидесятые, а на её худой, морщинистой шее всегда красовался большущий чёрный бант.

Тётя Валя жила в однокомнатной квартире с шестью кошками и за чистотой особо не следила. Кошкам дозволено было всё: они ходили по кухонному столу, тыкались мордами в посуду, таскали оставленную на тарелках еду и прятали её в незаправленной хозяйкиной постели. Запах от непромытых лотков и скисшей, заныканной в разных местах еды наполнил квартиру и влез в старые обои. Шерсть облепила всё, иногда казалось, что она просто висит в воздухе, не зная, к чему прицепиться. А самое страшное — блохи. Наскитавшись по улицам, кошки возвращались домой и награждали друг друга кусачими насекомыми, которых порой было так много, что они пытались жить даже в постельном белье и вещах.

Когда Оксана оставалась у неё ночевать, тётя Валя расправляла кресло-кровать, застилала его застиранным до мелких дырочек бельём и укладывала девочку спать.

Но заснуть Оксана не могла, кошки всю ночь ползали по ней: садились на ноги, грудь, лицо. Их шерсть лезла в глаза и рот, а если Оксана накрывалась с головой одеялом, её начинали кусать блохи. Они впивались в нежную кожу, оставляя красные, зудящие пятна.

Дети в садике перестали с ней играть, а как только Оксана подходила к ним, ребята фыркали, затыкали носы и разбегались — уж очень сильно от неё воняло неухоженными, запущенными кошками.

Одиночество в саду не тяготило её. Мама, устав пить, притормаживала, и в эти дни она вспоминала про дочь и старалась отдать ей всё свободное время...

В школе тоже приходилось нелегко.

Накануне первого сентября мама напилась так, что утром не могла встать. На линейку Оксану привела тётя Валя. Родители одноклассников неодобрительно переглядывались и кивали на странную пожилую женщину с чёрным бантом и стоящую в одном ряду с их нарядными детьми девочку в поношенной, плохо отглаженной одежде. Оксана стояла, поджав губы. Она завидовала этим счастливым ребятам и ненавидела их за все свои невзгоды.

Оксана сидела за последней партой. С одноклассниками ни конфликтов, ни стычек не было, на неё просто не обращали внимания, а задевать или подшучивать опасались.

Девочка превратилась в маленького, злобного одинокого волчонка с безжалостным, жёстким, совсем не детским взглядом.

Училась Оксана хорошо. Дружить было не с кем, и после школы она сразу бежала домой. Закрывалась в своей комнате, делала уроки, читала взятые в библиотеке книги и рассматривала журналы мод. Она мечтала и надеялась, что мама бросит пить и они снова будут жить спокойно, счастливо, но мама постепенно допилась до должности уборщицы в ТСЖ. А когда её нашли спящей в обнимку с мокрой грязной тряпкой в подъезде, который она убирала, то уволили и оттуда.

Оксане было тогда двенадцать лет, ей хотелось тепла, заботы, любви, но мама с каждым днём отдалялась, превращаясь в абсолютно чужого человека. Понимая это, Окся плакала, замыкалась в себе и всё больше ненавидела людей. Она не раз просила маму дать телефонный номер отца, но та огрызалась и всячески сопротивлялась желанию дочери.

— Чё ты от него хочешь? — спросила она. — Алименты платит, и ладно, чего ещё надо? Он к другой бабе ушёл. Всё! Нет его больше для нас!..

Прошло несколько лет.

Мама с Оксаной переехали в другой район, в маленькую однушку. Жить было не на что, и пришлось избавиться от большой трёхкомнатной квартиры, оплата которой сжирала почти все деньги: и алименты, и мамины гроши, полученные за разовую случайную работу. Разница в метрах вылилась в солидную сумму, и в семье ненадолго воцарился праздник. Мама пила дорогой коньяк, смачно закусывая деликатесами, которых в доме раньше никогда не бывало. А крепко напившись, упала перед дочерью на колени. Ползая по грязному полу и заливаясь пьяными слезами, она принялась вымаливать у неё прощение за недостаточное внимание и скупость чувств. Окончательно растрогавшись, мама дала Оксане кучу денег на покупку одежды.

Одноклассники в новой школе приняли Оксану спокойно. Видя её тяжёлый взгляд, нахмуренные брови и постоянно поджатые губы, они не торопились набиваться в друзья, да и конфликтовать с новенькой, дерзкой, модно одетой девчонкой никому и в голову не пришло. Её побаивались.

Новые шмотки и дорогая косметика придали Оксане уверенности. Она словно вырвалась из сдерживающей её скорлупы. Это был уже не затравленный волчонок. Это была волчица: хитрая, злобная и опасная. Вскормленная душевной болью, нелюбовью, нищетой и тоской. Стоило Оксане на перемене подойти к группке одноклассников, как они замолкали, вытягивались и с заискивающим напряжением смотрели на неё,

понимая, что ожидать можно любой выходки. Но такой она была только в школе, дома она становилась обычной девчонкой: любящей и ненавидящей мать, ранимой и беззащитной, плачущей по ночам от одиночества и беспросветности...

...Геннадий появился в их доме неожиданно.

Оксана пришла из школы. На полу в коридоре стоял старинный, выдавший виды брезентовый рюкзак. На кухне, за заставленным бутылками с водкой и закусками столом, сидели мама в белой блузке и плечистый мужик в майке-тельняшке и с бритой головой. Руки его были покрыты синими татуировками, сделанными явно не в тату-салоне.

— А вот и наша доча пришла, — ласково заглядывая в глаза мужику, сказала мама. — Проходи, доча, присядь с нами.

— Не хочу, — ответила Оксана, встала в проёме кухонной двери и упёрлась рукой в потёртый косяк. — Мама, это кто?

— Познакомься — это дядя Гена. Он будет жить с нами. Мы решили пожениться.

— Та-а-ак, — процедила Оксана.

Она зашла на кухню, взяла стоящую перед Геной чашку и выплеснула остатки сока в раковину.

— Запомни, дядя Гена, — презрительно сказала Оксана. — Это моя чашка и брать её тебе нельзя! — Включив воду, демонстративно принялась отмывать кружку засохшей «Санитой». Затем, протерев чашку полотенцем, Оксана налила в неё воду, выпила и спросила:

— Мама, ты с ума сошла? Как мы в этой квартирке будем жить втроём? Ты подумала?

— Ты как с матерью разговариваешь?! — нахмурил брови мужик.

— Тебя не спросила! — ответила Оксана, размахнулась и швырнула чашку в стену рядом с его лицом. Осколки со звоном рассыпались по столу.

Мама закрыла лицо руками, а Гена побагровел и начал угрожающе приподниматься. Оксана схватила со стола нож.

— Даже не думай! — крикнула она, выскочила в коридор, накинула куртку и выбежала из квартиры.

Оксана брела по километровому мосту через Каму и плакала, не вытирая слёз. Из окон проезжающих машин доносилась музыка.

«Когда же это всё кончится? — думала она. — Ведь не может этот ужас продолжаться вечно! Скорее бы вырасти и уехать подальше отсюда. На Север, где мало людей и никто не будет доставать... А может, не ждать?» От пронзившей мысли стало легко, но страшно.

Оксана огляделась по сторонам и начала перебираться через ограждение моста. Она не слышала ни визга тормозов оставившейся машины, ни стука каблуков подбежавшей женщины, только почувствовала сильный рывок, отбросивший её назад, и крепкие руки, обхватившие со спины.

Оксана хотела вырваться, но не получилось.

— Отпустите меня, я не буду! — попросила она.

Женщина ослабила руки, положила их на плечи девушке, развернула её и прижала к себе.

— Ты что это, солнце моё, искупаться надумала?

— Я, это, ну, э-э-э... — забормотала Оксана, и вдруг обняла женщину и зарыдала у неё на груди.

— Ну всё, солнце, хватит. Хочешь, ко мне поедem? Посидим, чай попьём. Как тебя зовут?

— Окся.

— Ух ты! Окся. Это значит Оксана?

— Нет, Окся.

— Ну, как скажешь, Окся. Ну что? Ко мне?

— Нет.

— Тогда садись в машину, я тебя домой отвезу.

...Оксана зашла домой, не включая свет, сняла обувь, куртку и прошла в комнату.

Спёртый запах перегара наполнял помещение. Она раздёрнула плотные шторы, открыла окно.

В комнате, в свете уличного фонаря, девушка увидела на кровати сморённых водкой маму и Гену. Одеяло свалилось на пол, обнажив их голые тела. Мама, неуклюже раскинув ноги, лежала на спине. Из открытого рта вырывались свистящие, булькающие хрипы. Гена устроился на боку, его татуированная рука закрывала мамину худосочную грудь. Оксана с омерзением посмотрела на них и почувствовала, как в животе что-то заклокотало и закрутило. Закрыв рот ладонью, она побежала в туалет...

Оксана почистила зубы, не раздеваясь легла на свою кровать и закрылась с головой одеялом. Очень хотелось плакать, но слёз не было, только сухой стон вырывался из груди, она посильнее закуталась в одеяло и заснула.

Проснулась от того, что чья-то холодная крепкая рука раздвигала ей ноги. Девушка открыла глаза и увидела над собой Гену. От него воняло селедкой, луком и водкой.

— Мама! Мама! — истошно закричала Оксана.

Он сдавил ей рот ладонью и недобро прошептал:

— Хоть заорись! Мать, как нажрётся, ничего не слышит. Ещё раз пикнешь, так я тебе вмиг позвоночник сломаю!

Оксана пыталась укусить его за руку, но ничего не вышло. Гена навалился всей тяжестью крепкого тела и сорвал с неё трусики.

— Будешь знать, сучка, своё место! — приговаривал он. — Будешь знать, как на дядю Гену с ножом кидаться!

Оксане вдруг стало всё равно, она ничего не ощущала: не было ни боли, ни обиды, ни страха, ни ужаса. Её словно отключили и вырвали на время из жизни.

«Если бы тётка не остановилась на мосту, я была бы уже далеко-далеко», — подумала она, закусила губы и провалилась в обморок.

Мама умерла через неделю.

На похоронах были Оксана, тётя Валя и отец. Он обнимал дочь за плечи и приговаривал:

— Не волнуйся, Окся, что-нибудь придумаем. Только не волнуйся!

После кладбища все поехали в кафе, с часик посидели — без кутьи, киселя и поминальных речей — так, по-тихому, вроде как по-семейному. Тётя Валя всплакнула на дорожку, обняла Оксану и ушла.

— Что теперь будет, папа?

— Всё будет хорошо, Окся. Если больше есть не будешь, то поехали.

— Куда? Я домой не поеду.

— Ты будешь жить у нас.

— У кого — у вас?

— Всё. Собирайся! Поехали знакомиться.

Двери открыла симпатичная женщина. Увидев девочку, она побледнела и опустила глаза. Происходящее переворачивало привычную жизнь с ног на голову. Принять незнакомого человека в дом с давно устоявшимися правилами было выше её сил.

Папа подтолкнул Оксану вперёд.

— Знакомьтесь, девочки! — сказал он дрожащим голосом. — Это моя дочь Окся, а это моя жена Лена. А это, — папа указал пальцем на кудрявого мальчишку, сияющего изобразить радостную улыбку, — Андрей, наш сын, ему через год в школу. Думаю, драться не будете.

— Пойдём, я комнату твою покажу, — сказал мальчишка и протянул Оксане руку.

— Блин, как в сказке про Золушку! А школа как? Далеко ведь ездить.

— А в школу мы тебя переведём. Тут, через квартал, есть одна, как раз для таких, как ты.

— Каких? — Оксана нахмурила брови.

— Таких, — закашлялся папа. — Особо одарённых и в будущем обязательно счастливых.

Когда дети вышли, Лена с облегчением вздохнула:

— Едва выдержала, так трудно улыбаться, когда до конца не можешь осознать, что происходит. Что дальше будет, Саша? Мы всё правильно делаем? Может, всё-таки в детский дом, а?

— Лена! Ну какой детский дом, при живом отце? Мы же говорили на эту тему, — папа обнял жену. — Ты только держись. Трудно будет, это точно: и нам, и ей. Но даже Андрюшка справился. Так серьёзно сказал, по-хозяйски: «Пойдём, я комнату твою покажу». Артист!

— Нет, Саша, не артист. Это от души. Он ей руку протянул, а этому мы его не учили. Но это сегодня всё так гладко. А что потом? Она же чужая, хотя и твоя.

— Лена, ты думаешь, мне легко? Надеюсь, всё образуется. Люди по пять детей из приюта берут, и ничего — живут. Будет совсем тяжело — подумаем. Ладно, давай на стол накрывать.

...Через месяц папа перевёл Оксю в нашу школу.

...Ливень закончился. От горячего воздуха в салоне стало удушающе жарко.

Я опустил стёкла и выключил кондиционер. Нависшую тишину прерывала тихая музыка из магнитолы да доносившийся с улицы щебет очнувшихся после дождя птиц.

Даня поставил Оксю на асфальт и обнял за талию, она обхватила его за шею, встала на цыпочки и уткнулась носом в мокрую щёку. Потом, словно что-то вспомнив, дёрнулась в сторону и вытащила из кармана телефон.

— Данька, шесть пятнадцать! Меня же просили Андрюшку из садика забрать! Побежали скорее!

Данька схватил её за руку, и, перепрыгивая через лужи, они помчались к калитке.

«Да, неожиданно, — подумал я, глядя им вслед. — Как-то незаметно для нас Данька отогрел остывшую душу погрязшей в горестях девчонки. Многое со временем забудется, но сегодняшнюю грозу, я думаю, они не забудут никогда». Я подъехал к шлагбауму и нажал кнопку на пульте. Полосатая красно-белая перекладина завибрировала и, покачиваясь, поползла вверх, освобождая выезд на широкую дорогу.

Выбор

Наташа стояла в узком коридоре квартиры, и позёвывая наблюдала, как муж собирается на рыбалку. Он оделся, поднял с пола пластиковый ящик и поцеловал жену в щёку.

— Ну всё, дорогая, отдыхай! Буду поздно вечером.

— Ты помнишь, Андрюша, что меня дома не будет? У нас встреча одноклассников.

— Помню, помню, — буркнул Андрей. — Ты смотри там не очень... И ужин не забудь приготовить.

— Иди уже! Когда ты у меня голодным оставался? — Наташа легонько подтолкнула мужа к выходу. — Всё, давай, с богом!

— А ты не давай! — хмыкнул Андрей и, громыхая ящиком, с трудом протиснулся в дверь.

Наташа посмотрела на часы. «Станный народ рыбаки, охотники. И хочется из тёплой постели в выходной день вылезать, чтобы в пять утра тащиться чёрт знает куда? Чудики!» — подумала она и вытащила из тумбы большую фотографию, наклеенную на толстый лист картона. Легла в кровать и начала внимательно её рассматривать: «Вот он, наш выпускной класс. Все полны надежд, улыбаемся. Конечно, впереди взрослая жизнь: родительского контроля нет, зато будет любимая работа, большие деньги и счастливая семья. Эх, мечты, мечты... У кого они сбылись? Двадцать пять лет не виделись. Молодец Лариска, всё организовала! Тут она прикольная, с косичками. Ая-то какая красотулька! Да все хороши. Интересно, узнаю кого-нибудь? Думаю, да. А вот и мой влюблённый принц! Дима. Очкарик и мямля с кудрявой чёлкой и пухлыми губами. Смешный. Зато как любил! На всё готов был ради меня. Но — не

мой вариант. Ненавижу тихонь, да и очки эти страшные в пол-лица. Жуть! Ладно, хватит валяться, всё равно не засну. Лучше потом днём прилягу».

Наташа отложила фотографию, поднялась, скинула пижаму и пошла в ванную. Встала под душ, подняла голову и с наслаждением подставила лицо под горячие струи воды, вырвавшиеся из прямоугольной потолочной лейки. Наплескавшись, обвернулась мягким длинным полотенцем, сунула ноги в шлёпанцы и пошла в спальню. Села на пуфик перед трюмо, открыла тюбик с кремом и наклонилась к зеркалу.

— Я и сейчас красотулька! Взрослая, счастливая и довольная жизнью красотулька, — сказала Наташа, и лёгкими движениями пальцев начала размазывать по лицу пахнущий травами крем. Замерла, не моргая посмотрела на отражение, подмигнула себе и прошептала: «Себе-то не ври: довольная жизнью! Затрахлаюсь я уже от такого счастья!»

Наташа встала, размотала полотенце, бросила его на пол и взяла с полочки трюмо баночку с кремом для тела. Не отрывая взгляда от зеркала, обмакнула в неё пальцы, и начала размазывать крем по шее, плечам и груди: «Никогда не думала, что так будет, — вздохнула она, — что всё исчезнет: романтика, нежность, страсть. Останется рутина: работа, готовка, стирка и уборка. И секс по пятницам, как награда за трудовые подвиги. Блин, а если я хочу не в пятницу? Так нет же! В другой день нельзя, он, видишь ли, устаёт на работе. Как будто пятнадцать минут близости могут его прикончить. В выходной у нас рыбалка или охота, а я до полуночи скребу эту чёртову чешую с рыбы или выдираю перья из глухарей. Да я уже от рыбного запаха в магазинах шарахаюсь!»

Наташа накинула халатик, подняла полотенце, унесла его в ванную и повесила на змеевик. Она пришла на кухню и наскоро позавтракала: выпила чай с парой тостов. Включила плиту, поставила на конфорку кастрюлю с водой и аккуратно опустила в неё кусок телятины на сахарной косточке. Наташа надела фартук и принялась шинковать капусту. «Сама виновата, — подумала она. — Хотела настоящего мужика — получила! Чего теперь стонать? Вроде всё нормально, не ссоримся. Живём и живём. Только с каждым годом жизнь какой-то серой становится. Словно фотография цветная на солнце выгорает и чёрно-белой становится. Вон, Машутка завела себе мужика на стороне, и довольна! А может, и мне?.. Нет! Я так не смогу. Воспитание не то. А может, рискнуть? Страшно! Чёрт знает куда это может завести! У мужиков седина в бороду, а у нас? Гормоны в голову или дурь? Да просто надоело всё! Праздника хочется для души».

Наташа дорезала капусту, скинула её с разделочной доски в эмалированную мисочку, сняла шум с покрытого жёлтой плёнкой бульона, бросила туда целую луковицу и принялась за морковь. Резала она аккуратно, чтобы получались тонкие, ровные брусочки.

«Любопытно, — размышляла она, — а если бы я вышла замуж за кого-нибудь другого, не за Андрея, так же бы всё было? А за кого? У меня других-то и не было. Как закрутил мне мозги, так и прилипла к нему навечно. Хотя... Ну, выйди я за Димку-очкарика, и?.. Интересно, он придёт сегодня? Каким он стал? Такой же ботаник, как и был, а может, бизнесмен крутой? Этот бы меня точно на руках носил! Не факт. Боже мой! За всю жизнь один мужик! Есть чем гордиться. Машутке рассказать — уржётся. Да о таком нынче и не обмолвишься. Засмеют».

Наташа шумовкой достала из кастрюли набухшую, распаренную луковицу и скинула её в блюдо. Подцепила кусок телятины и положила его в глубокую прозрачную тарелку с красным широким ободком. Пар от мяса расползлся в стороны, но, подчиняясь работающей вытяжке, смерчем устремился вверх. Наташа ссыпала в кипящий бульон овощи, быстро нарезала крупный помидор и жёлтый болгарский перец. Аккуратно, чтобы не пролить вытекший на разделочную доску сок, добавила их в кастрюлю.

— Ёлки-палки! Я же хотела стирку замутить! — воскликнула Наташа, и поспешила в ванную загружать стиральную машинку.

Разобравшись с бельём, она вернулась на кухню. Кусок телятины к этому времени остыл, Наташа нарезала его и добавила в кастрюлю. Помешала и довольно улыбнулась: суп выглядит аппетитно. Она попробовала его, добавила соли, закрыла крышкой и выключила газ.

«Так, с этим покончено, сейчас выпью кофе и займусь курицей», — подумала Наташа и включила духовку. Она достала из навесного шкафчика турку из кованой меди, сварила кофе и налила его через ситечко в прозрачную чашку с широким красным ободком. Принесла из комнаты школьную фотографию, села за стол и начала рассматривать её:

«Да, что за мысли на меня с утра обрушились? Тоска зелёная! Хочу перемен, пусть не глобальных, а так, чуть-чуть, чтобы на секунду вырваться из рутины. А может, сегодня закрутить с кем-нибудь из одноклассников? Пашка ничего вроде парень был, да и Саша Симонов тоже. Сейчас, наверное, все толстые и лысые. А вдруг Дима на самом деле крутым стал? Очки свои

страшнущие выкинул, линзы вставил, а глаза у него такие же влюблённые, как и раньше? И посмотрит он на меня и скажет, что всё это время ждал меня и не женился. А теперь он хочет увезти меня подальше от всех и любить как прежде. Возьмёт он меня на руки, унесёт в самолёт и изменит мою жизнь навсегда... Вот дура! У меня дел по горло, а я сижу тут сказки сочиняю».

Наташа вытащила из холодильника замаринованную с вечера курицу, уложила её в сковороду и сунула в духовку.

— Всё, пора готовиться к встрече, — сказала она, вытирая руки о цветастое полотенце. — Квартиру убирать не буду, бельё развешу, курицу вытащу, и на сегодня хватит!

«Андрюша молодец, конечно. Отдыхай, говорит, и пошёл. Уже полдня тут наготовавливаю. Замечательный отдых! Золушка — ни дать, ни взять», — подумала Наташа и вышла из кухни.

В ресторан «Над облаками» она ехала на такси. Наступающий вечер опускался угрюмой темнотой. Подтаявший за день снег покрылся чернотой и стекал на дорогу расползающимися лужами. Зимняя резина скрежетала по асфальту пугающим шорохом. В машине было жарко, и Наташа чуть-чуть опустила стекло, сделав маленькую щёлочку, чтобы брызги от проезжавших рядом машин не попали на впервые надетое белое пальто.

«Вот зачем я его купила? — размышляла она. — Мне кажется, лет двадцать назад весна не такая была: солнце светило, птицы пели, снег моментально таял. А главное — запах! У весны был свой запах, особый, нежный. Он будоражил до мурашек, кружил голову и наполнял чувствами. А сейчас? Серость, слякоть, тучи и запах бензина. И никаких чувств. В общем, выцветшая фотография. А я в белом пальто».

— Мы приехали, — сказал таксист, остановил машину, вышел на улицу и открыл Наташину дверь.

— Вот это сервис! — она протянула ему деньги. — Сдачи не надо.

— Вы такая красивая, — сказал таксист и помог Наташе выйти. — Вы мой номер сохраните и звоните, когда надо. Напрямую, без диспетчера. Я мигом примчусь! В любое время.

— Спасибо! — улыбнулась она. — Обязательно позвоню.

Наташа вскинула голову и гордо, словно королева, направилась ко входу в ресторан, гулко постукивая каблуками красных лакированных туфель.

— Вы куда? — спросил охранник.

— На встречу. Ресторан «Над облаками». Я туда попала?

— Да. Вот там лифт. Вам на девятнадцатый этаж. Раздеться можете здесь.

Наташа отдала пальто гардеробщику, взяла номерок и пошла к лифту.

В зале играла тихая музыка. Разогретые аперитивом одноклассники галдели как дети. Смеялись, обнимались, разговаривали. Заметив Наташу, они примолкли и повернулись к ней.

— Это что у нас за красotka? Признавайся сразу, чтобы мы головы не ломали, — спросила женщина, и приготовилась поставить галочку напротив фамилии, записанной в блокноте.

— Я — Наташа Шведова, а ты Лариса Иванова, только без косичек. Правильно?

— Наташка! — закричали все и кинулись ей навстречу.

Она поздоровалась со всеми по очереди и спросила:

— Вроде все пришли?

— Почти. Димки Наговицына нет, — ответила Лариса, держа Наташу за руку. — Катя Рыжкина умерла два года назад. Лена Некрасова не придёт, родила вчера девочку.

— Родила? В нашем-то возрасте?

— Жизнь, Наташенька, такая. Кого Бог забирает, а кого рожать отправляет. Так что ждём только Димку. У него рейс задержали, но он позвонил недавно, сказал, что в гостинице устроился и скоро будет. А вот и он!

В зал зашёл мужчина с букетом бордовых роз.

— Всем привет! — крикнул он. — Кто не узнал, я — Наговицын Дима. Девчонки — это вам!

Дима раздал женщинам по цветку и подозвал администратора.

— Организуйте нам, пожалуйста, ёмкость под букет, и поставьте на стол, только чтобы он нам не мешал видеть друг друга, — сказал Дима и протянул администратору оставшиеся цветы. — Ну что? Теперь давайте обнимемся, друзья! Какие же вы все красивые и почти не изменились!

Наташа с изумлением смотрела, как Дима по кругу подходит к одноклассникам: смеётся, жмёт руки. «Этого не может быть! — подумала она. — Та же кудрявая чёлка, те же пухлые губы и шикарные очки. Но это не Дима-мямля. Он вошёл в зал, сказал пару слов, и будто придавил непонятной силой, которой хочешь не хочешь, а придётся подчиниться».

Дима поздоровался со всеми, подошёл к Наташе и обнял её.

— Привет, Наташка!

— Привет, — она уткнулась ему в плечо.

— Как ты?

— Нормально. Как у тебя?

— У меня, Наташка, всё замечательно. Мы сегодня должны поговорить, только чуть позже. Мне надо выпить для храбрости, — сказал Дима и выпустил её из объятий.

— Тебе — для храбрости? — удивилась Наташа.

— Ну да! Я как тебя увидел, так дрожь в коленках, как раньше. Слишком долго я представлял эту встречу.

— Все за стол, все за стол, — громко позвала одноклассников Лариса. — Сейчас выпьем, закусим. И предлагаю, чтобы каждый рассказал о себе. Кто чем занимается, кто какое место нашёл под солнцем. Рассаживайтесь! Я на тарелки таблички с фамилиями расставила. Прошу местами не меняться и меня слушаться! Не забыли, я всё-таки старостой была?

Все засмеялись и ринулись к накрытому столу. Наташа с интересом слушала, но интересовал её только Дима, а он был немногословен: «Живу и работаю в Австрии. Уехал через пару лет после окончания универа. Женат не был, детей нет. Вот вкратце как-то так. А пошли-ка ребята танцевать!»

Одноклассники одобрительно зашумели и повыскакивали с мест. Наташа тоже поднялась и пошла за всеми. Дима удержал её за локоть и, наклонившись к уху, шепнул:

— Пойдём поговорим.

Он подозвал официанта и сказал:

— Принесите нам кофе в фойе. Мне двойной эспresso, а даме... — он вопросительно посмотрел на Наташу.

— Флэт уйт, — добавила она.

В фойе стояли тёмно-зелёные кожаные глубокие кресла на толстых изогнутых ножках и стол со стеклянной столешницей. Сплошные шторы полностью закрывали огромные панорамные окна. Бра на стенах отбрасывали мягкий уютный свет.

Было тихо: шум зала не мог пробиться через плотно закрытые массивные деревянные двери.

— Присаживайся! — сказал Дима. — Хорошо тут, спокойно.

— Да, — ответила Наташа.

Двери распахнулись, и вошёл официант. Доводчик заело, и в фойе ворвалась грохочущая музыка, смех, свист и радостные вопли. Официант поставил кофе на стол, рядом положил пластиковую подставку с вмонтированной кнопкой.

— Если ещё что-нибудь понадобится — нажмите, и я подойду.

— Спасибо, — сказал Дима. — Только избавьте нас от этого гвалта!

— Конечно, — ответил официант и ушёл, закрыв за собой двери.

— Рассказывай, Наташа, как живёшь, только подробно. Мне интересно всё, — сказал Дима, отпивая кофе.

Наташа пододвинула к себе чашку:

— Так вроде нечего рассказывать. Всё как у всех. Закончила наш университет, работаю экономистом. Муж. Дочь взрослая, живёт в Питере, замуж недавно вышла. Так что жду, когда бабушкой стану. Расскажи, Дима, лучше про себя. Похоже, что у тебя всё намного интереснее.

— Тут ты права. Закончил я университет Пирогова в Москве, фармацию. На втором курсе познакомился с продвинутым преподавателем, начали вместе одну идею обкатывать. Короче, накропали ему докторскую, а я потом на своих исследованиях кандидатскую защитил. Но никому в России мои открытия оказались не нужны. Зато в Австрии заинтересовались и пригласили. Вот и уехал. Сейчас я бизнесмен. Корпо-

рация своя. Лекарства разрабатываем, патентуем, сертифицируем и, конечно, продаём. Живу хорошо. Не женат. Тебя всё жду.

— Очки у тебя были смешные, — неожиданно вырвалось у Наташи.

— Очки? — переспросил Дима и рассмеялся. — Очки, между прочим, самые модные в то время у меня были. Папе кто-то из Югославии привёз. У меня их сейчас штук двадцать, наверное. Не могу линзы носить, мешают. А почему ты вспомнила?

— Не знаю, — сказала Наташа, потом встала, подошла к окну и раздёрнула шторы. — Посмотри, Дима, какая красота! Никогда не была на такой верхотуре. Реклама, свет фар спешащих машин, город словно раскрасили яркими красками...

Дима встал рядом, взял её за плечи, развернул и поцеловал. Наташа прижалась к нему и обняла. Ей захотелось плакать.

— Послушай меня, Наташка! — Дима взъерошил ей волосы. Не поверишь, но ведь о тебе всё время думаю. Как любил тебя, так и люблю. Бросай всё! Поехали со мной! Хочешь — для начала в гости. На день, неделю, месяц. Хоть насколько. Я тебе билеты куплю. У меня дом большой. Будем гулять по старой ночной Вене, пить кофе. В оперу тебя свожу. Ты была в Венской опере? Нет? Ты хочешь поехать со мной?

— Да, — прошептала Наташа.

— Скажи мне свой номер телефона, я позвоню.

— Ты с ума сошёл! У меня муж.

— Вот дурак, об этом я не подумал. А поехали сейчас ко мне в отель?

Наташа замотала головой:

— Ты что, Дима! Я так не могу. Как-то всё неожиданно.

Дима снова поцеловал её и достал из кармана пачку визиток.

— Наташенька, я сейчас уеду, завтра с утра встреча с вашим губернатором, а вечером самолёт домой. Вот тебе визитка, позвони днём. Встретимся, пообедаем и обсудим грядущие перемены. Всё решим. Вернее, ты решишь. Как скажешь, так и будет. Согласна?

— Согласна, — прошептала Наташа, и взяла карточку с номерами телефонов.

Дима попрощался с одноклассниками и уехал, а Наташа ещё долго стояла у окна, любуясь переливами огней...

Наташа ехала домой на такси. «Вот как всё обернулось! — размышляла она. — Крутой бизнесмен и такой же влюблённый взгляд. Это надо же, словно в сказке: как нафантазировала себе, так и получилось. Это мой шанс! Димка нежный, заботливый и уж точно будет меня на руках носить. А я? Я люблю его? Не знаю. Каких-то разрывающих сердце чувств нет. Мне было приятно его обнять и целоваться приятно. Тепло по телу разлилось, даже дрожь давно забытая и трепет. А может, правда махнуть в гости, не завтра конечно. Возьму отпуск и поживу у него, а там как получится. Хотела же вырваться из замкнутого круга. Мне осталось только решиться, и всё. А Андрей? Как же он?»

Наташа зажала визитку в кулак, приоткрыла окно и высунула руку.

— Вам жарко? — удивлённо спросил таксист и посмотрел на неё в зеркало заднего вида.

— Нет, мне холодно. Очень холодно, — тихо ответила Наташа и разжала пальцы.

На площадке было темно. Наташа на ощупь вставила ключ в замок и вошла в квартиру. В нос ударил резкий запах свежей рыбы. Она не раздеваясь прошла в гостиную, в которой мерцал экран включённого телевизора. Андрей спал на диване в одних трусах, на полу стояли две пустые бутылки из-под пива.

— Понятно, — пробормотала Наташа и пошла на кухню.

На столе стояла грязная посуда: большая бульонная чашка с присохшими к краям остатками капусты и моркови, тарелка с куриными костями. В раковине лежал увесистый прозрачный полиэтиленовый пакет с мелкими окуньками. Не раздумывая, она схватила его и, распахнув окно, вышвырнула на улицу.

— Вот и всё, — сказала Наташа, с силой захлопнула раму и прижалась лбом к холодному стеклу.

Она увидела тяжёлое низкое небо, чёрные окна соседнего дома и одинокий фонарь, освещающий ярким лучом брошенную, давно разъеденную ржавчиной машину...

Серый

Самым радостным днём для Серого был день, когда он стал отцом тройни. Он не знал, какие чувства испытывают, когда сходят с ума от счастья, но догадывался, что именно это с ним и происходит. Выказывать восторг и вываливать свои эмоции на всеобщее обозрение не хотелось, и он отправился в лес. Так бывало и раньше: и в детстве, и в юности. Когда сердце разрывают переживания, светлые или сумрачные, он уходил подальше, туда, где точно не встретишь грибников или охотников, решивших похозяйничать в лесу. Туда, где никто не найдёт, где можно

расположиться на полянке и дышать глубоко и спокойно, набирая полные лёгкие воздуха до головокружения и дрожи.

В лесу в конце весны дышится по-особенному легко. Растаявший снег насытил истощённую почву влагой. Озябшие деревья, измученные долгой зимой, возвращались к жизни и утоляли жажду, вцепившись корнями в талую землю. Ветки наполнились живительной силой, распрямились и покрылись нежными листьями. Сначала робкими и незрелыми, но с каждым днём они крепчали, наливались зеленью и тянулись к небу.

Серый улёгся на живот, уткнулся носом в бархатистую траву и, словно прикрываясь от полуденного солнца, закинул лапу на голову. Мягкие лучи лезли в глаза, он зажмурился и подумал, что в скором времени будет бродить с детёнышами по лесу. Он покажет им всё: и потаённые тропы, и заброшенные схроны, а самое главное — места, где лучше выслеживать добычу. И конечно же, они с матерью научат детей охотиться.

Со стороны могло показаться, что Серый заснул, но его уши приподнимались при любом шорохе, а широкие ноздри вздрагивали, уловив мимолётный запах приближающейся дичи. Он встрепенулся, приподнялся, огляделся по сторонам и помчался к логову, в которое волчица перетаскала недавно родившихся волчат.

Серый понимал, что мать ещё долго не подпустит его к потомству, но желание увидеть малышей не давало ему покоя. Он остановился около норы, обустроенной под вывороченными из земли толстыми корнями сваленного старостью дерева, и просунул в неё голову. Волчата, отталкивая друг друга, жалобно пищали и тыкались мордочками в обвислый живот матери.

Увидев Серого, волчица недовольно зыркнула на него и угрожающе зарычала. Серый оскалился, рыкнул в ответ и побежал в ближайшую деревню.

Издали заметив дом фермера Степана, он забрался в колючий кустарник, устроился поудобнее и устался на большой загон, наспех сколоченный из пахнущего смолой горбыля. Овец в загоне было немного. Они вяло пощипывали свежую траву и тянули из яслей прошлогоднее сено.

Серый заметил, что пятнистый ягнёнок отошёл в сторону и просунул голову в дырку под забором. Извиваясь словно изящная кошка, он сдавленно блеял и всё дальше протискивался в просвет, оставляя на нестроганных досках клочки кудрявой шерсти. Серый привстал, прищурился и прижал уши. Как только ягнёнок оказался на свободе, волк бросился вперёд и, набирая скорость, ринулся к жертве. Почуввав опасность, овцы в панике начали дико блеять и метаться по загону.

Кавказская овчарка, сидящая на цепи во дворе дома, захлёбывалась лаем. Она рвалась в бой, вставая на задние лапы, но тут же плюхалась на спину, откинутаая назад натянутой лязгающей цепью.

Серый подскочил к ягнёнку, впился ему в горло и придавил к земле. Ягнёнок пару раз дёрнулся и замер. Волк прихватил его за холку и припустил в лес. Сзади доносились звуки выстрелов, но это не пугало, а только прибавляло сил.

Бросив добычу у норы, Серый победно зарычал, лёг на живот, открыл пасть и свесил набок красный язык. На запах из логова вышла волчица.словно королева, она благосклонно кивнула мордой, радостно заурчала и, вонзив кривые когти в шкуру ягнёнка, начала разрывать её на клочки.

Серый положил голову на лапы и с наслаждением смотрел на подругу. Похудевшая после голодной зимы и родов, отдавшая все силы потомству, она всё равно была хороша. Серый перевернулся на спину и игриво заскулил, не отводя взгляд от волчицы, а она на секунду подняла окровавленную морду, дружелюбно рыкнула в ответ и снова принялась за еду. Серый продолжал валяться на спине, он лениво дрыгал лапами, отпугивая атакующих мошек. Он наслаждался происходящим и подумал: «Хорошо, что когда-то отбилсЯ от своей стаи и завоевал расположение дочери предводителя чужаков».

До этого Серый полагал, что самое большое блаженство — это охота, но после рождения малышей понял, что семья и забота о ней и есть настоящее счастье. Он верил, что скоро семья станет больше и превратится в непобедимую стаю, ответственность за которую он будет нести с гордостью и честью. А когда придёт время и он почувствует слабость, то не будет дожидаться позорного проигрыша в бою за власть, а попросается со всеми и уйдёт умирать высоко в горы. И тогда в памяти детей и внуков он навсегда останется непобедимым героем — мудрым, отважным и справедливым.

Лето и осень Серый водил семью по лесам, но к холодам они вернулись в покинутое логово под вывороченным деревом. Место было удобным: вроде и в чаще, и в то же время недалеко от деревни, в которой в трудные времена можно добыть пропитание. Двор фермера Степана был для этого идеальным местом: живности полно, а хозяин частенько от души попивал самогон. Да так, что ночью его и пушкой не разбудить.

Пришла зима. Лес засыпало непролазным снегом. Замёрзшие деревья нарядились в искристые белые шапки. На мёрз-

лых ветках ютились вороны. Они прижимались друг к другу и, спрятав клювы под сизые крылья, дремали. Чёрное безоблачное небо переливалось мерцающими пятнами звёзд. Выщербленная луна тускло освещала протоптанные зверями тропы.

Серый с волчицей оставили детёнышей в логове и двинулись в деревню. Волки почуяли запах свежей крови и пошли на него. Предвкушение удачной охоты будоражило воображение и пробуждало аппетит.

В снегу у забора валялась коровья нога. Волки переглянулись и рысью кинулись к ней, оставляя после себя прямую строчку следов.

Звук от выстрела дуплетом отозвался в ночной тиши громopodobным эхом. Серый прижал уши и опустился на снег. Через просветы в заборе он увидел Степана, который, шатаясь, заряжал ружьё. Из глубины двора доносился истошный лай кавказской овчарки, запертой в сарае. Мужик прицелился и снова выстрелил. Пули взрыхлили снег в метре от волка. Серый вздрогнул. Он огляделся и увидел волчицу. Она лежала на боку с простреленной головой. Обезумев от ужаса, Серый уже не обращал внимания на пальбу, схватил подругу за холку и потащил в лес.

Добравшись до логова, он отпустил волчицу, высоко задрал морду и тягуче завыл.

Волчата прыгали около матери, шпыняли её носами и теребили лапами, но она не шевелилась. Щенки уселись рядом с отцом, уставились на луну и, подражая ему, подняли протяжный вой.

Серый смотрел, как ветер поднимает пухлые снежинки и опускает их на бездыханное тело. Сначала их было немного,

они лишь слегка прикрывали густую шерсть, но ветер усиливался, и вскоре волчица была засыпана нежным ватным снегом. Серый лёг рядом и уткнул нос в лапы.

Простить смерть подруги он не мог, и на рассвете отправился к дому фермера. Волчата не понимали, куда идёт отец, но поплелись следом, словно чуя, что именно сейчас они должны быть рядом с ним. Добравшись до деревни, стая притаилась за сугробом.

Степан в телогрейке, надетой на тельняшку, убирал снег возле калитки. Взмахнув пару раз лопатой, он бросил её в сугроб и сел на лавку около забора. На широком пне, заменявшем столик, лежал полиэтиленовый пакет, на котором стояли початая бутылка самогона и тарелка с нарезанным кружочками солёным огурцом и гладкими ломтями сала, пронизанного мясными прожилками. Степан налил полстакана, взял огурец и крикнул через плечо залившемуся безудержным лаем псу:

— Да заткнись ты, пустобрёх! Нет тут никого!

Степан поднял глаза и выронил стакан.

— Твою же мать, — прошептал он и начал медленно подниматься.

Из-за сугроба на него мчалась стая волков. Степан закричал.

Серый резко остановился, присел на задние лапы, оттолкнулся и прыгнул. Он схватился за ворот телогрейки, повис на ней и повалил мужика в снег. Волчата, не обученные охоте, приняли всё за игру. Они кусали Степана за ноги, не давая подняться. Серый злобно рычал. Он отпустил воротник, широко разинул пасть и вцепился Степану в шею. Он вгрызался всё глубже и глубже, пока горячая кровь из распоротой артерии

не хлынула в морду. Волк победно рыкнул и не спеша побежал прочь, волчата припустили за ним.

Позади раздался дикий крик, потом хлопнул выстрел, затем другой. Серый оглянулся и увидел, что, склонившись над Степаном, орёт убитая горем жена, а его сын стреляет по ним.

Волчата притихли, замерли и вжались в снег. Серый развернулся и широкими прыжками рванул обратно — потерять детей он не мог. Снова раздался выстрел: пуля попала ему в брюхо и откинула назад. Серый взвизгнул от боли и упал. Кровь мелкой горячей струйкой потекла на снег. Вторая пуля угодила в спину.

Прислушиваясь к угасающим ударам сердца, Серый поднял голову и увидел, что волчата быстро убегают, скрываясь вдаль. Они изредка оглядывались назад, словно понимали, что навсегда прощаются с умирающим отцом.

Серый выдохнул протяжно, со свистом и медленно закрыл глаза.

Жаба

Антон Юрьевич даже не заметил, что мерзкая жаба обосновалась в его растревоженной душе. Это произошло не один десяток лет назад, когда он только начал работать журналистом в газете «Молодой коммунист глубинки».

Святая вера в светлое будущее, где для полного счастья нужно было только отдать по способностям, а получить по потребностям, окрыляла его. Он мотался по командировкам, выискивал передовиков труда, которые ради показухи и премии рвали

жилы и докладывали о выполнении пятилетнего плана за три года. Броскими штампованными лозунгами Антон Юрьевич восхвалял партию и острым словом клеймил тунеядцев.

Кипучая деятельность журналиста-комсомольца была замечена первым секретарём обкома партии, и карьерная лестница Антона Юрьевича тут же превратилась в эскалатор, застланный бордовой ковровой дорожкой с зелёным орнаментом по краям: приём в партию, Высшая партийная школа и должность главного редактора в родной газете. Именно в этот момент в душе Антона Юрьевича поселилась небольшая пятнистая жаба, и вначале тревожное, а потом приятное тепло расплзлось по его телу.

Ощущение тяжести величественной царской короны было настолько явным, что Антон Юрьевич, обуреваемый желанием потрогать её, непроизвольно провёл рукой по голове. Обнаружив на затылке едва пробивающуюся лысину, обескураженно вздохнул, но не расстроился. «Главное — чувствовать, что я король, — подумал он, — а на остальное плевать. Или на остальных? Да какая, в принципе, разница».

В Союз журналистов Антона Юрьевича приняли без проволочек. Разложенные перед комиссией пропахшие архивом подшивки газет с его статьями, восхвалявшими роль партии, и телефонный звонок секретаря обкома сделали своё дело: членский билет был выписан заранее.

Жаба, подпитываясь тщеславием, заметно подрастала, жирела и набирала силы. Она смогла загнать в шею Антону Юрьевичу незримый штырь, который не позволял ему наклонить голову.

Теперь он смотрел на собратьев по перу сверху вниз, с долей превосходства и надменности. А вот заходя в обкомовские

кабинеты, он теперь не мог услужливо кивнуть, выказывая по-добострастие. Приходилось выражать льстивое угодничество низким поклоном, прогнувшись всей спиной. Начальство ценило его за преданность и умение из рутинной партийной работы создать героические мифы о подвигах партийцев. Очерки с вымышленными фактами подхватывали и печатали редакторы многотиражек «Правда» и «Известия». Хотя передовицы этих изданий читали только те, о ком они были написаны, да и загнанные в ленинскую комнату на политинформацию рабочие.

На Антона Юрьевича навалилась слава. В журналистских кругах его корону никто не замечал, а вот слухов о его нечистоплотности пополз, и вскоре он остался без друзей.

«Разве королю нужны друзья? — размышлял Антон Юрьевич. — Королю нужна восхищённая толпа, припадающая на колено, а лучше на два, и чтобы шляпы снимали. А ещё хочу, чтоб кричали женщины „Ура!“ и в воздух чепчики бросали».

Нашлись те, кто корысти ради падал ниц, и те, кто снимал нижнее бельё. За это Антон Юрьевич помогал продвинуть в издательстве бездарную рукопись и посодействовать в скорейшем получении гонорара. Особой любовью к Антону Юрьевичу воспылал графоман Игорь Петрович Гладколов. Он готов был не переставая бить челом и целовать руки покровителю, а будь он женщиной, незамедлительно скинул бы и одежду.

За всю жизнь Игорь Петрович написал единственный роман с неброским названием «Путешествие из Ленинграда в Москву», который был похож не на художественное произведение, а на толстенный отчёт об успехах партии в переустройстве сёл и деревень.

Гладколовов писал о прекрасной жизни колхозников, которым посчастливилось родиться в советской стране, а не в загнивающей Америке или выжженном солнцем Израиле. Антон Юрьевич прочитал роман и остался доволен. Автор не виделся конкурентом, да и посягательств на корону, уже нашедшую своего обладателя, у него не было. Объяснив Гладколовову приятные перспективы дальнейшего сотрудничества, Антон Юрьевич добавил свою фамилию к фамилии автора и отправил рукопись в издательство.

Заручившись поддержкой высокопоставленных партийных боссов, он продвинул роман на Государственную премию. Радостную новость друзья обмывали в новой квартире Гладколовова, которую тот получил без очереди за особые заслуги перед отчизной. Пили много и долго: за Родину, за Брежнева и, конечно же, за талант Антона Юрьевича. Рисовали выпуклые картинки будущего, мечтая о Ленинской премии и званиях героев социалистического труда.

Антон Юрьевич гордо нёс невидимую корону и всегда поддерживал свиту. Когда он получил ко многому обязывающее звание критика, то приобрёл возможность читать произведения новых авторов. Стиснув зубы, он переворачивал страницу за страницей и понимал, что подросло талантливое племя, которое устало от строительства коммунизма и не сегодня, так завтра вытеснит его с олимпа. Антон Юрьевич красным карандашом перечёркивал текст и писал — не годен. А порой, заподозрив маломальскую крамолу, переправлял рукопись в КГБ.

И так продолжалось бы вечно, если бы перестройка, гласность и демократия не протрубили фанфарами победу. Гора с гордым названием «Союз» затряслась и медленно посыпалась

братскими республиками, как камнями, хороня под собой устои, а также веру в мифические идеи и сытое будущее. Свет в конце тоннеля погас, но забрезживший луч иллюзорной демократии прогрел землю, и свежая поросль молодых писателей и журналистов заполнила полки магазинов наспех слеplенными книгами. Цензурный отдел, которым руководил Антон Юрьевич, упразднили за ненадобностью, а его, хотя он сильно сопротивлялся, выпнули на пенсию. Рынок перелопачивал тонны изданий и сам определял, на чём можно заработать, а что пустить на производство туалетной бумаги.

Жаба, навсегда прижившаяся в душе, теперь питалась злобой, которой у Антона Юрьевича накопилось в избытке. Гладколобов, державший нос по ветру, понял, что выжал из бывшего покровителя всё нужное для комфортной жизни, вычеркнул благодетеля из короткого списка друзей и устроился корректором в небольшое издательство. Антон Юрьевич остался один: женщину, достойную короля, он не нашёл, а о детях, если они где-то и были, он не знал.

Телевизионные новости о том, что в очередной раз разрушен старый мир и начинается строительство нового, его не интересовали. Много раз он пытался написать очерк, но кроме канцеляризов о партии в голову ничего не приходило. Восхвалять новую власть не имело смысла. За эту великолепно оплачиваемую работу взялись специалисты, обученные промыванию мозгов, да и ругать старую желающих появилось столько, что хоть в очередь записывай.

Вот и осталось посереvшему от злобы Антону Юрьевичу только, попивая водочку, познавать творения новоиспечённых модных писателей.

— Это же ужас! — крикнул он, закрывая очередную прочитанную книгу. — Пошлость и безвкусица!

— Замечательно написано, — прошмякала в ответ сытая, разжиревшая жаба. — По-новому, по-современному. Не то, что ты писал. Везёт автору: слава, деньги, почёт! А ты — старый неудачник.

— Это я-то неудачник? — переспросил Антон Юрьевич. — Дура! Я король. Почти Бог!

— Ага, Бог! Тебя же никто не вспомнит.

Антон Юрьевич встал на стул и достал с антресолей шкафа четыре пухлые, запылывшиеся картонные папки и бросил их на стол. Захлебнувшись подкатившей к горлу злобой, он принялся разрывать на них завязки. Из папок посыпались вырезанные заметки из старых газет.

— Врёшь, тварь! Посмотри, сколько у меня статей в газетах. Сотни!

— Статей сотни!.. А кому они нужны? Канцелярщина и штампы. Конъюнктурщик! Молодёжь пишет о вечном, а ты? Социализм, коммунизм, пятилетний план, спасибо партии родной... И? Нет партии, и тебя нет. Одно слово — труп. Живой, никому ненужный труп.

— Заткнись! — заорал Антон Юрьевич, схватил со стола книгу и швырнул её в стену.

— Ох, разошёлся, — прошамкала жаба. — Иди выпей, может полегчает.

Антон Юрьевич тут же остыл и хмыкнул:

— Дело говоришь.

Он прошёл на кухню, взял из шкафчика изящную гранёную рюмку, достал из холодильника бутылку дорогой водки и на-

чатую баночку чёрных, крупных, как слива, испанских оливок.

— Не маловато будет рюмашки? — усмехнулась жаба. — Где наш гранёный стакан, который ты вместе с подстананником лет двадцать назад в поезде стырил?

Антон Юрьевич убрал рюмку и, отыскав стакан, поставил его на стол.

— Так нормально? — спросил он.

— Отлично! В самый раз. То, что надо.

Он начал медленно наливать водку.

— Давай, давай, — приговаривала жаба. — Лей, не стесняйся! Пятьдесят грамм не поможет. Лей до краёв. Пить так пить!

Антон Юрьевич подчинился.

— Молодец! — поддержала жаба. — Закуску не забудь.

Антон Юрьевич сунул два пальца в открытую банку и, разбрызгивая на стол чёрные пятна рассола, выковырял оливку. Взял стакан, глубоко выдохнул, осушил его залпом и зажевал оливкой. Сел за стол, скрестил руки на груди и закрыл глаза.

— Что, король? — не унималась жаба. — Сползла корона? Или ещё держится?

— Да заткнись ты наконец, гадина! — процедил Антон Юрьевич.

— Ой-ой-ой! — рассмеялась жаба. — Какие мы нежные стали. А где же королевское величие и надменность? Или чужой талант покоя не даёт? Выпей ещё, а вдруг и у тебя на старости лет писательский дар проснётся, а то так и помрёшь бездарем. Пей, кому сказала! Да наливай с горкой. А не хватит — магазин за углом. Там тебя, короля, все знают. Помнят ещё твои королевские замашки. Как ты там раньше всех строил. То не так и так не эдак. Пей!

Антон Юрьевич схватил бутылку, быстро налил полный стакан и выпил. Спазм перехватил горло, заставив закашляться так, что синяя вена на шее угрожающе вздулась. Он схватил банку с оливками и жадно принялся пить рассол.

— Полегчало? — заботливо поинтересовалась жаба. — Ты на балкон выйди, подыши, пока ливень не начался. Грохочет уже вдали. Видишь, небо-то чёрное стало! Это только над тобой. У всех остальных оно нежное, голубое, безоблачное. Ступай!

Антон Юрьевич зашёл в комнату, раздёрнул шторы и вышел на балкон. Вдохнул полной грудью и посмотрел вниз.

— Что, любишься? — ехидно спросила жаба. — С девятого этажа людишки такими малюсенькими кажутся, как букашки. Всё, как ты и хотел. Кто они? Мелочь! А ты? Ты король, почти Бог! Снизойди до презренных! Иди к ним, не бойся. Разреши этим ничтожным прикоснуться к тебе, небожителю. Встань выше, пусть они, задрав головы, смотрят на тебя.

Антон Юрьевич принёс с кухни табуретку и, держась за стену, вскарабкался на неё.

— О мой король! — прошептала жаба. — Прислушайся... Слышишь? Плебеи зовут тебя. Иди к ним, король, иди!

Антон Юрьевич раскинул руки и шагнул вперёд...

Грозовой ветер рванул штору, промчался по комнате и смахнул со стола вырезанные из газет заметки.

Содержание

Наша Юлияша.....	5
Личная жизнь	22
Привкус мёда.....	35
Ненаписанный портрет	47
Ночное свидание.....	64
Цыганский приворот	76
Митинг	89
Урюк.....	101
Домушник	108
Теннис.....	123
Разлучник	133
Справедливость.....	138
Соседи.....	149
Непогода.....	163
Красная площадь	182
Майская гроза	197
Выбор.....	212
Серый	223
Жаба.....	229

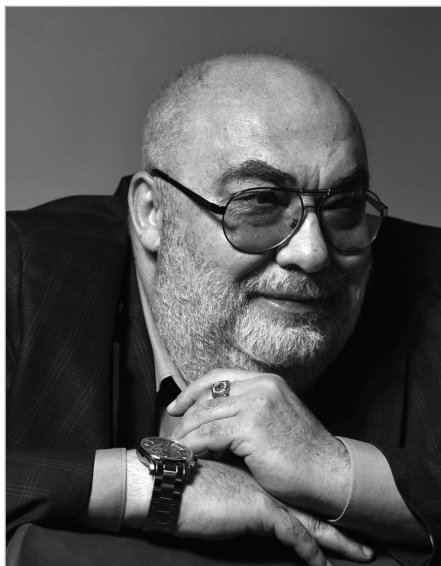

Фото: Владимир Бикмаев

Олег Аронович ЧЕРНЯК

Родился 18 июня 1961 года в городе Перми. В 1976 году окончил восемь классов физико-математической школы № 9, поступил в Пермский строительный техникум. В 1980-м принят по распределению на работу инженером технического отдела в Пермское отделение Стройбанка СССР. В 1989 году завершил обучение в Пермском политехническом институте. Трудился на промышленных предприятиях города Перми. Работая, продолжал учиться. Получил образование по специальностям «экономист» и «психолог». С 2004 года перешёл на работу в систему образования.

Корреспондент литературно-публицистической газеты «Пермский писатель». Дипломант литературного конкурса «Новые имена» (2016), Международного конкурса «Вся королевская рать» (2016), литературных конкурсов «Жизнь — игра» (2017) и «Самый яркий праздник» (2017, за оригинальный сюжет). Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2019), премии имени А. Ф. Мерзлякова администрации г. Перми (2019).

Публикуется в журналах «Чешская Звезда», «Московский Bazaar», «Директор школы», альманахе «Литературная Пермь». Член Союза писателей России (2018), член Союза русскоязычных писателей Израиля (2018).

Живёт в городе Перми.

Краткая библиография

Птица вольная: Рассказы. — Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2016. — 232 с.

Случайная закономерность: Рассказы. — Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2016. — 278 с.

Время свободы: Рассказы. — Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2017. — 320 с.

Будем жить! Повесть. — Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2017. — 304 с.

А раньше она умела летать.... Рассказы. — Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2018. — 352 с.

Голос парящей души: Рассказы. — Пермь: Пермский писатель, 2018. — 352 с. — (Антология пермской литературы; т. 26).

Разговор, которого не было: Рассказы. — Пермь: Пермский писатель, 2019. — 240 с. — (Антология пермской литературы; т. 30).

Литературно-художественное издание

антология
пермской
литературы
том 33

Олег
ЧЕРНЯК

НЕНАПИСАННЫЙ ПОРТРЕТ

рассказы

Автор проекта	<i>В. Якушев</i>
Корректор	<i>Н. Семукова</i>
Дизайн серии, вёрстка	<i>С. Неведомская</i>

Пермская краевая
общественная
(профессиональная)
организация
Союза писателей России,
ПКОО «Пермский писатель»
614000, г. Пермь,
ул. Сибирская, 30
permsprossii@rambler.ru

Подписано в печать 07.08.2020 г. Формат 70х108¹/₃₂.
Бумага ВХИ. Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10.5. Тираж 1000 экз. Заказ № 644.

Отпечатано в соответствии с предоставленным
ИП Неведомская С. Э. оригинал-макетом
в ОАО ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
www.uralprint.ru

антология
пермской
литературы

ISBN 978-5-6042008-8-9

9 785604 200889